

Диана Хант

Белая ворона в академии Аусвер

Глава 1. Аврора

— Так вот он какой! Первый портал в межпространство! А что, мне нравится.

— Рори! Тебе рано вставать, слышишь? Ро! И думать не смей!

— Так вот он какой! Первый портал в межпространство! А что, мне нравится.

— Рори! Тебе рано вставать, слышишь? Ро! И думать не смей!

— Да что мне сделается? Ты обещал, что я буду первой!

— Но он ещё не проверен! Я понятия не имею, куда тебя может забросить.

— Чушь... Какая чушь! Никому не уступлю пальму первенства!

— Риски...

— Плевать! Не тебе говорить мне о рисках. Я рискую каждое утро, когда просыпаюсь. Лучше поцелуй меня...

Портал замерцал, когда обнажённая фигурка шагнула внутрь.

Яркая вспышка... и от неисправимой оптимистки и его вдохновения остался лишь едва уловимый аромат духов.

Сама же она неслась сквозь миры...

Аврора

— Так вот ты какой... Аусвер!

— Аусвер — академия, — занудно поправил маг. — А об академии принято говорить «какая». Вас что, в дальних дистриктах элементарной грамматике не учат?

Я пожала плечами, не очень-то спеша отвечать. За время путешествия занудство эмиссара перешло в разряд некой неизменной составляющей, как то — трава зелёная, небо голубое, восход солнца розовый. К тому же маг имел обыкновение отвечать на свои вопросы сам, тем самым подчёркивая мою тупость и невежество. А я и не спорила. Зачем?

Он вёз меня в Аусвер!..

И за куда меньшее я готова была обожать его до конца жизни.

К тому же, что немаловажно, довёз!

И вот сейчас, когда пространство между гигантскими колоннами вспыхнуло, заискрило, зашипело, а за мерцающей завесой проступило самое огромное и величественное здание, что я когда-либо видела в жизни... у меня от волнения даже рот открылся, а по пальцам сами собой побежали заряды, чего дома вообще не случилось!

Господин маг не врал... Слухи не врали!..

Аусвер... он оказался великолепен! То есть она, академия, оказалась...

Впрочем, назвать это академией язык не поворачивался. Скорее, замок. Именно так по моим скромным представлениям должны выглядеть старинные замки.

Симбиоз мощи, величия и какой-то неуловимой зловещести.

Чем дольше я смотрела на Аусвер, тем сильнее слабели ноги, сердце же, наоборот, колотилось, как бешеное... При этом цвета проступали ярче, а границыплыли, словно я наяву погружалась в сон. Дыхание ёкало, внутри всё сжималось. Не то от восторга, не то от страха. Всё же, наверное, от восторга. Страх мне знаком не понаслышке и давно стал неизменной составляющей жизни.

...Но все эти шпили, башни, колонны, каменные горгульи!.. Невероятно!!

А на самой высокой башне сидел и хлопал гигантскими кожистыми крыльями дракон!

Огромный! Изрыгающий пламя! Оно огненным водопадом рассеивалось в воздухе, не долетая до земли!

И пусть это всего лишь иллюзия, но насколько же мастерски сделанная! Не отличить от реальности! Я чувствовала, я просто физически ощущала, как меня утягивает в совершенно новый мир, больше похожий на сказку!

— Это офигенско! — вырвалось у меня, и маг скривился так, словно у него заболел зуб.

Крепко взяв меня за руку, и бормоча что-то о том, что ещё успею осмотреться, протащил через весь двор к главному входу. Причём студенты расступались перед нами, прямо-таки шарахались в разные стороны!

На мага они не смотрели. Смотрели на меня. С осуждением и сочувствием, что было странно.

Потому что ладно ещё с осуждением. На другое, учитывая свою кхм, нестандартную внешность, я и не рассчитывала. Но сочувствие? Это мне было сложно понять. Мы же в Аусвере! Сочувствовать надо тем, для кого эти ворота закрыты...

— Тебе туда, — подтолкнул в спину маг, когда мы вышли во внутренний двор академии. Большой, кстати!

А посреди — ещё один дом, трёхэтажная пагода под хрустальным куполом, к ней ведут вымощенные разноцветным кирпичом дорожки, словно лучи солнца или лепестки цветка. Узкие, на такой с кем встретишься — разминёшься только боком, выпустив из себя весь воздух.

Что ещё было странно и непонятно, — за воротами — я точно помню — небо было чистым, голубым, ни облачка. Здесь же хмурилось, а запах мокрого камня и лужи вдоль дорожек выдавали ненадолго затихший ливень. Хорошо ещё, что на дирижаблях прохладно и дует, и на мне сапожки и плащ, пусть и на рыбьем меху.

Но ладно ещё — небо. На небе странности не заканчивались.

От центральной башни так разило магией, что, такое ощущение, волосы на голове приподнимались.

Наверное, в этот самый миг я и поняла, поверила, наконец, что это не сон. Я и в самом деле в лучшей, легендарной и вообще элитной магической академии Преториума! В бьющемся сердце Триума! Офигеть!

— Туда? — повторила я.

Эмиссар нахмурился.

— Прежде, чем получить форму, учебники, место в общежитии тебе нужно пройти Распределение.

Что такое Распределение, я знала. Маг по дороге рассказывал. Это не больно. Сфера Истины просканирует мой мозг, ауру, уровень раскрытия магического дара и поможет определить, на какой факультет меня направить.

Я, если честно, мечтала о механике.

Симбиоз магии и прогресса — что может быть интереснее?

— То есть мне... идти?

Я преданно ела глазами человека, который спас меня от страшной смерти, и ещё намного более страшной жизни. Который привёз меня в Аусвер... предмет мечтаний любого мага и... я ведь даже имени его не знаю!

С самой нашей первой встречи он наказал обращаться к нему «господин маг», и всю дорогу держал дистанцию. И даже сопровождающие нас миротворцы, которых я боялась до одури, так к нему обращались, и, такое ощущение, в свою очередь, до одури боялись «господина мага».

В общем стою, глазами хлопаю, варежку, опять же разинула — ни дать, ни взять юродивая побирушка из дальнего дистрикта — а у самой слёзы на глазах, хотя сентиментальность мне как-то не свойственна.

Но как отблагодарить этого важного человека за то, что для меня сделал? Ответ один: никак.

За такое отблагодарить невозможно...

— Иди! — в последний раз наказал маг. — И не забывай, Аврора, как тебе повезло!

На секунду в глубоко посаженных, прищуренных глазах сверкнуло что-то похожее на сочувствие, но затем также стремительно погасло.

Помотав головой, я направилась к воротам в виде арки, увитой плющом.

Состояние — ошалелое, в голове словно оркестр играет.

Иду, пялюсь по сторонам, хорошо ещё, рот закрыть вспомнила.

Но когда над головой со свистом пронеслось что-то отвратительно вопящее, ещё и макушку ощутимо так задело, я взвизгнула и присела, прикрыв руками голову.

Вопящее же нечто взмыло и уселось на выступ башни. Сложив крылья и замерев, оно оказалось каменной горгульей со злобно горящими красными глазами.

Засмотревшись на напугавшую меня горгулью, я чуть шею не свернула, и чуть не врезалась со всего размаха в студента, который как раз вышел из ворот аркой мне навстречу.

Парень был на полторы головы выше меня, в плечах, что называется, косая сажень.

Чтобы не сшибиться с ним, я успела выставить перед собой свободную от чемодана руку. И, хоть толчок в грудь был едва ощутимым, парень скривился, сморщился.

По фиолетовой отделке лацканов формы я опознала студента седьмого курса. Господин маг ещё в дороге научил, что по форме можно понять, кто перед тобой — первокурсник или выпускник. Мне на первом курсе полагалась красная отделка, затем придёт черёд оранжевой, жёлтой, зелёной, голубой, синей, и, наконец, фиолетовой.

— Простите, — пискнула я, робко улыбаясь и привычно вжимая голову в плечи. — Я засмотрелась на горгулью.

И тут же осеклась. Нет, ну я привыкла, что на меня смотрят с нескрываемой брезгливостью... Белая, как снег, кожа, такие же белоснежные волосы, ресницы, брови и ярко-розовые, как у кролика глаза, понятно, никому красоты не добавят, но есть же границы!

Студента, которого я, повторяю, чуть не задела, прямо-таки перекосило! На лице застыла маска неприкрытого страдания! И это было как-то уж слишком.

Да я и сама знаю, что урод. Но... думала, что в Преториуме оно как-то полегче будет, всё же не дальний приморский дистрикт с суеверным по самое не могу населением.

— Эй! Посторонись! — раздалось злое откуда-то сбоку. — Дай ему пройти!

Оглянувшись, я увидела, что к нам, прямо по лужам приближается ещё один студент. Высокий и такой рыжий, что я часто заморгала, но тут же мысленно отвесила себе оплеуху. Мне ли не знать, каково живётся с нестандартной внешностью!

Но тут же вынуждена была признать, что, пожалуй, все минусы «нестандартности» достались мне, маленькой и щуплой девушке-альбиносу, а этому рыжеволосому красавцу Четырёхликая щедро отвесила одни лишь плюсы.

Правильные, точёные черты лица, которое не портят даже чуть запавшие щёки и острые скулы. Упрямый волевой подбородок и ровный аккуратный нос. Рыжие волосы убраны в низкий хвост. Жёлтая отделка формы очень ему идёт, а также говорит, что передо мной третьекурсник.

Но вот злость, практически ненависть в светлых глазах совершенно сбивает с толку! Потому что злится он на меня! За что? Что не уступила дорогу старшекурснику?!

Я пожала плечами и оглянулась к «фиолетовоотделачному».

— Простите ещё раз, — пробормотала я. — Удачи в жизни.

Я собиралась отступить, не успела. Рыжий молнией метнулся к нам, причём с таким угрожающим видом, что я невольно зажмурилась (привычка с детства, чтобы не раздражать окружающих розовыми «кроличьими» глазами), отшатнулась, и... по закону подлости угодила в лужу чуть ли не по колено, промочив сапожок и изгваздав подол. И на этом закон подлости не иссяк, нога чавкнула и подвернулась, а я, силясь сохранить равновесие, взмахнула руками. Чемодан описал в воздухе дугу... и, в общем, раскрылся он ещё в полёте... Прежде чем плюхнуться в воду.

Я же со всего размаха шлёпнулась рядом, обдав и рыжего, и «выпускника» ещё одним фонтаном грязных брызг.

Выпускник никак не отреагировал на внезапный душ. Не удостоив меня взглядом, он продолжил путь, как мне показалось, чуть покачиваясь.

Рыжий же нависал надо мной, сидящей в луже рядом с чемоданом и выуживающей из грязной... да всё подряд выуживающей, что плавало по верху! А он только сверлил меня сердитым взглядом. Абсолютно без сожаления и не делая никаких попыток помочь мне встать.

— Совсем дура?! — прорычал он. — Не видишь, это же выпускник!

Я по-прежнему недоумевала, почему должна была уступать дорогу цветущего вида, здоровому детине. При этом сидеть в луже было мокро, холодно и очень унижительно.

Поэтому, делая вид, что не замечаю рыжего (такому только ответь, ага! к тому же не дай Четырёхликая, голос дрогнет...), принялась подниматься. Что не так-то просто было сделать, учитывая, что ноги разъезжались в жидкой грязи. Вода же была леденящая! И вот как теперь топтать на это самое Распределение в мокром, грязном, отвратительно хлюпающем платье?! А испорченная одежда?! Мне ведь даже при всём желании переодеться не во что... Ну вот как так-то, а?!

Всё же я каким-то чудом оказалась на ногах. С трудом сохраняя равновесие, выбралась на дорожку и принялась вытаскивать вслед за собой чемодан. Стараясь не смотреть, во что превратился мой нехитрый скарб и тем более не ронять слёзы...

И тут небо в луже вдруг побелело, а сверху раздался треск.

Подняв голову, я увидела, что над хрустальным куполом «распределительной» пагоды проступила радуга! И было это так красиво, так невероятно, что я невольно забыла об обидах и даже насквозь промокших вещах.

Я — в Аусвер, чтоб мне к минотавру в лабиринт угодить!

В Аусвер... И это — главное!

И никто и ничто не испортит мне настроение в самый первый день!

Подумаешь, вещи. Тю... Новые наживём.

Губы сами-с собой растянулись в полуулыбке.

Но когда рядом грязно, очень грязно выругались, я часто заморгала и обернулась.

Рыжий смотрел на великолепное радужное мерцание с такой ненавистью, что я испугалась. Правда, испугалась. А он тоже оглянулся на меня и... на его щеках даже желваки заходили, а кулаки сжались!

И я приготовилась бежать. Похоже, падение в лужу ещё цветочки.

Первая, ладно, вторая встреча — и студент оказался сумасшедшим!

— Радуйся, пока можешь, — с тихой яростью сказал рыжий и мне захотелось стать ещё ниже ростом. — Неужели не понимаешь, куда попала?

— В Аусвер, — вырвалось у меня неуверенное. Я пожала плечами и возобновила попытки вытянуть из лужи вымокший чемодан. Который, как назло, зацепился за что-то и вытаскиваться ну никак не желал.

— В Аусвер, — кривляясь, передразнил меня рыжий, по-прежнему не делая попыток помочь. — Скажи спасибо, что не в Хазиру...

— Что здесь происходит? — раздался рядом новый голос.

Глубокий, звучный. Хриплый.

Оказывается, к нам незаметно приблизился брюнет с холодным и отстранённым лицом.

— Аврора Зайко? — спросил брюнет, глядя на мои жалкие попытки извлечь чемодан из лужи с безразличностью на холёном лице. Так смотрят на гадкое, копошащееся в грязи насекомое. — Вас ждут на Распределении. Пойдёмте.

— Сейчас, — процедила я сквозь зубы, потому что это было уже за гранью. Ладно, в дистрикте от меня шарахались как от прокажённой из-за угрозы паводков... Здесь в Преториуме я им чем не угодила? Внешностью? Ну, знаете, это как-то уж ни в какие ворота...

— Только вещи соберу, — заверила я, проглотив «и шнурки поглажу».

Рыжий странно дёрнул плечами, выпятил грудь, словно пытался пробиться сквозь невидимую преграду. Затем отступил, тяжело дыша. Выразительно сплюнул под ноги и, развернувшись к нам спиной, удалился. Провожая его глазами, я как-то слишком сильно рванула... и...

Чемодан из лужи «выдернулся». И даже, разнообразия ради, приземлился на этот раз на вымощенную разноцветным кирпичом дорожку.

А вот его содержимое...

Оно в очередной раз взметнулось в воздух, на этот раз с задорным таким хлоппаньем и... оказалось на высокомерном брюнете! Частично. Ну и, частично — уже вокруг него.

Мокрое и грязное. В художественном таком беспорядке...

Я сглотнула, глядя, как из-под ночной сорочки, приземлившейся на макушку брюнета, прямо ему на лоб стекает грязный ручеек. На одном плече повисли лёгкие хлопковые штанишки, на другом, простите, лифчик... некогда бывший белым.

— П-простите, — пискнула я, привставая на цыпочки и снимая со взъерошенной головы брюнета ночнушку. Совершенно автоматически протёрла смятым подолом его высокий лоб, чтоб не текло по лицу и не оставляло грязных потёков на глухо запахнутом воротае.

Судя по камзолу с богатой отделкой — этот не студент. Преподаватель, или того хуже — Магистр...

— Вот уж не повезло, так не повезло, — пробормотала я, стягивая с его плеча лифчик и пряча грязный мокрый комок в карман мокрого же плаща.

— Вы находите? — иронично приподнял угольно-чёрную бровь брюнет. На щеках же его ходили желваки, выдавая гнев хозяина. Опять же, направленный на меня. Мне в этот момент придушить

противную горгулью, с которой всё началось, захотелось! Повезло гадине, что каменная!

— А я вот чувствую себя польщённым, — продолжал практиковаться в сарказме брюнет. — Прямо сказочное везение, оказаться под дождём из ваших мокрых панталон!

Я часто заморгала, но, сделав над собой усилие, ответила с достоинством:

— Странные в Преториуме представления о везении. Для полного счастья вам, должно быть, не терпится искупаться в луже.

Брюнет только глазами сверкнул, но оставил мою едкую (и справедливую!) реплику без ответа.

Развернувшись спиной, он направился к воротам, увитым плющом. Ну, как направился. На первом же шаге запутался в какой-то мокрой тряпке, в которой я с трудом угадала собственное платье, чертыхнулся, бросил мне его через плечо.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила я, а когда вслед за платьем прилетели и трусики, тоже, естественно, мокрые, добавила: — Вы очень любезны.

По тому, как напряглись плечи моего странного сопровождающего, я поняла, что ему таки есть, что мне ответить. Но он сдержался.

Быстро запихнув испорченные вещи в испорченный же чемодан (не оставлять же их здесь), хлюпая платьем и чуть-чуть носом, я поплелась следом.

А так чудесно всё начиналось...

Глава 2. Юджин

Да не собирался он её обижать! Злиться, обзывать... И тем более толкать в лужу.

Справедливости ради — в лужу-то он её не толкал как раз. Тут уж сама виновата, неуклюжая.

Просто взбесила. Вот прям до белых глаз взбесила. Из какой дыры её вытянули?!

И Касьяна жалко было чуть не до слёз. Как вспомнил того в день своего прибытия в Аусвер... Касьяна назначили его, Юджина, куратором. Высокий, плечистый, смешливый. Душа компании, рубаха парень. Юджин рядом с ним себя закомплексованным заморышем чувствовал.

Тот его после первого «забора» принял, чуть не на руках в комнату отнёс. Сам учебники приволок, ещё и надавал по щам тем, кому огненная шевелюра первокурсника казалась удачным объектом для шуток.

Это сейчас он — самый популярный парень в Аусвер, предмет мечтаний всех девчонок. Ну да на то своя причина есть, дело не только в сильном даре и яркой внешности.

Но тогда... Он же по дороге несколько раз сбежать пытался. Пытался, ага. «Приехал» спелёнатый, как младенец, в магнитных кандалах, практически без сил. Так что после первого «забора» думал, помрёт. Но потом отживёл. И даже многих обошёл. Магистры своё дело знают. Доить могут годами... Скоты! Твари!!

Как же он их всех здесь ненавидит!!!

Юджин как увидел сегодня, что новенькая Касьяна толкнула, причём как нарочно, в самую фистулу попала... чуть с катушек не съехал.

Да какого ж сфинкса она не в те ворота попёрлась?!

Хуже всего была жалость. Режущая, острая, давящая. Выжирающая изнутри, обессиливающая. Рвать такую с корнем, рвать! Пусть лучше вообще без этого, без эмоций, чем вот так.

Такая маленькая, худенькая, с виду совсем ребёнок... Эти сволочи, что, малолеток уже берут?! Мало им уже полсотни магов с тщательно лелеемым даром?

Беленькая такая, и волосы белоснежные. Тонкие, как пух. Ни дать, ни взять одуванчик. А глаза как две агростеммы, или, как мама их называла, куколки... «Куколки» появлялись в их саду уже весной и цвели до прихода осени. Розовые, очень хрупкие, на тоненьких ножках. И на ночь они закрывались, словно засыпали, чтобы утром, омытые росой и рассветом, подставить лица новому дню.

А по праздничным субботним обедам мама всегда украшала ими стол...

И каким ветром такое вот чудо занесло в Аусвер?

Касьян небось тоже прифигел.

В Аусвер отбирают вообще-то кого покрепче.

Правда, справедливости ради, стоит отметить, что дар у девчонки сильный. Юджин издали заметил свет её ауры. На него и пошёл, кстати. Из любопытства. Посмотреть, что за чудо такое. По сравнению с ней аура того же Касьяна — ещё пару лет назад пылающая, как факел, сейчас так, гнилушка...

Потому он и не сдержался. Ничего, переживёт. Такую не то, что в лужу, в ледник спать уложи — и ничего ей не будет.

А уж когда она «радуге» обрадовалась, руки зачесались, чтобы придушить дуру!

Юджин пнул ни в чём не повинный бордюр и принялся подниматься по лестнице в мужскую часть общежития. Можно, конечно, на лифте, но нужно тренировать мышцы.

Касьян, который в отличие от него, подъёмником воспользовался, уже валялся на кровати. Цедил настой антидонника, отходил. Как говорят Магистры, восстанавливался. И вид у него был такой в общем... Краше в гроб кладут.

Он поднял усталый взгляд на Юджина, когда тот вошёл и прикрыл за собой дверь.

А потом сказал неожиданно:

— Хорошая девочка, светлая.

Юджин даже зубами скрипнул. С досады. Или стыда?

— Глупая, — процедил он.

— Глупая, — не стал спорить Касьян. Уголок его губ дрогнул в полуулыбке. — А мы какими были, когда сюда попали?

Юджин нахмурился и пожал плечами.

— Да я как-то без иллюзий. Меня отец сдал. Продал, то есть. Ну как отец... Отчим. В общем, я знал, куда меня везут.

— А я сам пришёл, представляешь? — неожиданно широко улыбнулся Касьян. — Лыбился шо debil, руки всем жал. Магистров... думал расцелую.

— Шутишь, — криво ухмыльнулся Юджин.

Касьян лукаво прищурился.

— Не во всём.

— И долго радовался? — не выдержал Юджин. — До «первой крови»?

— До «забора», — кивнул Касьян. — Да и потом... Знаешь, я же был весь такой идейный... Думал, жертвую часть магии на благо Триума, мол, доброе дело. Ну и верил в весь этот бред про гражданина Преториума, бьющегося сердца Триума, — продекламировал он, подражая Магистрам. — Верил, понимаешь? Кто ж знал, что они здесь выдаивают нас досуха...

— Все знают, — буркнул Юджин.

— Не все, — покачал головой Касьян. — Вон, девчонка новенькая явно не в курсе. Оно и понятно. Наверное, из какой-то глубинки. Ты же вот сам, из Багрового Каньона?

— Рядом, — хмуро ответил Юджин. — Наш дистрикт в дне пути. По магистрали, оно, конечно, быстрее...

— Вот видишь, — перебил Касьян. — Там у вас Хазира недалеко. Так что...

— Ей, наверное, «пустили» уже, — задумчиво пробормотал Юджин, чувствуя себя почему-то сволочью.

— Нет, на Распределении не пускают, — покачал головой Касьян. — Завтра. Завтра и куратора к ней приставят. Ты присмотри, Юдж, чтоб не обижали её, ладно? Глупышка ж совсем.

— Ладно, — нехотя пообещал Юджин. И ещё более нехотя добавил сквозь зубы: — И впрямь глупышка.

Глава 3. Бенжамин

Не собирался он вмешиваться. Магистры редко вмешиваются в личные дела студентов. И уж тем более нет до их разборок никакого дела деканам.

Тем более если ты к Аусвер имеешь самое косвенное отношение. Начальство, типа. По совместительству декан «Претория», или, если аббревиатурой от официального названия, ПУЭМа — Правительственного Университета Экспериментальной Магии. В общем, привык (должен, сфинксы его дери, привыкнуть!!!) смотреть на студентов Аусвер как на расходный материал. Живые — пока ещё живые — накопители энергии...

А вот на проверку оказалось (в который раз!), что не так уж и привык.

Наверное, потому что с виду девчонка, которую Эдгард приволок из дистрикта-113-А была совсем ребёнком. Эдгард, кстати, дубина. Как есть дубина. Его за чем отправляли в ту дыру? Правильно, за Свитком. Ну или на худой конец, за знаменами...

А вернулся мало, что без Свитка и без знамен, так ещё и с этой дурочкой восторженной.

Бенжамин на миг представил, что будет с девчонкой, когда поймёт, что из себя представляет Аусвер, зажмурился, содрогнулся всем телом и испытал странное облегчение от того, что присутствовать при этом не будет.

Да какого сфинкса!

Девчонке-альбиносу ещё повезло, что в Аусвер попала!

А ведь могла бы и в Хазиру. А там и до Диких земель недалеко.

В Танхари, между прочим, на альбиносов охотятся. По-настоящему. С копьями и трубками с отравленными иглами. Население там тёмное, дикое. Магии у них нет: Четырёхликая не одарила своей милостью.

Тамошний культ основан на суевериях и дурацкой пустышке-вуду. Вот вроде и есть в этом что-то, — черепа-иголки-курильницы, — романтика, одним словом, хоть экскурсии вози, а результата всё ж никто своими глазами не видел. Стоит ли удивляться вере дикарей, что сердце альбиноса дарит небывалые силы?

Нет, не собирался он за неё заступаться...

И выходить из сегрегационной пагоды навстречу не хотел...

И уж тем более не собирался отодвигать студента ментальным щитом.

Но взбесил этот рыжий, что на неё наехал! Взбесила её покорность, искусанные губы, слёзы в непривычно розовых глазах. Она ведь слова ему не сказала! Молча проглотила обиду, словно всю жизнь только этим и занималась — терпела. И только по сморщенному носу и дрожащему подбородку видно было, что вот-вот разревётся.

И без того Четырёхликая не была к ней милосердна.

Это ж надо! Родиться непохожей на остальных. Для «темноты», что населяет дальние дистрикты, она, должно быть, урод... Да и Триум, конечно, не Дикие земли, но всё же альбиносы и здесь редкость.

Повезло...

Останься она дома, Бенжамин не дал бы за её жизнь и пьеса.

Поднимаясь с девчонкой в Распределительный отсек, Бенжамин снова и снова убеждал себя в том, что она и так, и эдак не жилец. Альбиносы в принципе долго не живут, даже если на них не охотятся танхарцы с размалёванными рожами и в набедренных повязках. Так что должна гордиться, что её дар (так ли он велик, как светится её аура?) послужит благу Триума.

И всё же что-то не складывалось.

Зря он сюда припёрся. Ведь Эдгард доложил по телефону, что ни Свитка, ни знамен, зато «обнаружил магичку с сильным даром». Которую «в Аусвер по дороге закинет».

И вот эта самая «магичка с сильным даром» каким-то образом умудрилась пробудить в Бенжамине надёжно спрятанную совесть и ещё более глубоко запрятанные эмоции.

Оба они умудрились.

Бенжамин забыл на миг, что и тот, рыжий, по сути смертник, и эта.

Какое ему до них дело...

— Сюда, — сказал он, нажимая кристалл в стене, отчего двери перед девчонкой разъехались в стороны. — Вещи можешь оставить здесь.

Девчонка кивнула и поставила чемодан на кафельный пол. Вокруг вмиг образовалась лужица. Проводив абитуриентку задумчивым взглядом и вздрогнув, словно двери, съезжаясь, прищемили ему нос, Бенжамин бросил взгляд на чемодан и поморщился.

Нет, не пожалел он её, но всё же... Не по-человечески это как-то.

Со вздохом щёлкнул застёжками чемодана, выудил из центра ладони Ледяную Стрелу, ощущая себя вором или, того хуже, извращенцем. Не хватало, чтобы кто увидел.

Несколько секунд сильнейшей концентрации... и когда облачко пара рассеялось в воздухе, нехитрый скарб Авроры Зайко был сух, чист, сложен ровными аккуратными стопками. В воздухе стоял аромат морозной свежести.

Бенжамин покачнулся и опёрся о стену, тяжело дыша — на несколько мгновений перед глазами потемнело, тело прошило тупыми ледяными спицами. Он уж думал, что вот оно, здравствуй, новый припадок, но нет. Приступ схлынул также внезапно, как подступил.

Магистр пересёк зал и занял место в главной нише.

Коснулся панели и тотчас чёрный экран перед ним засветился.

Дисплей бесстрастно отображал, как абитуриентка в мокром грязном платье смущённо перетаптывается с ноги на ногу в пустом тёмном зале, явно не понимая, что делать дальше.

Остальные кристаллы на панели горели зелёным. Что значит, ректор Аусвер и пятеро Магистров уже на своих местах. Ждали только его. Ещё бы, «Преторий»...

— Начинаем, — сухо сказал он и кристаллы замигали в нетерпении.

Бенжамин придвинул к себе микрофон.

— Подойди к трибуне, Аврора, — сказал он.

Девушка вздрогнула, заоглядывалась, явно не понимая, откуда раздаётся голос. Бенжамин знал, что голос его звучит холодно, металлически. Словно говорит не живой человек, а та самая Сфера Истины — байка для студентов.

Вот девчонка нашла взглядом возвышение посреди зала, под мерцающим куполом — магическая проекция того самого купола, что над башней. На каждой из семи стен вокруг — по большому овальному зеркалу. То есть для неё — зеркалу. На деле — за каждым из них находится Магистр.

Сфера Истины определяет уровень магического дара, как же!

На деле всё гораздо проще.

— Разденься, — отдал он следующий приказ, когда абитуриентка приблизилась, наконец, куда было сказано.

Девчонка нервно огляделась по сторонам. Поскольку она стояла лицом к «его» зеркалу, от Бенжамина не укрылся ни страх в широко распахнутых глазах, ни закушенная губа. В отблесках магического купола её волосы отливали розовым, а расширенные от страха, расплывшиеся на всю радужку зрачки были фиолетовыми.

А ведь она красивая.

— Одежду можешь положить на кушетку, — слишком поспешно добавил он.

В тот же миг центр трибуны пронзил круглый, с ровными краями, столп света. И та самая кушетка проступила у основания трибуны. Если б Аврора не заметила её, наткнулась бы через секунду.

Девчонка поморгала от яркого света, и больше она не колебалась.

Кивнула — не то его голосу, не то собственным мыслям, потянула завязки плаща. Избавившись от него, стянула мокрое платье через голову. По худенькому телу прошла дрожь. Неловко скомкав

серую ткань, положила рядом с плащом на кушетку, оставшись в лифчике, трусиках, плотных шерстяных чулках и коротких сапожках на низком ходу.

Подняв голову, снова посмотрела прямо на него, словно могла видеть сквозь магические преграды.

Бенжамин сглотнул.

Вот в длинном бесформенном платье, словно с чужого плеча, явно подчёркивающим её удобу, была девчонка-девчонкой, а сейчас... Нет, формы девушки не отличались особой пышностью, но всё же они были. Ещё как были!

— Сколько тебе полных лет?

— Двадцать два, — её голос дрогнул.

Хм... А ведь она из дальнего дистрикта, жила среди людей, не магов. У них, пожалуй, считалась перестарком. Для мага же двадцать два — это младенчество. Бенжамин перевёл взгляд на её Дело, услужливо выведенное на малый экран Эгдардом — замужем не была, с парнями не путалась. Очень и очень странно.

Бенжамин чуть не хлопнул себя ладонью по лбу. Ну конечно! Кто в здравом уме женится на альбиносе? Странно, что вообще дожила до своих лет. Он слышал, что в глубинке младенцев-альбиносов выносят на солнце и ждут, что Четырёхликая смилостивится над ними. Даже матери не кормят их грудью, не хотят привязываться.

— Полностью, Аврора, — сказал он и когда в фиолетовых глазах застыло непонимание, добавил: — Раздеться надо полностью.

Закусив губу, девушка кивнула.

Затем быстро сняла лифчик, стянула трусики. Упёрлась носком одного сапожка в пятку другого, неловко покачнувшись, взмахнула тонкими руками... В последнюю очередь скатала мокрые шерстяные чулки.

— Встань в круг.

Хорошо, что микрофон меняет голос. Сам-то Бенжамин слышал, как голос его охрип. И даже как будто... дрогнул? Чуть.

Студенты Аусвер — бесполые существа, без права на магию и голос. Топливо благополучия Претория — бьющегося сердца Триума.

Но эта девочка, послушно взошедшая на трибуну и шагнувшая в столп света посреди... Девочка с белоснежной кожей, длинными, по пояс, белыми локонами, широко распахнутыми глазами и беспомощно приоткрытыми губами... Девочка, стыдливо прикрывающая ладонями грудь... Кстати, довольно-таки пышную, высокую... Эта девочка вызывала сложные, очень сложные и противоречивые эмоции. И преобладающей было раздражение. Почти злость.

И... что-то ещё, в чём Бенжамин не собирался признаваться даже самому себе.

Кто-то из Магистров вздохнул, почти всхлипнул — Бенжамин услышал этот всхлип по внутренней связи. Тотчас зубы его сжались, а брови столкнулись у переносицы.

На всех экранах, кроме главного, за которым сейчас он — лишь световые потоки и отпечаток её ауры. Значит ли это, что какой-то из них сейчас дал сбой?!

Эта мысль повлекла за собой приступ ярости.

— Вы на ауру... — глухо пробормотали по внутренней связи. — Вы ауру её видите?!

Бенжамин быстро перевёл взгляд на шкалу, отображающую магический дар и закашлялся.

Двадцать восемь?!

Но... как такое возможно?!

Может, с приборами что-то? Может, они вышли из строя? Сошли с ума?!

Самый сильный дар за всю историю Аусвер был зафиксирован семнадцать лет назад. У добровольца, кстати. «Преторий» год шумел, как улей. Девятнадцать! Девятнадцать, мать его, маг-кубов!! У Бенжамина самого было четырнадцать, — подскочило с отметки «семь и три четверти» после Ритуала — и он по праву считался одним из сильнейших магов Триума.

Но... чтобы такое?!

Он быстро перезапустил панель, вывел данные на дополнительные дисплеи, сбросил, запустил снова. Накинул браслет-напульсник, такие все студенты Аусвер носят, дождался отображения личных данных. Всё верно. Четырнадцать. Даже чуть меньше — потратился на щит и сушку вещей девчонки.

Приборы работали исправно.

Прикрыв рукой микрофон, чтобы Аврора не услышала его, Бенжамин бесстрастно произнёс:

— Двадцать восемь по шкале Муррея. Стихия — вода.

— В сто тринадцатом-А-дистрикте её считали ведьмой, — раздался голос Эдгарда, который, оказывается, тоже присутствовал на Распределении. Видно, любопытство удержало в Аусвер, и эмиссар напросился в нишу к одному из Магистров... — Из-за паводков.

— Я думаю, — сухо согласился Бенжамин. — Удивительно, как сто тринадцатый-А-дистрикт вообще выстоял, как она его не утопила...

— А она и...

— Достаточно, — отрезал Бенжамин. Эдгарду лишь бы языком потрепать, соскучился по общению с равными, путешествуя в компании дуболомов-миротворцев. А тем временем все они пялятся на неё, голую... Сфинксы! Да ведь это он только её видит! На экранах остальных лишь световые потоки. А она... по-прежнему такое ощущение, смотрит прямо на него и трясётся не то от страха, не то от холода.

— Какую специализацию ты бы сама выбрала, Аврора? — спросил он.

Глаза девчонки от этого вопроса так и загорелись. И от этого она стала ещё краше. Бенжамин скрипнул зубами.

— Факультет? — всё же осторожно уточнила она.

Бенжамин вздохнул.

Факультет... Были факультеты, да все вышли. Тут не каждый год полноценный класс для каждого курса днём с огнём собираешь, не то, что делить поток на факультеты... Впрочем, приток магии есть, и даже чуть всколыхнулся за последние годы — и то сахар.

— Факультет, — подтвердил он.

— Магмеханика! — ни секунды не раздумывая, выпалила Аврора явно заученный термин.

Кто-то из Магистров собирался высказаться по внутренней связи. Хорошо бы не ректор, а то было бы как-то совсем неудобно. Потому что Бенжамин заглушил входящий сигнал и сказал в микрофон:

— Хорошо, в твою индивидуальную программу добавят дисциплины магической механики.

И девчонка улыбнулась. Впервые. словно солнце выглянуло из-за туч.

— Можешь одеваться, — не то с облегчением, не то с сожалением продолжил Бенжамин. — Выйдешь через ту же дверь, что вошла. Там тебя ждут, чтобы отвести в комнату. Обед через два часа, — зачем-то добавил он. Не потому ли, что вид у неё жалкий и голодный?

Проводив взглядом невысокую фигурку, Бенжамин деактивировал экран.

Ну вот и всё. Посмотрел на «магичку из дальнего дистрикта».

Теперь домой. Точнее, на работу, которая за столько лет стала домом. В «Преторий», будь он неладен. В Правительственный Университет Экспериментальной Магии.

Впереди лишь мрак, пустота, припадки, приступы невыносимой боли. Рутина...

Внезапно очень захотелось остаться в Аусвер...

Глава 4. Аврора

Нет, если, конечно, начистоту, слово "чудесно" неприменимо к моей жизни в принципе.

С самого её начала и по сегодняшний день...

Радуюсь тому, что платье и бельё, которое я оставила на кушетке на время Распределения (и совсем не страшная оказалась процедура, разве что какая-то странно-волнительная, что ли...) чудесным образом высохли и ещё активнее радуюсь тому, что оставленный чемодан тоже каким-то странным образом высох, кроме того, с него, похоже, кто-то заботливо обтёр грязь — дай Четырёхликая здоровья местным уборщикам! — я следовала по нескончаемым коридорам Аусвер за самым настоящим... призраком!

Да-да! На этот раз моей провожатой оказалась высокая призрачная дама с капризным лицом, пышной, какой-то до невозможности эпатажной причёской и в странном платье, которое мне поначалу показалось рваным и каким-то сикось-накось, пока я не догадалась, что это крой такой... хм, специфический.

Время от времени я пыталась заговорить с дамой, но, к сожалению, у меня никакого опыта общения с призраками. В родном дистрикте их не было, в родительском домике тем более... а жаль. Было бы куда веселее. Уж мне так точно.

Начать с того, что дама светилась! И чем глуше становился полумрак бесконечных коридоров, тем ярче проступало свечение. А ещё её пышная (с одного, правда, боку) юбка шелестела не то при ходьбе, не то при полёте. Согнувшись на ходу и приглядевшись, ног под юбкой я не разглядела и потому решила остановиться на последнем.

На вопросы — «Как её зовут?» (он же перефразированный — «Как я могу ней обращаться?»), «Как она стала призраком и оказалась в Аусвер?», «Много ли их здесь и почему она меня сопровождает?... «Работает здесь?», «За оклад, серьёзно?», «Но какой оклад можно предложить, простите, призраку?», «Ведь деньги вам ни к чему?» — призрачная дама не отвечала, лишь морщила призрачный нос и поджимала призрачные губы.

Я на ответах не настаивала. Правда, когда начала вслух размышлять о природе призраков дама резко, рывком развернулась ко мне, смерив таким уничижительным взглядом, что я застыла с прямой спиной, руки по швам и часто заморгала.

Призрак же метнулся ко мне, оставляя за собой светящийся след и проорал:

— Ты понятия не имеешь, ЧТО Я ТАКОЕ!!! — при этом вопле рот призрачной дамы раскрылся так широко, что при желании я могла бы засунуть ей в рот голову, как укротитель тигру на ярмарке.

Дама, видимо, собиралась напугать меня как минимум до икоты, как максимум — до седых волос, но эффект вышел противоположный.

Во-первых, я была рада, что меня, наконец, заметили. И даже заговорили. А во-вторых... Я, конечно, точно не уверена, но в искажённых призрачных чертах проступило вдруг что-то такое знакомое... Рискую показаться сумасшедшей, поясню: что-то такое близкое, почти родное... И... я невольно шагнула вперёд, словно и впрямь собралась поместить свою голову в широко распахнутый светящийся в полумраке рот.

Не ожидающая такой реакции дама отпрянула и посмотрела на меня с недоумением.

— Очень странно, — пробормотала она. — Нетипично и неэтично! Вообще-то студентики от меня шарахаются, как флинкс от отгадок.

— Шарахаются? — настал мой черёд удивляться. — А разве вы страшная?

Дама, похоже, оскорбилась.

— А разве... НЕ-Е-Е-ЕТ?!!

Ну, если на меня с первого раза эти вопли особого впечатления не произвели, не стоило и пытаться во второй...

— Мне так не кажется, — вежливо ответила я. — Как по мне, вы очень красивая. Одеты, конечно, немного странно, но ведь это дело вкуса.

К моему изумлению, призрак расхохотался.

— Я?! Одета странно?! Да к твоему сведению это самая последняя мода Преториума! Была! Всего

каких-то сто девятнадцать лет назад! То, что носят сейчас и в подмётки не годится моему наряду! Четырёхликая!.. — она с сожалением оглядела себя. — Как много я отдала бы за цвет...

— Цвет? — не поняла я.

— ЦВЕТНЫЕ ОБОРКИ!!! — рявкнула дама и, подумав, добавила: — И пару париков. С перьями...

— Вам бы пошло, — робко подтвердила я. — Хотя у вас и без того очень... хм, красивая и необычная причёска. Я впервые такую вижу.

— То-то же, — удовлетворённо хмыкнула дама и понеслась вперёд, больше не проронив ни слова.

Я вздохнула и тоже прибавила шаг. Что ж. Какой-никакой, а первый контакт налажен. И не самым худшим образом, кстати. Дама не назвала меня уродом, не смотрела с брезгливостью и лживым сочувствием.

Можно сказать, отнеслась ко мне по-доброму.

А доброту я помню.

У меня вообще хорошая память.

Следуя за призраком по лестницам, коридорам, анфиладам с живыми картинами и статуями, бормочущими скрипучими, занудными голосами, я продолжала размышлять о многозначности и этимологии слова «чудесно» и его применимости к моей жизни...

Глава 5. Аврора. Взгляд в прошлое

Прежде всего начать следует с того, что родилась я в маленьком, глухом, забытом Четырёхликой дистрикте на берегу речки Данаи, что впадает в Таласское море.

Кстати, когда я называю свой дистрикт забытым Богиней, ничуть не лукавлю: таким маленьким и неприглядным дистриктам, как наш, даже названия не положено. Только порядковый номер. Дистрикт-113-А. Но размеры родного дистрикта не самая главная моя беда (эх!).

Родилась я не как все, а в ночь страшного паводка, который смыл с берегов рыбацкие сараи, пару ветхих домишек и часть посевов.

А ещё я родилась альбиносом.

Уродом с красными (ладно, ладно, светло-розовыми) глазами и белыми волосами.

В остальном я была совершенно обычной, и, даже, скажу без лишней скромности, хорошенькой.

Но на контрасте со смуглыми чернявыми односельчанами... увы.

С самого моего рождения весь дистрикт от мала до велика шарахался от меня, обзывая ведьмой и пророча беды, которые я навлеку однажды на их головы.

Не знаю, как где, но у нас нравы в том, что касается «белых», или «седых» детей, суровы.

Седых от рождения детей, которые не переносят солнечных лучей, чья кожа от малейшего контакта с солнцем покрывается отвратительными волдырями, а зрение уходит и больше не возвращается, у нас принято выносить на солнце ещё малютками и молиться всем дистриктом, чтобы их прибрала Четырёхликая.

Но меня эта чаша минула.

Причём... та-дам!.. благодаря самой Четырёхликой!

Так может, Богиня не так и несправедлива ко мне, как может показаться на первый взгляд?

Правда это или нет, но, когда мама носила меня, Богиня лично посетила её.

В тот год — все односельчане сходятся во мнении — Таласское море особо буйствовало, и Водная Яма расширялась в эти бури, утягивая в свои чёрные недра идущие мимо корабли.

Море бушевало, ревело, взмывало к самому небу, точно хотело достучаться до богов!

И губило, губило... Корабль за кораблём, дистрикт за дистриктом....

Доставалось и дистрикту-113-А, даром что тот пристроился в небольшой бухте устья реки Данаи.

На речке в тот год тоже шёл паводок за паводком, один страшнее другого. Губил посевы, смывал целые пастбища вместе со скотом...

Надо признаться, у меня не вполне типичная реакция, когда размышляю об этом.

Не как у... обычных людей. Видно, в чём-то я и в самом деле урод.

Просто, когда слышу о ярости моря, всё внутри сжимается, леденеет. Становится жалко... моря. Ведь оно живое! Дышащее! Чувствующее! И вот живое существо (пусть и огромное) снова и снова разбивается о скалы, омывает небеса солёными слезами-брызгами, силится что-то сказать... А его не слышат. Согласитесь, есть от чего психануть! И тогда оно выходит из берегов...

Ух конечно, в тот год жрецам было не до откровений жены рыбака.

Или, правильнее сказать — было бы?

Когда мама рассказывала эту историю лет десять назад, накануне рождения братишек, она особо подчёркивала тот факт (и при этом косилась на отца), что Богиня «почтила её своей милостью» во сне.

Я же помню, как она рассказывала о встрече с Четырёхликой, когда я была совсем крошкой...

Пока отец не отвесил ей подзатыльник и не посоветовал в грубой форме держать язык за зубами.

Мама тогда ещё знать не знала, что беременна.

Она стояла на самом высоком утёсе и смотрела, как беснуется, рвётся из берегов Даная. Бурление обычно спокойной реки ничуть не пугало маму в тот год, а необъяснимо манило. Небо было затянуло грозowymi тучами, разбухло от чёрной волглой тяжести... Вот-вот прохудится, разорвётся мириадами водных потоков, прошьёт стремящуюся к нему речку насквозь...

По рассказам мамы, воздух так сгустился и потемнел, что она ничего не видела на расстоянии вытянутой руки.

И вдруг пред ней предстала бледная призрачная фигура!

Несомненно, это была сама Богиня! Мама сразу признала её, не усомнившись ни на миг! Неправдоподобно красивая, светящаяся! Стоило ей проступить из воздуха, как мама ощутила, что её переполняет божественная благодать! Хотелось плакать и смеяться одновременно, а ещё пасть ниц и возносить молитвы... Это могла быть только сама Четырёхликая!

Но ещё больше поражал взгляд незнакомки, устремлённый на живот скромной жены рыбака... по словам мамы та смотрела так, словно под сердцем у рыбаки сокровище! Так люди смотрят на деньги, на большое количество денег, которое им не принадлежит и никогда принадлежать не будет. С надеждой, с невыразимой тоской...

А потом вдруг призрачная рука легла на пока ещё плоский живот и губы Богини дрогнули.

— Аврора, — еле слышно произнесла она. — Ав...ро...ра...

И в тот же миг Богиня исчезла!

И, как это случается только в сказках, небо разом посветлело, паводок пошёл на убыль, бушующее вдалеке Таласское море затихло... И долгие годы потом Водная Яма не требовала жертв.

Может, мама и остереглась бы рассказывать жрецам о случившемся, но как-то стремительно всё тогда наладилось и люди всю славили Четырёхликую... Ну, мама и решилась.

И про то, что Богиня руку ей на живот положила, и про то, что имя ребёнка подсказала. Жрецы сперва восприняли рассказ рыбаки скептически (а вы бы поверили на слово? То-то же), но потом, когда та оказалась в положении, всё же решили поверить.

Ну, потому что слишком уж много совпадений!

Было объявлено во всеуслышание, что жена рыбака Мариша Зайко носит под сердцем дар Богини.

Даная затихла и не выходила из берегов целых девять месяцев.

И ровно через этих девять месяцев в ночь самого страшного паводка за всю историю дистрикта-113-А (правда, справедливости ради, стоит заметить, что в ту ночь никто не пострадал) родилась я.

И одним фактом своего появления на свет разочаровала всех, вообще всех.

От отца и старших сестёр до жрецов и односельчан.

Нет, море больше из берегов не выходило (причём долгие годы!), паводки тоже унялись.

Но как, скажите, считать даром великой Богини «седого с рождения младенца» с красными кроличьими глазами, урода и калеку?

Мама ведь ещё Богиню послушалась, Авророй меня назвала! Как ей отец разрешил, ума ни приложу. Не Зирой, не Тарей, не Васей, а Авророй!

Словом, не так, как принято детей у нас называть.

И, как это у нас, опять же, заведено, — меня с детства дразнили. Сильно дразнили. Не сестёр с обычными человеческими именами — Зину, Власю, Зосю, Оленю, нет, а меня.

Потому что «Аврора». Потому что — урод.

Потому что не такая, как все.

— Рошка — рыбёшка, нос как картошка!

— Рошка-окрошка, зад как лукошко!

— Рошка — зелёная помойная мошка...

— Рошка-хромоножка!

— Рошка — худые сапожки!

— Рошка — на башке рожки!..

И так далее и тому подобное. Фантазия у детей богатая, а чувство жалости ещё проклюнуться не успело...

К слову, когда отец впервые меня увидел, сразу велел на солнце выставить, чтоб Четырёхликая, значит, прибрала «горемыку».

Мать же, рискуя нарваться на колотушки, к жрецам бегала жалиться. Мол, так-то и так-то, решили же, что «дар», перед людьми, опять же, объявили, теперь неудобно. Да и паводки вроде как на нет сошли. Надо беречь, значит. А ну как Богиня прогневится, что её «дар» не уберегли? Да и смует весь дистрикт к сфинксам?

Жрецы посовещались, и, под влиянием последнего аргумента повелели беречь меня от солнца.

Ну и берегли, как могли. Из дому выпускали лишь ранним утром, пока солнце не взошло или уже вечером. Но я, учитывая ко мне отношение сверстников, не очень-то сама рвалась на улицу. Если б ещё отец не ворчал, что растит в своём доме уroda да дармоеда... Помощь матери по дому не в счёт.

Сёстры, вон, и сети помогали ставить, и лодки смолили, и рыбу ловили. Отрабатывали приданное... А меня к рыбацкому промыслу не допускали. Плохая примета, мол.

Но зато меня сторож нашей молельни из всех детей выделял! Жалел...

И когда подросла, даже взял в помощники. Пол в храме мыть, двор мести, пыль с корешков протирать. Он же научил и чтению, и письму. Оклад жрецы не платили.

Правда, кормили тем, что от подношений прихожан оставалось, и это хоть как-то отца утешало.

Вообще он, видя мою тягу к храму, даже пытался в Оракулы меня определить, чтобы, значит, избавиться, или, как у нас говорят, руки умыть.

Жрецы посовещались и пригласили коллегу из самого Зенона, проверить меня, значит, на Оракульский дар.

Увы, и тут отца ждало разочарование.

Прибывшие Зенонские жрецы никаких талантов к Голосу Богини у меня не обнаружили. И, кстати, магического дара тоже.

То, что я магичка — как-то случайно обнаружилось, и то совсем недавно.

Но если по порядку — приезд гостей из Зенона дорого обошёлся дистрикту-113-А. В буквальном смысле.

Жрецы, опять же, посовещались (что-что, а совещаться они умеют) и обязали выплачивать долги, в которые храм влез, — ни много ни мало пятнадцать пьасов и шесть су... правильно, Мариша Зайко, который всех и взбаламутил. То есть моего отца.

В тот день он так меня выпорол...

Еле ноги унесла, пока он отдыхал, чтобы ко второй части «воспитательной беседы» приступить. Неделю носа не высывала из сторожки, — сторож при молельне меня пригрел и даже примочки на ушибленные места ставил, а ещё кормил чёрствыми пряниками... вкуснотища!

На отца я была не в обиде, кстати. Жил как умел. Из шкуры лез, чтобы сёстрам на приданое скопить. Все сбережения тогда ему пришлось храму отдать.

Но, на моё счастье, после меня один только раз Четырёхликая «наказала» Мариша Зайко девкой, а на следующий год «одарила» двумя сыновьями сразу.

Правда, мама последние роды недолго пережила...

Вскоре в доме у нас появилась мачеха — бездетная вдова, которая приняла всех нас, как родных. Одна за другой вышли замуж старшие сёстры, потом — младшая. Не все счастливо, но... Для меня мало что изменилось.

Мачеха, наконец, родила отцу сына, потом второго, третьего... поэтому моя помощь по дому

пришлась очень кстати. Словом, жизнь текла своим чередом, что та Даная.

Я нянчила братьев, по-прежнему помогала в молельне и старалась меньше маячить у отца перед глазами.

Нелюбимый ребенок не значит не любящий... Но об этом сложно говорить.

Лучше расскажу, как у меня обнаружился магический дар.

Это случилось неожиданно в первую очередь для меня самой.

Я лежала в горячке, когда однажды ночью наш дом обступили люди с факелами.

Мариш Зайко растолкал нелюбимую дочь и сообщил, что «народ требует ведьму на суд». Так сказать, «призывает к ответу».

Надо сказать, я слабо соображала из-за жара.

Помню, как трясла головой, пытаюсь сообразить, что к чему, почему мачеха жмётся к печке, прижимая к себе сыновей...

Помню, как отец, пустив суровую мужскую слезу, открывает двери односельчанам...

Не били, нет. Наоборот, старались держаться подальше, выставив перед собой вилы.

Очумело мотая головой, поджигая босые ноги (обуться-то не дали), сообразила, наконец, чего от меня хотят. То есть за что судят.

Дело в том, что незадолго до обозначенных событий, меня, по словам односельчан, «застукали за волшбой».

Дело было так...

Я как раз возвращалась из молельни, когда услышала жалобный детский плач.

Скажите, в каком дистрикте не плачут дети? Да по сто раз на дню глотки рвут, и громче всех — мои же братья, так что можно было спокойно идти себе мимо. Но что-то всё же тогда меня остановило. На свою беду. Или на счастье?

Ревела во всё горло соседская девчонка, Маняшка. И не просто так ревела, а по делу.

Дело звалось «Бусик», и было оно уж целый месяц как усатым-полосатым-и-вообще-любимым-до-невозможности, а сейчас же истово барахталось в колодце. Само или какие мальчишки помогли (я, если честно, братьев заподозрила) — не известно, у колодца на тот момент только Маняшка и была.

Размазывая по чумазой мордашке слёзы, надрываясь, звала Бусика...

Что-то тогда в душе лопнуло. Да и Бусика с Маняшкой жалко стало...

Я сама не поняла, как это случилось, честно... Только тело словно насквозь прошло разрядами тока, ладони чуть не задымились... А в следующий миг над колодцем поднялся столп воды. С ошалевшим Бусиком на пенном гребне.

Прижимая к себе мокрого, несчастного до невозможности котёнка, девочка унеслась, со страхом на меня оглядываясь.

А у меня ноги подкосились, в голове шумело, а перед глазами заскакали мошки.

Мачеха, обнаружив меня у колодца, пощупала лоб и пенять не стала за то, что припозднилась. Уложила, даже компрессы на лбу меняла. Кажется... Я это всё как в тумане помню. Сильная горячка началась, а тело обмякло и было словно не моё, слушалось через раз.

Вот, именно тот случай «на суде», который состоялся на месте, не отходя от отчего дома, мне и припомнили.

Главным аргументом односельчан было то, что «Эда ж какая силища-то у красноглазой ведьмы?!». И — «А ежели она паводок подымет?!» А ещё — «Али землю, наоборот, иссушит, это ж без урожая останемся!».

Словом, то, что я — ведьма, было определено сходу и вверялось мне в вину априори, не требуя доказательств. Доказательства вон они — счастливый и здоровый Бусик и вцепившаяся в него

напуганная и избегающая поднять на меня глаза Маняшка.

И никому невдомек, что не смогу я никакой паводок поднять! Даже если в Данае всю скотину перетопят...

Вон, из колодца непонятно каким чудом воду подняла — и вся выдохлась. Так, что тут же в горячке свалилась...

Первые выкрики «Утопить!», «Утопить проклятую ведьму!» я пропустила.

Словно сквозь толщу воды слушала вердикт жрецов, что «Вода сама разберётся, кто ведьма, а кто нет». Мол, если я и вправду ведьма, то, конечно, выплыву. А если нет... Впрочем, на эту тему семантических отступлений не было.

Я смотрела в перекошенные от ярости и страха лица односельчан и не верила. Не хотела верить. Мы же здесь все друг дружку знаем. Неужели ты, Альшанка, желаешь мне смерти? А что детям скажешь, почему тётя Роша не пришла поиграть с ними? Или ты, Малинка? Как просить с закатками на зиму помочь, или по ягодным местам меня тягать так ты первая... Нет. Я просто не могла в это поверить. Слишком оно всё напоминало фарс.

А потом поверила.

Когда отец заговорил и все разом замолчали.

— Если её сейчас Четырёхликая приберёт, искупит этим Рошка все свои грехи, — и, не глядя на меня, скрылся в доме, толкая перед собой в спину мачеху, прижимающую к груди младенца. Ромка даже не проснулся...

Я даже уточнить, это какие-такие у меня грехи, не успела.

Набросились скопом, хоть я и не сопротивлялась, всё поверить не могла... Связали за спиной руки, притащили на берег. Камень на шею повесили, пришлось на четвереньки упасть, и носом в этот самый камень ткнуться. Больно, кстати, было.

В общем, собирались уже топить, простите, «испытывать».

Ведьма всё же или нет...

Как кто-то крикнул:

— Миротворцы!

А миротворцев у нас, как и везде, бояться до одури...

После уже в толпе миротворцев мага разглядели и вовсе притихли. Потому что магов, понятно, шугаются пуще миротворцев...

Маг шёл не спеша, толпа же перед ним расступалась, что воды перед Четырёхликой. Приблизился, верёвку с шеи стянул, лицо за волосы на себя поднял... поморщился. Ну, это пережить можно было. В глазах мага интерес мелькнул, а того, кто интересен, как известно, не топят.

Откуда-то со стороны доносился голос старосты, мол, так и так, ваша светлость, имеем все основания предполагать, что девочка — ведьма.

Маг не отвечал. Вместо ответа вытянул цветной кристалл и принялся им вокруг головы водить, и, когда он загорелся, ка-ак заорёт! Если опустить все ругательства и бранные выражения, смысл его гневной речи был таков: мол, пошли прочь, смерды, ведьма ваша никакая не ведьма, а весьма одаренная магесса, и место ей в академии Аусвер, и будет она там на золоте есть и пить, и магию развивать, а по окончании обучения останется в Преториуме, в столице, и всю долгую, полагающуюся магам, жизнь, проживёт в почёте и уважении. И родителей не забудет, конечно. Так-то.

Кстати, по ходу гневного выступления мага выяснилось, что «родителям магического таланта» полагается денежное вспоможение, за то, что вырастили такое чудо чудное и диво дивное, а особенно — за то, что отпускают «дитяtko» в академию Аусвер.

Пока отец (я-то думала, он не пошёл смотреть, как меня «испытывать» будут, а нет, рядом оказался), пьясы пересчитывал, шевеля губами, а мачеха меня в дорогу собирала, не жалея собственных ношенных вещей, маг с кристаллом братишек обошёл, а затем и остальных ребятишек дистрикта, которых спешно потащили всем селением из кроватей...

В общем, посетовал, что больше дара ни у кого нет, но потом вспомнил, что «хоть у одной есть» и

вроде как утешился.

Во время прощания отец только что не прослезился, всё напутствовал не позорить его и родной дистрикт в Преториуме. А мачеха — та слёз не скрывала. «Ещё бы — бесплатную, бессловесную, и, как правило, бесправную прислугу теряет!» — пронеслась в моей голове крамольная мысль, первая из многих, и я тут же устыдилась самой себя. Но стыдиться дальше было некогда.

Горячка после пары порошков, разведённых в воде, прошла, и дорога в Преториум была веселая!

Ещё бы не весело летать на дирижаблях и ездить самодвижущихся повозках, горло именующихся автомобилями! И ночевать на накрахмаленных простынях в гостиницах.

По дороге господин маг просил показать, что я умею, а мне было страшно, очень страшно его разочаровать. Потому что «операция по спасению Бусика» — это, кажется, мой максимум и вообще случайность. Но следуя приказам, повторяла за магом какие-то языкозавязывающие и зубодробительные фразы, складывала пальцы в сложные фигуры, отчего эмиссар приходил от меня все в больший и больший восторг и пророчил головокружительную карьеру в Преториуме.

Жалела ли я, что пришлось оставить родной дистрикт?

Хм... Если бы, конечно, не предшествующая моему отъезду история с «проверкой ведьмы», я бы, может, ещё и подумала. А так...

Что касается семьи, с этим, увы, было сложнее. Намного, намного сложнее.

Начать с того, что нелюбимый ребёнок отнюдь не значит не любящий...

Сколько ни говори себе, что нельзя, сколько ни ругай себя тряпкой... Как оно зовётся — зов крови? Или просто — сердце? Глупое, абсолютно глупое, живущее в ином мире, нежели разум. Любящее вопреки, а не «потому что»... Но...

По дороге в Преториум у меня было время подумать, хорошо подумать, потому что никто не отвлекал.

И прийти к выводу, что вся моя жизнь в отчем доме, практически с самого её начала напоминала доживаемый старой, ненужной собакой век.

«Старушка», по мнению хозяев, зажила на свете и однажды вместе с объедками хозяйская рука сыплет в миску отраву. Всё ещё чуткий собачий нос чует собственную смерть, дряхлые ноги несут прочь из будки, да и после несправедливых побоев уже не тянет подойти ластиться... Но всё же какая-то сила, которая многократно крепче ржавой тяжёлой цепи не даёт отойти далеко, тянет магнитом обратно. Выглянуть с надеждой из-за угла, несмело вильнуть хвостом, проскулить на своём, только тихо, чтобы не встревожить ни хозяина, ни хозяйских детей: «Позовите же меня! Я ведь так вас люблю, так скучаю...»

Так и я, ещё там, на берегу Данаи, босая, простоволосая, слушала пророчества мага о том, как разительно с этого самого дня изменится моя жизнь, восторгалась, как ребёнок и только и думала о том, как однажды вернуться в родной дистрикт, на собственном автомобиле, и дам отцу денег, много, столько, сколько сделает его, наконец, счастливым... Мачехе и старшим, безвременно увядшим сёстрам накоплю новых платьев и бус, как у самых расфуфыренных модниц Преториума, и завалю братишек книжками и игрушками, а народившимся за моё отсутствие сестрёнкам дам приданное...

И, может быть, дождусь... нет, не слов благодарности, но хотя бы искренних, честных улыбок, а то и признания, как меня всё-таки любят, как я нужна...

Но чем ближе мы подбирались к Преториуму, ослепительному, великолепному с высоты полёта дирижабля, тем яснее проступала простая, как грошик, мысль, которую прежде я всё пыталась затолкнуть куда подальше.

Они свой выбор сделали.

Это мне трудно было его принять.

Теперь же у меня начинается новая жизнь.

Мне дали ещё один шанс!

«Рошка», нелюбимый ребёнок, урод, «от которого перед людьми стыдно», покоится где-то там, на дне Данаи. Водоросли оплетают её руки и ноги, прорастают в волосы, колышутся над белым лицом. Ей больше не больно, не страшно. Она, наконец, обрела покой.

А вот Аврора, наоборот, только начала свой путь!!!

В дистрикте-113-А она была перестарком, эмиссар же из Преториума снисходительно сообщил, что «двадцать два для мага не возраст». И добавил интимным шёпотом, что ему самому восемьдесят... пять. А может, девяносто. А может вообще, сто двадцать! И, должно быть, сполна наслаждался произведённым эффектом — потому что старше двадцати пяти маг ну никак не выглядел!

В дистрикте-113-А она была «проклятой красноглазой ведьмой», а в элитной магической академии Преториума — она юная, одарённая, талантливая магичка, у которой впереди головокружительная карьера и блестящее будущее!

В дистрикте-113-А она была нелюбимым ребёнком, которого терпели рядом с досадой, в Преториуме же она — сирота, сама по себе. Без толпы орущих братишек, цепляющихся за волосы и подол, без необходимости вытирать носы, драить полы, мести двор, кормить уток и свиней и готовить обед. И уж точно не нужно больше вжимать голову в плечи, когда рядом проходит отец и недобро косится «на уроды».

И, несмотря на то, что сразу как-то не заладилось, никто и ничто не помешает ей быть счастливой именно здесь и именно сейчас.

Словом, виват, Аусвер, я пришла!

Глава 6. Аврора

Так что, если не считать досадной стычки с рыжим, можно смело сказать, что в Аусвер меня встретили, как принцессу. Даже, стыдно сказать, пока я была занята Распределением, перестирали и перегладили всю мою одежду.

Призрак леди, который (или которая? хм) так и не пожелал(а) представиться, проводил меня в комнату, огромную, кроватей на пятьдесят, показал, где мой собственный шкаф с маленьким ключиком, в котором уже висела специально для меня подготовленная форма: мантия, два платья — с белыми и чёрными воротничком и манжетами, отделанными красной каймой, две пары шерстяных чулок с поясом, туфли на низком ходу, сапожки, шляпка и перчатки. И, простите, два комплекта нижнего белья. Всё простого кроя, но из добротной ткани.

Пользуясь тем, что в комнате никого не было, — призрак в виде исключения любезно ответил на мой вопрос и сообщил, что все ещё на занятиях, я сразу и с удовольствием вымылась с дороги в огромной душевой и переоделась в новое.

Заплела алой лентой косу, радуясь, что мачеха отжалела единственную нарядную вещь, которая так чудесно подошла к форме первокурсницы Аусвер.

После я обедала — свежей, приготовленной на пару рыбой с овощами и рисовым пудингом под карамельным соусом, за длинным столом, правда, пустым, — у остальных обед ещё не начался, меня же, оказывается, распорядились покормить вне очереди.

Затем ходила получать учебники.

Среди учебников, которые сами по себе редкость и настоящее сокровище, оказалось целых два магических фолианта! Но библиотекарь — широкоплечий коренастый коротышка, в котором я заподозрила кровь легендарных дворфов, сурового и трудолюбивого народца гор, — посоветовал не раскрывать магические издания до начала занятий, мол, один — левитирующий, ищи его потом свищи, а второй просто со скверным характером, цапнуть может.

После того, как поместила учебники в тумбу, которая, раскладываясь, превращалась в полноценный письменный стол со стулом (никакой магии, просто «умная» конструкция), призрак леди меня покинул, и я оказалась предоставлена сама себе.

Можно было дожидаться соседок, расспросить, что тут да как, но я не смогла усидеть на месте и решила побродить по Аусвер в одиночестве, так сказать, познакомиться более детально.

Потолки здесь были непривычно огромные, украшенные лепниной, изображающей драконов с широко распахнутыми крыльями, диковинных крылатых львов, огненных птиц с раздвоенными хвостами. При этом меня не покидало ощущение, что они двигались, но только тогда, когда я не поднимала взгляд. Попробовала их «подловить» — и удалось! Стоило поднять голову во второй раз, удерживая перед зрительным взором прошлую «комбинацию», как оказалось, что драконы разлетелись, остался один, самый маленький и, видимо, любопытный. Их место заняли бабочки с метровыми светящимися крыльями... красиво! Пожав плечами и подмигнув любопытному дракончику, я направилась дальше.

Коридоры, анфилады, лестницы... и конца-краю этому не было.

Откуда-то время от времени доносился смех, осаждаемый строгим голосом — стало быть, совсем рядом идут занятия, но по дороге мне никто не встретился.

В очередной раз (то ли в третий, то ли в четвёртый!) наткнувшись взглядом на статую девы в откровенной тунике, с луком в руках и колчаном за плечами, с прищуром и в целом ехидным выражением идеального лица, я поняла, что каким-то образом заблудилась и хожу по кругу.

— Простите, — деликатно кашлянула я, вспомнив, что, когда меня вела по коридорам призрачная дама, статуи перешептывались за нашими спинами скрипучими голосами. Правда, эта статуя стояла обособленно от остальных, из чего можно было сделать вывод, что она — молчунья, или же наоборот, болтушка и сплетница.

— Прощаю, — ответила статуя с ехидством и демонстративно зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Скажите, пожалуйста...

— Пожалуйста! — отрезали мне злорадно.

— Как пройти в библиотеку? — не сдавалась я и статуя скривилась, должно быть, от моей наглости.

— Скажи, а ты видишь у меня в руках табличку с надписью «указатель»? — ехидно

поинтересовались у меня.

— Не вижу, — помотала я головой. — Надеюсь на вашу помощь на добровольных началах, которые со временем перейдут в разряд дружеских.

— Скажи, может ты видишь у меня в руках табличку, на которой написано, что меня волнует, на что ты там надеешься? — продолжала возмущаться статуя, упирая мраморные руки в бока.

Видимо, я не ошиблась. Эту скандалистку нарочно поставили обособленно. Вот она и злится, и, конечно, не упустила возможности отыгаться на безобидной с виду первокурснице.

И скажу без ложной скромности — это она зря. Жизнь в дальнем дистрикте вообще закаляет. И в эмоциональном плане, и в физическом. Пожила б она с моими братьями... недельку. Вмиг стала бы шёлковой, сговорчивой и благодарной, что руки-ноги до сих пор целы и нос на месте, клянусь!

— Вот вы всё руки, руки, — притворно вздохнула я. — Таблички какие-то в пример приводите... А, скажите, доводилось ли вам, уважаемая, бывать в Зеноне?

— Это ты к чему? — нахмурилась статуя.

— Лично мне не доводилось, — продолжала я размышлять вслух с самым доброжелательным видом. — Но мне рассказывали. У них в каком-то там главном храме статуя есть, работы самого Праксителеса...

Может, имя древнего скульптора ничего не говорило вредной статуе, может, наоборот, говорило слишком много, но моя собеседница смолчала, при этом презрительно поджала губы, чуть не касаясь ими кончика носа.

— Так вот, — как ни в чём не бывало продолжала я. — Статуя та называется не то Зарница, не то Красавица...

— Ты это к чему?

— Да к тому. Что у самой известной скульптуры Зенона, культурного достояния Триума, нет рук.

— Как это — нет рук?!

Я с видимым сожалением развела свои в стороны.

— А зачем они, если она итак Красавица? — пожала я плечами. — Но если вы хотели узнать моё мнение, то табличка с надписью «Указатель», вбитая вам в голову, пришлась бы весьма, весьма кстати.

— Ты не посмеешь!.. — прошипела статуя.

Я оглянулась по сторонам.

— Вы видите здесь хоть кого-то, кто способен мне помешать? — вежливо поинтересовалась я и по сверкнувшим глазам статуи и мельтешению лепнины над головой поняла, что догадка моя правильная: меня намеренно водили по кругу. Вот же вредины!

Видимо, что-то вроде ритуала приветствия новичков у них, эдакой проверки на вшивость, извините, прочность.

Нет, конечно, я не собиралась приводить свою угрозу в исполнение, но и сносить насмешки и хамство от каких-то там мраморных истуканов была не намерена. Хватит с меня горгульи во дворе. Что-то мне подсказывает, что каменными крыльями мне чуть по макушке не съездили тоже неспроста. Вон, когда студенты и тот брюнетистый магистр появились, сидела, гадина, хвост поджав, не шелохнулась!

— Направо, четвертая дверь, два пролёта вниз, седьмая анфилада, налево, пять пролётов вверх, и ты на месте! — сердито проскрипела статуя на одном дыхании и обиженно отвернулась.

— Благодарю за участие, — вежливо поблагодарила я, пряча улыбку.

Всё-таки и вправду по кругу водили, ещё и по безлюдным коридорам. Оборвать бы им уши за такое! Но, что-то мне подсказывает — не поможет.

До библиотеки я так и не дошла.

После получаса блужданий вынуждена была признаться себе, что маршрут, заботливо выпаленный пулемётной очередью вредной статуей вылетел из головы. Точнее, не совсем вылетел, а скорее,

перемешался. Из-за чего я запуталась в этих бесконечных коридорах, лестницах, анфиладах...

Когда услышала голоса — вполне себе живые голоса, уж точно не призраки и не статуи — чуть в голос Четырёхликую не возблагодарила! И пошла, естественно, на голоса. Пора и со студентами знакомиться. В этот раз я не допущу ни единого промаха...

Выйти из-за угла и поздороваться помешало одно: разговор шёл обо мне. Сомневаюсь, что тут каждый день «новенькие».

— Новенькую видел? — спросил мелодичный женский голос с капризными нотками.

— Беленькую такую? Видел, ага. Симпатичная.

— Симпатичная?!

— Да кто-то, как я посмотрю, ревнует! Зря. Кому как не тебе знать, что мне нравятся брюнетки...

Послышались звуки возни. Я хмыкнула. Если ты альбинос из дальнего дистрикта — считай, что у тебя на всю жизнь «венец безбрачия». Он же оберег от насильников и просто домогательств парней из дистрикта. Так что я до сих пор невинна, но отнюдь не глупа. Ясно же, что какая-то парочка милуется подальше от посторонних глаз. Даже неудобно, что подслушиваю. Но прежде, чем я успела деликатно кашлянуть, женский голос заговорил снова.

— Дурак, — сказала девушка снисходительно и немного запыхавшись. Мне даже выглядывать из-за угла не пришлось, чтобы представить, как щёки и губы незнакомки сейчас покраснелись. — Причём тут ревность? Они с Юджином что-то не поделили. Он после знакомства с новенькой злой, как минотавр. Говорят, он её в лужу толкнул!

Мужской голос присвистнул.

— Юджин? В лужу? Новенькую? Хм... У кого-у кого, а у Юджина на то должны быть причины. Веские. Он зря ничего делать не станет.

— Так, а я о чём говорю! Наверняка никакая она не новенькая!

— А кто?

— А то! — передразнила собеседника девушка. — Шпион из «Претория»! Не зря с ней Сенека любезничал!

— Магистр Бенжамин Сенека? Куратор?

— А то кто!

— Странно...

— Ещё бы не странно! Ой-ой-ой, а как у нас глазки-то забегали! Да ты, я посмотрю, сомневаешься ещё! Так я и знала. Конечно, как парень бросился защищать девчонку!

— Не защищаю я никого, — жёстко отрезал мужской голос. — Если она и вправду президентский шпион, хана ей.

— А если нет?

— Если нет, — произнёс мужской голос после небольшой паузы, — тем более хана. Если они с Юджином что-то не поделили, остаётся ей только посочувствовать. За ним ребята пойдут, не станут разбираться, кто прав, а кто виноват.

— Сам сказал, у него должны были быть веские причины, — ехидно процедила девушка.

— Сказал...

Сложить два и два было несложно.

Юджин — это, стало быть, тот рыжий, который психованный. Эх...

Судя по нечаянно подслушанному разговору, он здесь, среди ребят, авторитет. И его личная неприязнь для меня ещё хуже, чем участие того... этого... Который брюнетистый, с таким ледяным взглядом, что как посмотрит — внутри всё инеем покрывается. Кажется, они назвали его Куратором. Значит ли это, что он здесь не работает? А что тогда делает? Курирует? А что именно курирует? Ответ напрашивался один — Аусвер.

Но, как я поняла, разговор с брюнетом — это ещё полбеды.

А вот самый популярный парень в академии с лёгкостью превратит мою жизнь в ад...

Плохо. Очень плохо. Прямо скажем, хуже некуда. Надо срочно искать возможность помириться с этим самым... С Юджином. И заодно выяснить, чего он взбесился? Вон, ребята говорят о нём с таким пиететом... Значит, не самодур. Что уже неплохо.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, стараясь не дышать и надеясь, что меня не выдаст стук собственного сердца. Сейчас самое главное — не попасться им на глаза. И без того уже слух пошёл что я какой-то там шпион. Из Преториума, что ли? Сумасшедшие они здесь. Ну какая из меня столичная штучка? Не видно по мне, что ли...

Я уже сделала осторожный шаг назад, затем ещё один, и ещё...

И надо же было такому случиться, чтобы девушка, изображённая на картине в платке, завязанном в узел на макушке и с тряпкой в руках с самым коварным видом перевесилась через золочёную раму и демонстративно смахнула с неё пыль изящной метёлкой!

И пыль не нарисованную! Настоящую!

— А-а-а-пчхи!! — вырвалось у меня оглушительное.

Разговор тут же стих.

А потом из-за угла вышли оба. И парень — высокий, крепкий, как дуб с жёлтой отделкой камзола и высокая брюнетка, широкими скулами и чуть загнутым книзу носом, эдакая соколица в мантии с оранжевым воротом.

И по их лицам я как-то сразу поняла, что у меня неприятности.

Глава 7. Юджин

Оставив Касьяна отдыхать в поверхностном, беспокойном сне, Юджин покинул комнату. Последнюю пару по Призыву и Управлению Иномирскими Сущностями он бессовестно прогулял, чтобы быть у сегрегационной пагоды в то же время, что и Касьян, поддержать друга, если нужно — помочь дойти до комнаты. Но на то, что его отсутствие пройдёт незамеченным, не надеялся и теперь искал преподшу, чтобы получить задание на отработку.

И, когда проходил картинную галерею, его внимание привлекли голоса. Даже звуки ссоры.

— Подсматриваешь? Подслушиваешь? А я говорила, она — шпионка!

Зычный голос Жас с гудящими северными, или, как говорят те, кто вынужденно уступает ей победу в магических спаррингах, «базарными» нотками, он узнал сразу. Жасмин, точнее Жанна из рода древних воинов, из самого Багрового Каньона, там норма скорее кричать, нежели говорить. Конечно, два с половиной года в Аусвер сделали своё дело, но, как известно, можно вытащить девушку из каньона, куда сложнее — каньон из девушки... В то, что Жанна затеяла с кем-то ссору ничего удивительного не было.

— Это правда? Ты шпионила за нами? На кого ты работаешь? На Преторий? Или только на Сенеку? Или, может, на самого Тода? — а вот узнав голос Алекса, Юджин нахмурился. Сокурсник нравился ему своей рассудительностью и гибким, подвижным умом. Ну и в «слабости к каньонным девушкам» его сложно было упрекнуть, всё-таки Жанна очень даже ничего себе... Но чтобы Алекс поддерживал ту в сплетнях и склоках? Быть такого не может.

— Сейчас ты нам всё расскажешь!

— Вы о чём? Кто все эти люди? Я не понимаю, о ком и о чём вы говорите! Клянусь, никакая я не шпионка!

Юджин скривился, словно откусил от сочного лимона. Этот голос он уже слышал сегодня, и, несмотря на немногословность его обладательницы, узнал бы из тысячи. Слишком уж... запоминающейся оказалась встреча.

— Держи её, Алекс! Сейчас я ка-ак шарахну её Обледенением, мигом вспомнит, на кого шпионит!

— С ума сошла! К Нгеллеру, на опыты, захотела?!

— А ты предлагаешь отпустить её после того, что она тут услышала?!

— А что, сфинксы меня дери, она услышала?!

— Эй! Оставьте её! — крикнул Юджин, выходя из-за угла.

Так он и знал. Картина маслом.

Алекс, несмотря на «приказ» подруги, удерживает за локти эту самую подругу, которая вырывается, шипит дикой кошкой, только что не плюётся. И к Оракулу ходить не надо — выпусти её сейчас Алекс — бросится выцарапывать глаза новенькой. Та же успела переодеться в мантию, заплести косу и уже не так напоминает призрака. Скорее, призрака в мантии. Из-за красной оторочки воротника огромные розовые глазищи на бледном лице так и отливают алым!

Горло буквально сдавило от злости. Ну вот во что она опять вляпалась?!

— Уведи Жасю, Алекс, — уже тише сказал Юджин, и ни сокурсник, ни сама Жанна не посмели возразить.

— Юджин! Она подслушивала, — робко и совсем другим тоном проговорила Жасмин.

— Я разберусь, — пообещал он. А потом вдруг не выдержал, взорвался. — Вам не приходило в головы, что она просто осматривалась здесь?! Она же только сегодня приехала. К тому же, кому, как не тебе, Жас, знать о гостеприимстве местных стен, — многозначительно добавил он.

Проводив удаляющуюся парочку взглядом, новенькая вскинула взгляд на него. В розовых глазах — ни тени страха, скорее интерес напополам с облегчением.

— Спасибо, что спас, — тихо сказала она и робко улыбнулась.

Оттого, что голос у девушки оказался таким же приятным, тихим, как ему и запомнилось, а улыбка — светлой и искренней, Юджин разозлился ещё сильнее.

— Нужна ты мне, — буркнул он грубо.

Девушка — кажется, Сенека назвал её Авророй, пожала плечами. Она оказалась не из обидчивых.

— Юджин Валкони! — раздался новый голос, раздражённый, с занудными преподавательскими нотками, эдакая профессиональная деформация. Его обладательница, мистрис Пейдж со строгим лицом и строгой же причёской, появилась словно из ниоткуда. — Могу я узнать, по какой причине вы пропустили сегодня мой предмет?!

Юджин вздохнул. Негласная причина была понятна и без слов, к тому же о ней не принято говорить в Аусвер. А выдумывать что-то, делать вид, что оправдываешься — он слишком устал от этого дерьма.

— Ладно, сфинкс с тобой, — вздохнула мистрис Пейдж и поправила пенсне с магическими стёклышками. — Надеюсь, ты не думал, что я спущу это на тормозах, без отработки?

Юджин снова вздохнул. О том, что мистрис Пейдж забудет о пропуске, он и не мечтал.

— Вот и чудесно, — просияла преподша. — Прямо сейчас и отработаешь. Держи адрес. Там какие-то нестабильные колебания фона, проверь, ладно? Если пациент буйный, упокой. Да-да-да, потом ко мне с зачёткой и табелем. Получишь свой зачёт экстерном и можешь до конца семестра не мозолить мне глаза.

В этот момент Юджин почти обожал мистрис Пейдж. Избавить чей-то дом от нежити или беспокойного духа? Получить зачёт экстерном и выиграть несколько свободных часов в неделю? Да он мигом!

Но в последний момент преподша всё испортила. Эх, не оставляете вы шанса полюбить себя, мистрис Пейдж!

— Это ты сегодня с Эдгардом приехала? Новенькая? Аврора Зайко, да? — мистрис Пейдж беззастенчиво дёрнула кивнувшую Аврору за руку, затем обошла, оглядывая поверх стёклышек, чуть ли не принялась. Пробормотала что-то вроде «двадцать восемь... кто бы мог подумать» и вновь обернулась к Юджину.

— Знаешь, что? Возьми с собой новенькую. Пусть практикуется.

Юджин скривился, как если бы у него заболел зуб.

— Шутите, мистрис Пейдж... — начал было он.

— Это тебе всё шутки, — преподша замахала на него руками. — А у неё дар сильный. Глядишь, пригодится.

Юджин только что зубами не скрипнул.

Повозить бы всех Магистров во главе с ректором Рэйвом мордами по грязи вокруг сегрегационной пагоды...

Глядишь, и у него дар был бы сильный.

Глава 8. Юджин

— Это зачем? — спросила Аврора, перегибаясь через его плечо и с интересом наблюдая, как докторус с невозмутимым видом ставит метку на сгиб локтя. Напыление зашипело, впитываясь в кожу и в тот же миг над левым плечом Юджина вспыхнул знак Аусвер — эдакий опознавательный маяк, по которому каждый житель Преториума видит, что перед ним студент магической академии... а в случае отклонения от заданного маршрута, иначе говоря, побега — метка с лёгкостью превратит кровь в его жилах в кислоту... и одним магом в Триуме станет меньше.

— Чтобы не заблудились, — с вежливой улыбкой ответил докторус и жестом пригласил Аврору занять место Юджина.

Девушка даже не поморщилась от укуса магического напыления и с интересом уставилась на собственную метку, вспыхнувшую над плечом.

Затем послушно пошла за Юджином.

Он ожидал вопросов. Целого моря вопросов, чтоб его сфинксы съели! Уж он бы на её месте порасспросил самого себя хорошенько, особенно после всего, что произошло. Но Аврора вышагивала рядом молча, стараясь не отставать и в то же время держать дистанцию. Всем своим видом девушка показывала, что не хочет быть в тягость.

Такой сильный эмпат? Или реально, блаженная, которая действительно не понимает, куда попала?

Задержалась она только, причём и его дёрнула за рукав, когда проходили мимо зеркальной витрины под мигающей вывеской «Тысяча мелочей». В витрине расселся, закинув ногу на ногу манекен лысой красавицы в пышной юбке и с упоением смотрелся в зеркальце на длинной ручке.

— Погоди, пожалуйста, — попросила Аврора, когда он резко обернулся и прожёл её взглядом. — Я сейчас.

— Куда? — нахмурился Юджин, но вынужден был остановиться. — Нам нельзя сходить с маршрута.

И выразительно покосился на метку над своим плечом.

— Это я поняла, — беззаботно махнула рукой девчонка и смущённо улыбнулась. — Но ведь этот магазин по пути? Я быстро!

Он был готов поймать её за край мантии, отчитать, причём в грубой форме. Какие ещё магазины?! Нет, он всё понимает, девочка из дистрикта, впервые в Преториуме... Но он — главный, он, к слову, и за неё ответственность несёт... А потом вспомнил, как она беспомощно смотрела на него из лужи, как, не жалуясь, упрямо закусив губу, тянула из неё чемодан... И, как вишенка на торте — этот нелепый наезд Жасмин и Алекса...

Юджин сухо кивнул и девчонка, просяив, унеслась в магазин. Ну ещё бы.

Конечно, Юджин и не подумал идти за ней, остался стоять снаружи, всем своим видом выражая презрение к расфуфыренной столичной толпе. Дикие, невозможные причёски, кислотные оттенки волос и одежды, мастерски наведённые личины...

Магия красоты! Магия комфорта! Магия изыска — как она есть! Тьфу! Тысячу раз — тьфу!

Юджин знал цену этой вот столичной роскоши и, как мог, ненавидел её. Всей душой. Всем сердцем.

Если б он только мог... Если бы не проклятая метка, с которой он, как щенок на поводке, если б не фистула в груди, рядом с сердцем... Если бы не миллион предосторожностей хитровывернутых Магистров, сковывающих его по рукам и ногам.

Если б всё зависело исключительно от его воли...

О, какой бы славный грянул бы сейчас взрыв! Как быстро бы эти кривляющиеся рожи сменились бы предсмертными оскалами, а вместо всех этих утончённых «мэйкапов» по холёным физиомордиям хлынула бы кровь вперемешку с пониманием, что они проиграли! Последним пониманием.

Он не пощадил бы никого... Женщины? Дети? Крашенные в кислотные расцветки пятнистые кошки на изящных поводках-цепочках?

А с какой стати?! С ним, вот, никто не церемонится!

Твари! Ведь знают же, знают, какой ценой такие, как он, платят за их подтянутые рожи и накачанные сиськи и задницы! За последнюю модель магического скэйтборда! За противоблошные

ошейники на кошаках!

Симбиоз магии и прогресса... что может быть гаже, подлее, абсурднее?

Если ты — магический донор. Батарейка на ножках. Если твой магический дар — цена вот этого вот даже по ночам не стихающего праздника?!

На плечо Юджина вдруг легла рука.

Прежде чем он успел выполнить захват и описать дугу гражданином Преториума в воздухе, подошедший успел отшагнуть и руки Юджина сомкнулись на пустоте.

Напротив стояла пара — с первого взгляда на их причёски и одежды было понятно: столичные. Надменные капризные рожи, а в глазах неприкрытый интерес.

— Из Аусвера? — спросил парень с синими волосами, а девчонка, с зелёными, скупно улыбнулась.

— А тебе что? — Юджин нахмурился.

Преторианцы обычно смотрят не так. Они, как могли, скрывают своё преступное равнодушие за безразличностью, презрением, иногда — за лживым сочувствием.

Эти же — и парень и эта зеленоволосая нимфа, и даже кошка у её ног в золотом в стразах ошейнике — смотрели на него с вызовом. Как на равного.

И это было странно.

— Кто вы?

Синеволосый нагло улыбнулся и выдержал паузу, прежде, чем ответить. Юджин скривился.

Тоже ещё, драматург хренов.

— Сокрушители Оков, — первой ответила девчонка. Голос у неё, несмотря на хлипкую комплекцию, оказался низкий, глухой. Серьёзный.

— Новая мода на накурившихся клоунов? — ухмыльнулся Юджин. — Или новая игра золотой молодёжи в платиновых подгузниках? Не слышал я о вашей секте, проваливайте, обдолбыши.

Парень покачал головой, продолжая вглядываться в его лицо.

— Сокрушители Оков — граждане Нового Триума. Свободного Триума.

— Не знаю такого, — издевательски развёл руками Юджин. — И, как ни стараюсь, не вижу.

— Потому что его ещё нет, — согласился незнакомец. — Мы построим его собственными руками. Но сперва не оставим и камня на камне от этого. Ты с нами?

— Почему я должен вам верить?

Вместо ответа парень сдвинул борт своего павлиньего, в стразах, пиджака. Тот же жест (только гораздо изящнее, по-женски) повторила девчонка, словно ей вдруг стало жарко и единственная возможность охладиться — расстегнуть прозрачные кнопки на декольте.

Юджин не собирался пялиться. Но их шрамы были такими знакомыми...

— Посмотри на нас, — продолжал незнакомец. — Где наши охранные метки? Где фистулы? А ведь я должен был десять лет как окончить элитную, всеми обожаемую до невозможности, академию Аусвер.

— Вы... студенты Аусвер?

— Были, — кивнул синеволосый. — Юла значит мёртвой. А я сбежал.

— Сбежал?!

— Представь себе.

— Я... я вас не помню. Вы врётё. Вы — шпионы Рэйва или Тода.

— Я «умерла» в год твоего поступления, — отрезала Юла. — Можешь спросить обо мне у Касьяна.

— Я не...

— Это неважно. Всё, что ты скажешь — неважно. Важно одно: с нами ты или нет.

И надо же было такому случиться, чтобы в этот самый момент стеклянные двери разъехались, выпуская на шумную улицу новенькую. Довольную, как начищенный пьяс!

Доля секунды понадобилась Юджину, чтобы придумать объяснение для Авроры (чтоб не взболтнула лишнего в Аусвер), но, когда он обернулся к случайным знакомым, их уже след простыл.

Шагнув в разномастную столичную толпу, бывшие студенты Аусвер слились с ней, как сливается с окружающей средой хамелеон.

Глава 9. Аврора

— Как давно это началось? — Юджин бегло мазнул по хозяйке взглядом, повертел головой, осматривая картины на стенах, статуи, парящие кристаллические светильники.

— Вот сюда пройдите, — хозяйка с озабоченным выражением лица, с изумлённо приподнятыми тонкими, нарисованными поверх белил тонкой кисточкой бровями, поманила нас за собой. Пару раз несмело оглянулась, то ли для того, чтобы убедиться, что мы следуем за ней, то ли — что мы не наследим на сияющей в буквальном смысле плитке из бело-розового мрамора.

— Месяц назад, — спохватившись, бросила она через плечо. — Это началось месяц назад. Точно-точно. У Марсика, простите, Марка Антония было экстренное заседание в префектуре. И вот надо же, так совпало... — она неловко замолчала, явно жалея, что сболтнула лишнего. В том смысле, что зачем нам, студентам Аусвер эта информация о заседании в префектуре...

После того, как я прошлась с Юджином по улицам, было не так страшно опозориться с «раззявленной варежкой». Успела привыкнуть, кхм, к эпатажной местной моде.

Все эти совершенно диких расцветок наряды с обилием стаз, перьев, какого-то прозрачного блестящего материала... С двух шагов мужчину от женщины не отличить! На лицах — или магические личины, или, вот, как у этой мистрис Алвейл — белила, а уж поверх — нарисованное лицо.

Разглядывая нашу хозяйку — что стало возможным только лишь, когда она обернулась спиной — я вспомнила призрачную леди в Аусвер и сетования той по поводу отсутствия красок и париков уже не показались мне смехотворными.

Конечно, я ожидала столичной роскоши, но и подумать не могла, что здесь она самым решительным образом возведена в культ!

Но ладно ещё хозяйка, одетая, видимо, по-домашнему — в длинное и узкое шёлковое платье странного кроя, с разрезами по бокам и такими широкими рукавами, что при взмахах рук становилась похожа на огромную розовую бабочку... Дом!

Четырёхэтажный особняк оказался изнутри настоящим дворцом! От обилия золота, хрусталя, каких-то парящих цветных кристаллов, статуй... да простит меня моя знакомая, которая с луком и стрелами, но здесь статуи были выполнены из прозрачного, как слеза, материала, причём были они разных цветов — словно целиком вырезаны из драгоценных камней! Кстати, о драгоценностях — на некоторых сияли самые настоящие украшения — серьги, диадемы, ожерелья, кольца, пояса-цепи, браслеты.

Что-то кольнуло изнутри, какое-то странное предчувствие, что заставило приглядеться к «украшенным» статуям повнимательнее... они все выглядели странно знакомыми. Но как я ни старалась вспомнить, где видела невысокую, своих лет девчонку с приятными, но какими-то кукольными чертами лица, так и не смогла.

— Вот, — капризным голосом говорила хозяйка, жестикулируя, отчего широкие рукава её наряда, казалось, жили собственной жизнью. — Вчера кто-то перевернул все картины вверх ногами, позавчера — повесил простыни вместо занавесок, — она прижала тыльную сторону ладони ко лбу. — На той неделе в библиотеке кто-то бросался книгами, и, такое ощущение, подвывал... или плакал. А сегодня утром из буфета пропали все ложки! Серебряные! Старинные! Оно, конечно, смешно, но это память о бабушке! Такие, знаете, на длинных ножках...

— Десертные, — пискнула я и оказалась под перекрёстными взглядами двух пар глаз.

Хозяйка, мистрис Алвейл, смотрела так, словно видит меня впервые, и, чего уж там, не ожидала обнаружить такое в своём доме. Юджин же смотрел просто зло. Но к этому я успела привыкнуть.

Он всю дорогу злился, с того самого момента, как мне было приказано сопровождать его. Всю дорогу досадовала! Это ж какая возможность поговорить начистоту, помириться, а заодно и выпросить хорошенько, за что он так ненавидит Аусвер?

Но жизнь научила не лезть под горячую руку. Можно так огрести, мало не покажется. К тому же, если человека не трогать, дать, как говорила мама, перебеситься, он потом сам станет добрее и благодарнее, что в душу лезть не стали. Сам всё расскажет. Я и решила: буду нема, как рыба, и послушна, как... как «Рошка», в общем. Мне ли привыкать. А если удастся не сплеховать и даже оказаться полезной, глядишь, Юджин и сам всё расскажет, на обратной дороге. Что-то его, видно, сегодня, помимо меня расстроило. Имеет человек право позлиться? Кто бы спорил, только не я.

— Да-да, десертные. И в кабинете у мужа копались, бумаги все разбросали, провод у телефона

сгорел, представляете?

— Провод сгорел? — уточнил Юджин, нахмурившись.

— Знаю-знаю, — снова замахала руками хозяйка. — Вы будете говорить, как и эти дуболомы-миротворцы, что кто-то залез в дом... Но это исключено! Мы пользуемся лучшей охранной магической системой! Новейшая разработка! Обновляем каждый месяц! Деньги, конечно, немалые, а что делать... — и она тут же осеклась, закрыла рот ладонью, должно быть, разговоры о деньгах в высшем обществе моветон. Где-то я такое слышала.

В тот момент, когда мистрис Алвейл заговорила о новейшем магическом изобретении, глаза Юджина вдруг так и полыхнули! И кулаки сжались!

Всего на миг, но... и я, и хозяйка успели заметить. Причём реакция хозяйки была совершенно нетипичная. Она вдруг закашлялась и отступила на шаг, так, что наткнулась спиной на стену, отчего картина закачалась. Хвала Четырёхликой, картины в этом доме были не как в Аусвер, не магические, а то наслушались бы сейчас от чернобрового красавца с ястребиным профилем...

Не вполне понимая, что происходит, я взяла Юджина за руку. Ну как, за руку. По сути положила пальцы на сжавшийся кулак. Ледяной. Юджин вздрогнул, посмотрел на меня отсутствующим взглядом, потряс головой, а хозяйка смутилась. Чего?

Реакции Юджина или своего испуга?

Но заговорила в два раза быстрее. Снова повела по коридорам, показывая и рассказывая на ходу, где ещё набедакурил «полтергейст».

Юджин шёл по левую руку и сверялся с показателями выданного в Аусвер датчика. Меня в принцип его работы не посвятили. Ну я и плелась, то есть, бодро топала следом, делая умное лицо.

— А там что? — спросил он, показывая на самую дальнюю комнату в коридоре. Датчик в его руках жалобно пискнул. Я наострила уши, выглядывая из-за его плеча.

— Кладовка, — ответила хозяйка так быстро, что я сразу поняла — врёт.

Понял это и Юджин.

— Для отчёта нам нужно проверить все комнаты, где шалил этот ваш «полтергейст».

И без того мраморное за счёт белил лицо хозяйки стало ещё более непроницаемым.

— Там вам нечего делать! — сказала она резко. — Вредитель туда не заходил! Вон, видите, пыль на ручке?

— Простите, мистрис, — пискнула я. — Но полтергейст на то и полтергейст, чтобы ходить сквозь стены...

— Туда никто не заходит!!! — взвизгнула фальцетом хозяйка и я часто заморгала.

И тут вдруг Юджин сжал мои пальцы!

Это было так неожиданно, что я затаила дыхание.

А ещё внутри что-то зашевелилось. Так было, когда удалось поднять воду в колодце, или сегодня, когда над их этой «сегрегационной пагодой» засияла радуга... В запертой комнате была магия! Я чувствовала её!

— Мы осмотрим все комнаты в доме по порядку. Начнём с гостиной, — примирительным тоном сказал Юджин.

Глава 10. Бенжамин

Бенжамин Сенека склонился над страницами Посланий.

Каждое — заламинировано, поверх плёнки — магическая печать для сохранности.

Всего Посланий Богини (задокументированных, так сказать) сто восемьдесят три. Негусто. За две тысячи лет.

Прежде чем приступить к перечитыванию того, что Бенжамин итак знал наизусть, он привычно натянул одноразовые перчатки.

Первое Послание датируется шестьдесят восьмым годом. От Новой Эры, или от Пришествия Четырёхликой.

А вот последнему, задокументированному самим Бенжамином, полученному незаконным путём... всего месяц.

Кстати о незаконности. Чтобы получить последнее Послание, Бенжамин пошёл на самое настоящее преступление. Хотя и жалко было девчонку-Оракула, не передать, как...

Но что значит жизнь одного человека по сравнению со всем человечеством?

Это Бенжамин тогда так думал. Прежде, чем задать Оракулу вопрос.

А вот то, что последовало вслед за этим, будет являться ему в самых худших кошмарах, мучить всю жизнь... И искупление не придёт. Никогда. Нет, если бы снова пришлось, рука бы не дрогнула. Наверно. Слишком ценными оказались расшифрованные данные. Но девчонку правда было жалко. Очень...

Нахмурившись и сурово поджав губы, Бенжамин принялся листать страницы.

— Сказания Двенадцати, — прошептал он с тихой яростью. — Почему же вы, сфинксы меня дери, такие разные? Если говорите, мать вашу, об одном и том же...

«Сказания Двенадцати» — вторая по значимости священная книга Триума.

Именно в них повествуется, как на землю сошла Богиня.

Четырёхликая.

Вообще-то это рассказы очевидцев того времени.

Тех, кто узрели Явление Богини. И хотя бы в силу того, что «показания» рознятся, Бенжамин считал, что важность «Сказаний» сильно переоценена.

Другое дело — «Послания». То есть откровения самой Четырёхликой, записанные со слов Оракулов. Но вот понять Богиню совершенно не представлялось возможным. Такое ощущение, что она говорила на другом языке.

— Может, те Двенадцать были выходцами из разных языковых групп? — пробормотал Бенжамин. — Это может объяснить то, что они все так отличаются... Но, сфинксы драные, какова вероятность?!

Бенжамин раздражённо пролистнул первые страницы — их он итак знал наизусть.

К слову, никто из тех, кто наблюдал Сошествие Богини, не прожил больше месяца, так что, возможно, очевидцев того знаменательного события было гораздо больше, нежели «Сказаний». Но только Двенадцать успели оставить важную информацию потомкам.

Впрочем, все они сходились в одном: Богиня спустилась с неба верхом на звезде, прямо в чёрные воды Таласского моря.

От жара звезды воды вскипели, взметнулись до самого неба!

Бушевало море... долго. Точных сроков того периода, к сожалению, не сохранилось. Зато известно, что когда море утихло, на юго-западе от полуострова в его водах обнаружилась Водная Яма — гигантский водоворот, с лёгкостью утягивающий на дно целые флотилии.

Древние, и, конечно, тёмные, напуганные пришествием Богини люди решили, что той нужны жертвы. И жертвовали.

Корабли, скот, людей... Сперва всякий сброд, после лучших из лучших. Юношей, девушек — юных,

чистых, невинных... Это было страшное время для крохотного приморского поселения под названием Триум.

Но Богиня приняла жертвы.

Потому что вскоре в Триум пришла магия.

Магия Четырёх Стихий.

И настали по-настоящему тёмные времена.

Потому что магия пришла вместе с магами.

То тут, то там, рождались «поцелованные Богиней» — младенцы с сильнейшим магическим даром.

Что может натворить неразумное дитя, которое и из люльки ещё вылезти не в силах? Если дитя маг — многое. Страшное.

Ураганы, тайфуны, смерчи, лесные и степные пожары, смертоносные грады из ледяных стрел, землетрясения...

Люди гибли целыми селениями.

«Поцелованных Богиней» безжалостно истребляли. Потому что сами очень хотели жить. Потому что хотели долгой и спокойной жизни своим детям.

Несколько десятилетий вошли в историю под страшным названием — Избиение поцелованных.

Но вот «поцелуи Богини» с каждым годом стали проявляться позже. Правда, рано или поздно магический дар выходил из-под контроля, нёс кровь, смерть, разрушения...

Прошло немало лет, прежде чем появились те, кто научился контролировать его, и учить контролю других.

К тому времени Триум разросся и занимал примерную треть нынешней территории.

Магов тогда боялись до одури, ненавидели хуже лютой смерти. Устраивали на них охоту, как на диких и очень опасных зверей. Не всегда охота была удачной... и люди зверели ещё больше. Уходили всё дальше вглубь материка, где «поцелованных» рождалось меньше. Был основан Преториум, столица-крепость.

Но несколько магов (конечно же, по совершенно случайному стечению обстоятельств их было ровно двенадцать), на свой страх и риск пришли к воротам Преториума. Чтобы доказать свою верность Триуму, дать присягу отныне и впредь действовать только во благо своего государства!

Быть может, магам не было бы веры, но на новое государство, еле-еле стоящее на ногах, слабое от «магических всплесков» пошли войнами соседи...

Полуостров был атакован со всех сторон, и, к сожалению, не только людьми. Драконами — гигантскими крылатыми ящерами, морскими чудовищами — горгонами, сфинксами, грифонами, гарпиями, полчищами смертоносных даймонов с кожистыми шипастыми крыльями и рогами...

Казалось, Триум был обречён.

Но на его защиту грудью встали маги.

Те самые, которые умудрились выжить, несмотря на свой дар, научились его контролировать...

Год за годом границы Триума расширялись.

Это был героический, Победоносный Век!

Маги, сражавшиеся в многочисленных войнах за Триум, стали уважаемыми жителями Преториума, столицы. Власть справедливо посчитала, что таких сильных союзников следует держать на расстоянии вытянутой руки.

Триум выстоял. И стал сильнее и лучше.

И в нём жили маги — те самые Двенадцать и их многочисленные потомки, которым (не всем правда) тоже передавался магический дар.

Маги становились обыденностью...

И всё же хорошо, чтобы их было поменьше — так рассуждала власть. Оставить удобное количество самых верных на случай, если снова придут с войной соседи, но всё же недостаточное, чтобы «поцелованные Богиней» однажды сумели захватить власть...

Но как это сделать?

И как, опять же, контролировать тех «поцелованных», кто рождался в тысячах и тысячах километрах от Преториума — бьющегося сердца Триума? Государство занимало уже чуть ли не половину материка, и пусть соседи больше не рисковали воевать, но Триум существовал лишь благодаря мудрости и предприимчивости власти* (*зачёркнуто), благодаря магам* (*опять же зачёркнуто, восстановлено с помощью артефакта), благодаря единому порядку, единому закону.

Умрёт закон — погибнет и Триум.

Всё культурное наследие предков, за которое те сражались и погибали.

Плодородные земли и богатые месторождения растащат соседи...

А что, если контролировать численность магического населения? Конечно, в приоритете «проверенные», те, кто уже доказал свою верность, своё умение контролировать дар...

К тому же, как оказалось, — случайно выяснилось Первыми, Магистрами, что магический дар можно отдавать.

А вещи, будь то оружие, кристаллы, даже предметы искусства могут «впитывать» магию, вбирать её... и даже служить тем, кто к магии вообще никакого отношения не имеет. Но умеет приказывать.

Такое свойство магии оказалось очень удобным.

Итак, решение было найдено.

И на первый взгляд оно было простым и гениальным.

В Преториуме стали появляться первые магические учебные заведения. В них юные маги учились развивать свой дар и... добровольно жертвовали его излишки на благо Триума.

Поначалу... излишки.

Поначалу... добровольно.

Креп Триум, креп Преториум. Столица превращалась в эпицентр чудес, «око тайфуна» магии и волшебства.

Гигантские динамо-машины вырабатывали энергию и преобразовывали её в электричество.

Водные и ветряные мельницы сменялись турбинами, работающими с помощью магии, только мощнее, быстрее, лучше.

Земляная магия помогала выращивать и собирать небывалые урожаи.

Огненная магия получила самое широкое распространение в котельных, на заводах и фабриках, во дворцах и замках.

Изобретение телефона, открытие магнитного поля и многое, многое другое!

Магия становилась доступной. А вслед за доступностью пришла необходимость.

Жители Преториума не мыслили своей жизни без роскоши, удобства, изыска, ежедневного волшебства, — всего, что давала «изъятая» магия.

Среди знати, поддерживающей власть президента, считалось хорошим тоном использовать магические артефакты не то, что в быту, но и для дрессировки и селекции домашних растений и животных.

Магия над Преториумом буквально звенела, растекалась в воздухе!

Великолепные огненные шоу, фейерверки!

Изобретение дирижаблей!

Железные магистрали, по которым поезда несутся со скоростью 1000 км/ч!

Строительство подводных субмарин и батискафов, возможность исследования морского дна!

Подводные фермы, на которых выращивают рыбу, морских животных, драгоценные кораллы, жемчужниц!

Пришла эпоха Магического Возрождения — магия прославлялась, воспевалась на все лады и к сожалению, было слишком поздно, когда магия оказалась... наркотиком.

Нет, она не влияла ни на разум, ни на сознание, и, конечно, к ней не было и не могло быть ни физического, ни химического привыкания...

Привыкание случилось к комфорту. К роскоши. К доступности.

Первыми заподозрили неладное маги, потомки тех самых первых Двенадцати.

Они гордо именовались Магистрами, по-прежнему занимали особое положение в обществе и важные государственные посты.

Они первыми поняли, что оказались в магической ловушке.

И дело было не в том, что пресыщенная знать Преториума требовала всё новых и новых развлечений, открытий, свершений, нет.

Магия иссякала.

«Поцелованных богиней» рождалось всё меньше и меньше, дар их тоже стал проявляться позже.

Живые батарейки благополучия Триума становилось всё сложнее найти...

Строились и выдвигались теории, что Дар Магии Богини был разовым актом, эдаким всплеском, который, достигнув своего пика, пошёл на убыль.

Что плохого в симбиозе магии и технического прогресса? Увы, последний, полагаясь по большей части на магию, на волшебство — отстаёт. Сильно отстаёт.

Это сейчас Триум сильнейшее государство Южного Материка. А через сто лет? Через двести? Люди, ныне живущие, этого не увидят, а вот маги обязательно станут свидетелями Раскола, а также страшнейших войн, что знало человечество, которые Раскол неизбежно поведёт за собой.

И неважно, кто в итоге окажется первым — кто первым доберётся до Красного Кристалла, что выпустит на волю Гнев Богини. Сильнейшее магическое оружие — секретную разработку Триума, над созданием которой самые сильные маги и лучшие учёные государства работали столетиями.

Для Гнева Богини нет правых, нет виноватых. Нет достойных и недостойных. Нет деления на мужчин, женщин, детей... животных. Он не вступает в переговоры. Он невосприимчив к аргументам. Он — Оружие, созданное убивать.

И недалёк тот час, когда Южный Материк, а вслед за ним и Северный, и Малый, и россыпь архипелагов-островов сгинет в Водной Яме. С поверхности планеты смоем всё живое. И неизвестно, вернётся ли когда-нибудь жизнь обратно...

Глава 11. Бенжамин

Бенжамин Сенека искал пути. Искал способы, возможности...

Магия была нужна. Нужна, как воздух.

Шутка в том, что передача магической энергии от мага к неодушевлённому предмету — возможна. С последующим его использованием по назначению. А вот от некоего магического артефакта обратно к магу — нет. Как и от мага к обычному человеку.

Бенжамин Сенека возглавлял кафедру Экспериментальной Магической Передачи в Претории, правительственном университете. И, как следствие, экспериментировал, пытаясь найти возможность обеспечить необходимым количеством магии Триум, своё государство, которое его далёкий предок поклялся защищать ценой собственной жизни.

И, разработав, по его мнению, идеальную (ладно, просто работающую) формулу передачи магической энергии Бенжамин Сенека начал с себя.

Не потому что, был глуп, наоборот.

Его отец, Люпус Сенека, был одним из Двенадцати Магистров Преториума, по совместительству — префект и правая рука уже третьего (за его, Люпуса, жизнь) президента.

Бенжамин унаследовал магический дар, правда, слабый. Но всё же какая-никакая, а гарантия, что, если опробовать формулу на нём, он сможет принять магическую передачу и даже выжить после неё.

После долгих, занявших несколько лет переговоров и сотни дополнительных исследований, Бенжамин Сенека прошёл Ритуал Инициации. Получил магическую передачу от Двенадцати и, когда всё-таки выжил (хоть никто и не верил, даже родной отец), стал Тринадцатым Магистром.

Первым Тринадцатым Магистром за всю историю Триума.

А когда пришёл в себя, принялся рассуждать дальше.

Выжить у него получилось, что да, то да. Но не факт, что получится у остальных. Он-то, в конце-концом, и до передачи был магом. И не каким-то там, а прямым потомком одного из сильнейших магов в истории.

То есть выведенная им формула работала. Но как-то криво.

Для начала он чуть не сдох.

А потом приобретённый магический дар не желал «распаковываться». То есть полученную силу Бенжамин ощущал, но, увы, пользоваться ей не мог. «Своей порцией» дара, который был изначально, пожалуйста. А вот новым, пришедшим в его ауру извне — никак.

Более того, у Тринадцатого Магистра начались сильные боли и припадки.

Шрам от фистулы, — передача происходила по обкатанной, проверенной схеме, как и выкачка, — не желал рубцеваться и заживать. Кровоточил, истекал сукровицей, ныл...

Внутри словно образовалась чёрная воронка неистового, всепоглощающего страха, сжирающая заживо.

Бенжамин справедливо рассудил, что так его организм реагирует на пришедшую извне магию, пытается отторгнуть её. Так что главное не терять контроль над разумом, чтобы магическая энергия не покинула его, с той же «лёгкостью», с которой пришла.

Главное — выжил.

Главное — ему хватает ума на понимание, что нужно закрепить результат.

Остальное детали.

Всё-таки магическая передача возможна!

И всегда, когда разрабатывается что-то новое, первым испытателям приходится несладко.

Теперь дело за малым. Усовершенствовать разработанный им способ.

И тут пора перейти к совершённому им преступлению.

Для того, чтобы понять, что он делает не так, Бенжамин решил посоветоваться не с выжившими из ума Магистрами (Бенжамин искренне считал их таковыми: устаревшими паровозами, закостеневшими на собственных рельсах, не желающими понимать, что помимо проторенной ими дорожки есть миллионы других путей!).

А с самой Богиней. С самим Источником Магии.

Но поскольку Послания Четырёхликой были и остаются за пределами человеческого разума, а её Откровения смертельны для Оракулов, обращаться к последним с вопросами запрещено.

Раньше — мучили их вопросами все, кому не лень. От Магистров и магов до выживших из ума жрецов-мудрецов. Каждый мнил себя тем самым светочем разума, который сможет внять воле Богини...

И Оракулы гибли.

Слишком велика была сила Четырёхликой, слабое человеческое тело не могло служить проводником даже для её Голоса.

Поэтому с 1807 года Оракулы стали кем-то вроде жриц. Все знают, что Богиня может говорить через них, но также всем известно, что любой, даже самый незначительный вопрос может стоять Оракулу жизни.

Поэтому если раньше, когда в девочке просыпался Голос, это было трагедией для близких и смертельным приговором для самой девочки, то сейчас место Оракула, наоборот, единственно возможная гарантия её долгой жизни. И, возможно, даже счастливой жизни, — в том, чтобы зажигать свечи и совершать ритуалы и обряды во славу Четырёхликой, Матери Магии, определённо что-то есть.

Каждый гражданин Триума знает: Оракулам нельзя задавать вопросы.

Семнадцатым Советом Двенадцати за нарушение постановлено — смерть.

Обращаться к Богине можно лишь в крайнем случае и с разрешения Магистров.

А чтобы добиться от них разрешения... Р-р-р... Это снова могло растянуться на годы, да ещё церемонию бы обязательно устроили, говорили б под руку, сыпали б своими идиотскими вопросами...

Так что разрешения у Бенжамина не было...

Это случилось месяц назад.

Оракулом оказалась девочка.

Сфинкс её знает, сколько ей лет было на самом деле. Те, чьё тело выбирает Богиня вместилищем своего Голоса, могут жить тысячелетиями. И учитывая, что им уже двести лет никто не задаёт вопросов, девчонке могло быть, как шестнадцать, так и сто шестнадцать.

Светленькая, с копной пепельных кудряшек и почти чёрными, карими глазами. Худенькая, хрупкая, большеглазая — с такой только эльфийку писать.

Бенжамин чуть было не плюнул и не ушёл. Остался лишь напомнив себе, что готов прекратить эксперимент в любой момент.

Девчонка улыбалась испуганно, суежилась со свечами и курильницами.

В воздушном белом одеянии Оракула она напоминала саму Четырёхликую, изображаемую выходящей из морской пены.

Бенжамин никак не мог решиться. Хмуро скользил взглядом по Идолам, Ликам... делал вид, что пришёл помолиться.

— Вы хотите спросить? — раздался над ухом тонкий, как комариный писк голос.

Сколько же ей лет-то? Совсем ещё пискля...

— Не знаю, — покачал головой Бенжамин и не выдержал, улыбнулся.

— Знаете, — уверенно ответила девчонка, и тоже улыбнулась, отчего на щеках проступили

ямочки. — Вы в самом деле пришли спросить. Спрашивайте. Вам надо.

— Я не хочу причинить тебе вред, — тщательно подбирая слова, чтобы не спросить случайно, ответил Бенжамин. — И я не хотел напугать тебя. Прости.

— Это не страшно, — девчонка улыбнулась шире. — Страшно, когда люди хотят спросить для себя, понимаете? Жалко жертвовать бессмертным телом, которое Богиня выбрала своим вместилищем для вопросов, как разбогатеть, как стать самым сильным магом, как заставить кого-то полюбить, или, наоборот, разлюбить. Вот что страшно. Вот за это страшно отдавать жизнь. Страшно, потому что глупо.

— Но ты уверена, что я пришёл спросить не для себя, — хмыкнул Бенжамин.

— Вы умираете, — просто сказал Оракул и озорно подмигнул. — Потому что не пожалели ни своего тела, ни своей жизни для того, чтобы помочь людям. Всему человечеству.

«Умираю?!» — чуть не взревел Бенжамин, но вовремя осёкся, лишь глухо закашлялся. Впрочем, а чего он ждал? Что чужеродная магия приживётся? Так он не Четырёхликая, мать её, за ногу, чтобы творить чудеса! Он всего лишь посредственный маг и, хотелось бы верить, неплохой учёный...

— Так глупо было бы мне трястись над собственным телом рядом с вами, правда? — спросил Оракул. — Вы хотите услышать Истину, а не правду. И вы её услышите.

— Правду, а не истину, — глухо повторил Сенека.

И вдруг Оракул запел!

— Есть правда скромная, есть правда гордая,

Такая разная всегда она,

Бывает сладкая, бывает горькая,

И только истина всегда одна.*

— погоди! — у Бенжамина чуть сердце из груди не выскочило. — Тебе станет... плохо...

— Не станет, — смешно наморщила нос девчонка. — Вы же не спрашивали.

И продолжила! Сфинксы его раздери, продолжила петь!!

— Есть правда светлая, есть правда тёмная,

Есть на мгновение и на времена,

Бывает добрая, бывает твёрдая,

И только истина всегда одна.*

(* «Песня о правде и об истине» к/ф «Не покидай» прим. авт.)

— Какой забавный мотив, — усмехнулся Сенека, пытаясь унять бешенное сердцебиение. — Ни разу не слышал этой песни...

— Потому что эта песня не из нашего мира, — пожала плечами девчонка.

— Ты хочешь сказать...

Оракул кивнул.

— С Её родины. Одна из Её любимых.

— Ты многое знаешь...

— Многое, — кивнул Оракул. — Во всяком случае, всё, что знает Она. Не всё понимаю, но... Это очень обидно, что не могу поделиться. Оракулы не говорят без вопросов.

— Но со мной говоришь! И даже, драные сфинксы, поёшь!

— Ты — другое дело, — уверенно ответила девчонка. — Ты способен услышать. Ну так что, будем спрашивать или пойдём по домам?

— Не уверен, что ты готова, — хрипло пробормотал Бенжамин, качая головой. Эта затея нравилась

ему всё меньше и меньше. Мало того, что девчонка оказалась такой милой и доброй, она ещё, оказывается, владеет знаниями Богини. Пусть и ни понять их, ни рассказать не может. Но её убийство — а намеренное задавание вопросов — это убийство, чтоб ему сдохнуть на месте! — это святотатство.

— Не-а, я-то готова, это ты не готов! — вредный Оракул дразнил, подначивал, кружил голову...

— Впрочем, знаешь, что? — девчонка улыбнулась на этот раз робко и хитро одновременно. — Прежде, чем ты начнёшь спрашивать, сделай кое-что для меня, а? Считай, что это последнее желание.

— Всё, что хочешь...

— Поцелуй меня.

С Оракулами разговаривают, опустившись на колени. Все. Даже президенты и Магистры. Но в этот момент эти самые колени ослабли и Бенжамин Сенека с размаху сел на пятки.

Оракул же, ничуть не смущаясь, соскользнула с возвышения и уселась к нему на колени, обвила шею тонкими руками.

— Моё тело хранит память Её тела, — тихо проговорила она. — Ей очень нравится... любить. Она Любит... эм, как же стыдно почему-то... саму Любовь... А мне непонятно... Не думай. Просто поцелуй.

И, прежде, чем Бенжамин успел ответить, сама приникла губами к его губам.

Худенькое тело содрогнулось, словно его прошило магическими разрядами, а Бенжамин ощутил ответное желание такой силы, что с трудом сохранил рассудок!

Сграбастал девочку в охапку, прижал к груди, принялся нежно-нежно, чтобы не напугать, целовать мягкие, податливые губы. Она тихонько застонала, раскрывая их, как лепестки цветка, впуская его язык в свой рот, всхлипнула, выгнулась дугой, дрожа... и с таким жаром ответила на поцелуй, что у Бенжамина в прямом смысле слова пол из-под ног ушёл.

Конечно же, он целовал женщин. Но ни разу не испытывал прежде ничего подобного. Поцелуй — нежный, страстный, полный доверия и открытости — повлёк за собой ощущение полёта, света... Должно быть света той самой Истины, о которой она пела...

Казалось, он длился целую вечность. Или всего лишь миг...

Потому что, когда Оракул вдруг отстранился, из груди Бенжамина вырвался стон.

— Спрашивай. — Твёрдо сказала она и Сенека понял, что должен решиться.

Сейчас или никогда.

— Нам нужна магия, Четырёхликая, — тихо озвучил он главное. — Как её получить?

Карие глаза закатились, тело, только что гибкое и податливое, окаменело. Бенжамин сделал над собой сверхчеловеческое усилие, чтобы не отшатнуться. Вместо этого сильнее прижал её к себе.

— Я больше не даю силу, тьфу, по-вашему магию стихиям. То, что сейчас — остатки, — голос Богини оказался глухим, раскатистым. Отразился от высокого свода, витражей, изразцов, нечеловечески красивых Статуй, Ликов...

Бенжамин был потрясён. Он — слышал. Он — понимал! Понимал каждое слово, чтоб его сфинксы сожрали заживо!!! Богиня говорила с ним на его же, мать его, языке!!!

Не следствие ли этого его эксперимента?!

Но размышлять было некогда. Он задал следующий вопрос.

— Значит, мы обречены?

Худенькое тело затряслось, в уголках глаз проступило красное. Кровавые слёзы Оракула...

— Я посылала людям Силу. Но вы не справились. Это слишком для вас. Я долго думала. И теперь послала Знание.

— В чём оно заключается, это Знание?

— Я слишком завишу от стихий, в которых застряла. И поэтому у меня получилось сразу Четыре

Свитка. Вместо одного. Впрочем, так надёжней. Изучив эти Свитки, расшифровав знания, которые я вложила в них, люди научатся не только получать магию в том количестве, какое требуется, но и управлять ей. Не как со стихиями. По-настоящему управлять, контролировать. Силой мысли. Во благо. Вы должны научиться действовать во благо друг другу, чёрт бы вас побрал! Только тогда я смогу собраться воедино.

Девчонка затряслась в его руках, из закатившихся глаз градом текли кровавые слёзы. Красная дорожка пролегла из носа, из уголка рта... Но Бенжамин не чувствовал ни страха, ни отвращения. Жертва этой девочки была по-настоящему святой. И, глядя на неё, умирающую, Бенжамин испытывал, переживал Любовь такой силы, что за гранью понимания.

Вообще за гранью.

Но, как ложка дёгтя в бочке мёда испытывал и злость. На Богиню.

— Собраться?!

— Уф... — девочка надрывно закашлялась и в лицо Бенжамину плеснули горячие брызги. — Ваша, мать её, Четырёхликая сможет прийти во второй раз. Второе Пришествие. Так тебе понимать проще?

— Подожди... ты... разделилась когда пришла в наш мир? Не по своей воле?! Поэтому у тебя четыре лица?

— Ответ в стихиях.

— Как?! Как найти твои Свитки?! Зашифрованные Свитки с твоим Знанием?! Как получить это клятое Знание?!

Девочка снова закашлялась и Бенжамин с содроганием понял, что так Четырёхликая смеётся.

— Каждый носитель... проводник... какая пошлость, медиум, по-вашему, увидит его так, как для него привычнее всего видеть и воспринимать носитель информации. Жрец древнего Египта увидел бы папирус, шумер — табличку из глины... житель двадцать первого века — планшет или голограмму. Вы же... скорее всего увидите книгу. Это неважно. Совсем неважно... Сложнее будет прочитать её. Только после прочтения можно будет передать Живое Знание, по-вашему — живую, нескончаемую магию — людям. Объединить то, что принесла я, с энергией этого мира. Прогресс! Как же долго ждать... Как же долго... Только сильный маг сможет овладеть Знанием. По-вашему — прочитать Свиток. Ты смог бы, ты умный. Но ты умираешь...

— Ну так помоги мне! Дай дожить до этой самой... расшифровки Свитка!

Бледные губы искривились в страдальческом оскале.

— Не в моей власти. Но вот Живое Знание помогло бы тебе. Впрочем, я не уверена.

Худенькое тельце в его руках дёрнулось в последний раз, карие глаза вернулись на место, но взгляд был пустым, застывшим.

— погоди!!! — проревел Бенжамин, трясая одной рукой тело, второй, преодолевая боль от незаживающей раны, сотворил в воздухе иллюзию карты Триума. — Не смей уходить! — рычал он на Богиню. — Один вопрос! Только один, мать твою! Как их найти? Как найти твои чёртовы Свитки?!!

И тело Оракула вздрогнуло, неловко засучило руками и ногами.

— Первый Свиток... — раздался еле слышный шёпот, больше похожий на хрип и палец Оракула заскользил по карте, оставляя кровавую дорожку в воздухе, пока не остановился на дистрикте 113-А.

Но вот худенькая рука бессильно упала, повиснув плетью, а голубые глаза застекленели окончательно.

И что такое этот самый Свиток произнесено не было.

Какое-то время Бенжамин беззвучно ревел, выли от бессилия, прижимая окоченевшее тело к груди. Прежде чем положить мёртвого Оракула на алтарь и подчистить следы своего пребывания в храме, закрыл девочке глаза и прижался к холодному лбу губами.

Свиток... Дистрикт-113-А.

Он хотел сам выехать на поиски, хоть и непонятно, что это и как его искать, но боли и припадки

участились, усилились, к тому же по древнему закону Магистр может покидать Преториум только с разрешения остальных Двенадцати. Задолбёшься объясняться со старыми пердунами, которые, конечно, не замедлят сперва всё запретить, а потом прикарманить Свиток. И — Бенжамин готов был поставить на кон оставшиеся ему дни — ни слова из него не поймут!

По необъяснимой улыбке судьбы (или Четырёхликой?) он был первым за всю историю, кто понимал каждое слово Оракула. Значит, и Свиток — хотя бы первый из четырёх — открывать ему. Опять же, есть надежда не сдохнуть чудом этого клятого Живого Знания...

Он отправил Эдгарда. На разведку. Поездить по дистрикту-113-А и его окрестностям, расспросить местных, не замечали ли чего странного, может, каких знамений?

Эдгард, бывший студент Аусвер был обязан Бенжамину жизнью. Он будет молчать.

Но, с другой стороны, и ума маг был недалёкого.

Деньги, положенные на поездку, спустил на выпивку и румяных дистрикских шлюх, ни о каких знамениях ничего не узнал.

Правда, притащил из дистрикта-113-А магически одарённую девчонку-альбиноса.

Бенжамин отодвинул стопку заламинированных страниц Посланий, устало откинулся на спинку кресла.

Видел он сегодня эту девчонку. Красивая... Ну а толку?

И всё же с того самого момента, как он покинул сегодня Аусвер, что-то изменилось. Бенжамин сам не понимал, что именно, но что-то явно было не так!

Вдруг он рванул борта мундира, затем — рубашку на груди. Пуговицы обиженно заскакали по полу. Последней он сорвал марлевую повязку, пропитанную обезболивающим.

— Чтоб я сдох... — вырвалось у Бенжамина хриплое.

Да ведь с того самого момента, как он покинул Аусвер не было ни болей, ни припадков! И шрам от фистулы на груди почти зарубцевался. По-крайней мере, больше не кровоточил!

Что он делал?!

Что, сфинксы его дери, он делал сегодня такого, чего не случалось с ним прежде?!

Перед глазами вдруг возникло лицо сегодняшней абитуриентки. Авроры... Только почему-то перед его мысленным взором Аврора не была альбиносом. И глаза у неё были не розовые, а карие. Как у девчонки-Оракула... Плевать!

Он... он задел её плечом, в коридоре... Точно! Прикоснулся к ней!

И с тех пор ни одного припадка?!

Чушь.

Этого просто не может быть.

Надо посетить Аусвер. Посмотреть на неё ещё раз, внимательнее.

А что такого? Он — куратор академии. Ему особого разрешения не требуется.

Глава 12. Юджин

— Осталась последняя комната, — пробормотал Юджин вслух, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Нам запретили туда входить, — шёпотом напомнила Аврора и Юджин скривился.

Тоже ещё, лезет! Как будто он не в курсе, что запретили! И что теперь?

Уходить несолоно хлебавши?

А «распалившийся призрак» сам упокоится? В том, что виной беспорядкам в доме Алвейл именно неупокоенный призрак, у Юджина сомнений не осталось, как и в том, что находится он в той самой комнате, куда им запретили ходить. И что делать?

Мистрис Алвейл как раз очень удачно пригласили «к аппарату» и хозяйка увлечённо щебетала по телефону, жестикулируя при этом. Судя по живой мимике холёного лица, бесконечным «Ах! Что ты такое говоришь?!», «Да ладно!», «Ни в жизни не поверю!», «Неужели?», это надолго.

Так что сейчас или никогда.

— Пошли, — решил Юджин, и, не оглядываясь на хозяйку, пошёл к лестнице.

— Мы ещё раз обойдём галерею! — крикнула Аврора хозяйке и мистрис Алвейл, прижав трубку плечом, раздражённо замахала на них руками. Мол, идите уже, идите! Делайте свою работу!

— Врушка, — шепнул Юджин, не в силах сдержать улыбки.

И Аврора улыбнулась в ответ. Улыбка у неё была славная, словно солнце выглянуло из-за туч.

— А иначе в Аусвер не прожить, — лукаво сказала она. — Так ведь?

— Мы сюда не каламбурить пришли, — строго сказал Юджин, вмиг нахмурившись.

Но вышло не очень-то строго. Что-то было в новенькой такое, что подкупало. Рядом с ней хотелось улыбаться, даже смеяться. Громко, в голос. С непонятым Юджину облегчением. Странная она всё-таки...

— погоди, — пресекла его попытки взяться за ручку двери Аврора, положив пальцы на локоть. — Дай я... К тому же, здесь закрыто.

— Где ты этому научилась? — Юджин чуть не присвистнул, когда новенькая щёлкнула замком, не прикасаясь к двери и повернула ручку, не обронив с неё ни пылинки.

Аврора пожала плечами.

— Маг по дороге научил. Хотел посмотреть, что я умею.

— Хорошо научил, — вынужден был признать Юджин, заходя в комнату.

Дай Богиня, разберутся с призраком по-быстрому и не придётся выслушивать визг и вопли хозяйки...

С первого взгляда на запретную комнату изнутри становилось понятно, что сюда давно никто не входил. Судя по ошмёткам пыли, годы... Как и становилось понятно, что здесь жил ребёнок. Девочка.

Розовые обои с золотым тиснением, розовый балдахин с золотыми кистями, даже зайцы и мишки на розовом же покрывале были цвета взбесившихся поросят. В сочетании с клочьями пыли по углам и стоячему, нежилому воздуху — жутко.

Юджин чуть не сплюнул с досады.

Во-первых, комната была пуста. Во-вторых...

Посреди комнаты был небольшой бассейн с журчащим фонтаном и золотыми рыбками.

Магическими рыбками, чтоб их сфинксы съели! Хозяев, а не рыбок! Твари! Скоты! Ведь понятно, вода в фонтане проточная, меняется каждую секунду от центральной системы водоснабжения. Магической системы.

Они там, в Аусвер, погибаются, а эти... Тратят магию на нежилую комнату!

Нежилую!!!

От ярости потемнело перед глазами.

— Нет здесь никого, — глухо проворчал Юджин, вбивая показатели в датчик. Для отчётности в академии. — Пшли отсюда.

Но новенькая — в третий раз за последний час! — ослушалась. И что у неё за дурацкая привычка лапать его?! Ну, то есть хватать за руку?! Он маг, в конце концов, или мишка для обжимашек?!

— Ты чего? — почти прорычал Юджин, дёргая плечом. Но из цепких пальчиков этой врушки-альбиноса оказалось не так-то просто вырваться.

— Т-с-с... — прошептала девчонка, как будто всё это в порядке вещей. — погоди, я чувствую его. Он спрятался. Он... тебя боится.

— Сдурела, что ли? Меня-то ему чего бояться? Да призраки не испытывают страха, что ты мне голову дуришь!

— А вот и не дурю! Та призрачная леди, которая меня сегодня в комнату провожала...

— Леди Морвейн? Тьфу, Молчаливая Леди?

— Ну, не такая и молчаливая, кстати...

— Только не говори, что она говорила с тобой!

— А вот и говорила! — Аврора смотрела на него с вызовом и укором. — И, конечно, она чувствует. Ей не хватает красок...

— Чего?

— Ярких нарядов, как у этой... у нашей хозяйки. Она, наверное, была бы рада её платью, — Аврора мечтательно закатила глаза. — Но самое главное не это, а знаешь, что? Ей одиноко. Поговорить не с кем.

— Говорила бы с нами... ну ладно, с вами-девочками...

— Не-а, — Аврора помотала головой. — Всё не то. Мы, дистрикские, сильно отличаемся от преторианских. Сам видишь. Им с нами разговаривать не о чем...

— Это мне не о чем с ними разговаривать, ясно тебе?!

— Ясно, ясно. Можно и так сказать, — Аврора была совершенно неконфликтна. И непрошибаема. — А всё же призрак здесь, — лукаво добавила она.

— И где же он?

Девчонка бесила. До белых глаз. До сжимающихся кулаков. До зубовного скрежета. До бессилия...

— Т-с-с... У неё водная магия... была...

С этими словами она перегнулась через мраморный бортик и вгляделась в воду.

Юджину вдруг захотелось схватить её за выглянувшие из-под мантии щиколотки и швырнуть в этот бассейн. И самому прыгнуть следом. И плескаться на неё водой, смотреть, как она отфыркивается, и, в свою очередь, окатывает его из ладоней. А потом бы она стянула через голову вымокшую мантию, вся такая раскрасневшаяся, смеющаяся... с голыми плечами... от одной лишь этой фантазии Юджина так и бросило в жар.

Какое там плескаться?! Он что, забыл, что их обоих ждёт?!

Аврору всё-таки окатили водой. С ног до головы.

«Второй раз за день», — пронеслось в голове у Юджина.

Призрак, вынырнувший из бассейна и взмывший под самый потолок, оказался девчонкой, примерно Аврориного возраста. С копной непослушных кудряшек и в очень откровенном, летящем наряде.

Юджин часто заморгал. Наряд на призраке показался знакомым. С чего бы? У него сроду не было знакомых призраков!

А потом сообразил. Одевание Оракула из Храма Четырёхликой. Юджин был в Храме пару раз. На

Оракулов боялся лишний раз взгляд поднять. Чтобы не спросить чего ненароком, не ляпнуть какую-то глупость. Да и смущали они своими голыми ляжками и плечами! Всё-таки он молодой, здоровый парень...

— Не бойся, — тем временем эта дурочка беловолосая во весь рот улыбалась призраку. Руки тянула... — Мы тебя не обидим.

С этим Юджин мог бы поспорить. В задании-то чёрным по белому: упокоить. Но ради разнообразия решил не лезть.

Призрак, похоже, решал, верить Авроре или нет.

— Ты откуда? — девчонка ковала железо, пока горячо.

— Не помню, — ответил призрак немного писклявым голосом. — Он меня поцеловал, а потом... всё так непонятно... и страшно, страшно! — и заметался вихрем по комнате, срывая занавески, балдахин, разметав какие-то рисунки...

— Не шевелись! — цыкнула на него девчонка, хотя он и не собирался шевелиться. — Ты её спугнёшь! И вдруг запела... Блаженная...

Юджин вздрогнул. Эту колыбельную когда-то пела ему мама.

Спи, малютка, мой прекрасный...

Призрак застыл в воздухе, прислушался.

— Мне мама в детстве пела, чтобы я не боялась, — сообщила новенькая.

— Чего не боялась? — против воли уточнил Юджин.

— Уснуть, — бесхитростно сообщила Аврора. — Мне почему-то казалось, что если я усну, то всё. Меня не будет. И вообще ничего не будет, понимаешь? — она отвечала Юджину, но смотрела на призрачную девчонку под потолком.

— Понимаю, — призрак медленно опустился и завис перед лицом Авроры, вглядываясь в него так пристально, что Юджин подумал, что если б не него так уставился призрак, он бы...

Что именно, додумать не успел.

— Я тоже думала, что после смерти ничего нет, — пропищал призрак. — Но он поцеловал меня и стало совсем нестрашно... Но потом, уже после всего, я запаниковала. Потому что теперь всё не так, как раньше. Глупо, правда?

— Кто — поцеловал?

— А ты его знаешь, — призрак лукаво склонил голову. — При встрече передай ему поцелуй!

Аврора — да и сам Юджин, чего уж там — выглядела опешившей.

— А почему сама не поцелуешь? — осторожно уточнила Аврора.

— А я не могу! — и призрак, тряхнув кудряшками, перекувыркнулся через голову. — И, если уж совсем честно, мне это больше неинтересно. Всё, что хотела, я узнала!

— Как тебя зовут?

— Игрит.

— Очень приятно. А я Аврора. А это — Юджин. Он всё время дуется, но он добрый.

Игрит посмотрела на него с опаской. И правильно. Одно его слово — и она развеется. Упокоится...

— А здесь почему буянишь? — с улыбкой спросила Аврора. — Хозяев пугаешь?

— Я здесь хозяйка! Была... Пока Храм меня не забрал.

— Вот оно что! Наверное, страшно было?

— Ни капельки. Я сама хотела. Когда в тебя вселяется Богиня, это... Это... Не передать, в общем! Но с людьми — с обычными людьми становится скучно. И громко! Слишком много знаний. Слишком много...

— Всё с тобой понятно, — кивнула Аврора. — Скучно тебе здесь?

Призрак осторожно кивнул.

— А хозяйева... то есть родители тебя не видят, да? Они ведь не маги.

Девчонка помотала головой.

— Они могут меня видеть, — тихо сказала она. — Но не хотят.

Аврора покосилась на Юджина и тот вынужден был кивнуть. Всё правильно. Родственные связи иной раз посильней магии. Но не в этот раз. Отдав дочь Храму в качестве Оракула, они уже однажды с ней попрощались. И больше не хотят делать этого снова...

— Всё ясно.

— Вы меня развеять пришли?

Юджин чуть было не ляпнул «да», но Аврора вовремя отдала ему ногу. Поэтому осталось лишь позорно простонать «ах ты ж!».

— Тебя никто не тронет, — твёрдо сказала Аврора.

— Но... — начал было Юджин.

— Её никто не тронет! — похоже, новенькая сама не поняла, как перешла на крик.

Розовые глаза альбиноса вдруг засияли турмалинами. Зачерпнув в ладони воду, девчонка окатила призрака с головы до ног. Юджину, кстати, тоже досталось.

Но поразило не это. Новенькая каким-то образом умудрилась замкнуть водной магией прореху в призрачной оболочке — единственное уязвимое место призрака. Теперь и думать нельзя, чтобы его развеять...

— Силой Воды! — объявила она не своим голосом.

— Ты что наделала? Ты... как это сделала?

— Не знаю, — девчонка выглядела испуганной, смотрела то на него, то на призрака, беспомощно развела руки в стороны. — Оно само. И с Бусиком так было...

— С каким ещё Бусиком? Ты хоть соображаешь, что только что подарила призраку бессмертие?!

— С серым, в полоску...

— Серым, в полоску! — передразнил Юджин. — Как в академии отчитываться будем?

Аврора тряхнула головой.

— Отчитаемся... Игрит, пойдёшь с нами в Аусвер?

— А что я там буду делать?

— Работать, — уверенно ответила Аврора. — Мне кажется, вы подружитесь с леди Морвейн. Юджин, как ты думаешь?

И что ему оставалось? Только руками развести. Чего теперь-то? Но с другой стороны, им приказано «прекратить беспорядки» в доме Алвейл? Они прекратили. А остальное — детали. Ну, немного поломать голову, заполняя отчётность...

Подумаешь, одним призраком в академии больше — одним меньше.

— Кстати, у нас и со статуями поболтать можно. И картины там живые... — Аврору, что называется, «несло».

— Живые картины? Всегда хотела посмотреть... Говорят, призраки по мирам, нарисованным в картинах, гулять могут... Даже путешествовать! То-то, должно быть, интересно!

— Ну, вот видишь! Как хорошо всё складывается...

Несмотря на то, что новенькая, под эдакой безобидной, почти ангельской личиной блаженной тихони скрывала недюжинное упрямство, стальную волю (Юджин умел видеть это в людях) и действительно сильный магический дар, — подарить бессмертие призраку — это вам не шутки,

такое не каждому Магистру под силу! — Юджин не мог на неё больше злиться. Вот хотел, ещё как хотел — и не мог. Никак.

Даже досадовал на собственную слабость. И, чего уж там, вредность напололам с упрямством.

Он собирался рассказать Авроре правду об Аусвер, раз уж её угораздило угодить к ним, ещё по дороге на практику. Сдержался. Ждал, когда сама попросит. Мысль о том, что новенькая посмотрит на него заискивающе, с интересом, с живым, неподдельным интересом, приятно грела. Но потом встреча со странной парочкой, вся эта эпопея с призраком... Не до того было.

А на обратной дороге и вовсе не до того.

Его вниманием, как и вниманием Авроры безраздельно владела Игрит, которая летела рядом, с интересом вертела кудрявой головой по сторонам и напевала тонким голосом:

— Порой восстанет брат на брата,

Безжалостно, неистово,

И все, что первый крикнет, — правда,

И что второй ответит, — правда,

Правда, да не истина...*

(* «Песня о правде и об истине» к/ф «Не покидай» прим. авт.)

...Засыпая в эту ночь, Юджин долго ворочался с боку на бок.

Перед глазами то возникала Аврора — светлая и лучистая, в брызгах воды и с обнажёнными плечами, и от таких фантазий бросало в жар, то разноцветная, расфуфыренная парочка, которая назвала себя Сокрушителями Оков. Жёсткие, сильные, бесстрастные. При мысли о них брови сами собой сталкивались у переносицы, а губы сжимались, как горизонт в степи.

Надо спросить у Касьяна завтра, помнит ли он некую Юлу?

И знает ли о выпускнике, которому удалось удрать из Аусвер?

Глава 13. Аврора

В комнате эдак на пятьдесят кроватей только четыре оказались заняты, причём одна — мной. Когда я практически без сил, на подкашивающихся ногах ввалилась в комнату, соседки уже сидели на кроватях в пижамах.

После знакомства (я почла за лучшее сделать вид, что не замечаю, как девочки многозначительно переглядываются за моей спиной) я удивилась вслух, что столько кроватей пустует.

— Хм, — буркнула Ветла, рыженькая, кудрявая девушка с пронзительно-синими глазами. — Жатва в самом разгаре, скоро ещё новеньких выловят.

— Что же мы, рыба, что ли, чтобы нас вылавливать? — захлопала я ресницами. По моим скромным представлениям, у ворот Аусвер должна перетаптываться очередь человек так в полтора ста...

— Рыба-не рыба, а скучать тебе не придётся, — хмыкнула другая девушка, Ари. — Ложись уже. В твоих интересах хорошо отдохнуть к завтрашнему.

Девушка демонстративно отвернулась и натянула одеяло на голову.

Я пожала плечами. Вытягивать из соседок каждое слово клещами я не буду. Сама узнаю всё, что нужно. К тому же завтра у меня первый учебный день, и вправду, хорошо бы выспаться.

— Это на тебя сегодня Жанчик взъелась? — прошептали с соседней кровати, и я обернулась к рыженькой.

— Жанчик? — спросила я шёпотом, натягивая простыню до подбородка и натягивая пижамные штанишки.

— Жанна, Жас, Жасмин, — пояснила Ветла и тихонько хихикнула — По-преториански типа. Ну, на стиле... Ещё недавно представлялась Жанеттой, а в прошлом месяце увидела выступление Ясмин, это самая крутая певица в Триуме, ну и в Жас переделалась. Под Ясмин косит. Она вообще нормальная...

— Нормальная, ага, — пробормотала я немного уязвлённо. — А Обледенением в меня хотела шарахнуть, потому что нервы сдали...

— Это потом что с тобой Сенека любезничал, — снова хихикнула Ветла и другие девчонки недовольно зацывали. — Она давно по нему сохнет, — еле слышно пояснила рыженькая. — И не только она. Он вон какой... Красивый.

— А как же этот... ну, такой... с третьего курса. Жасмин с ним это... шепталась, — изумилась я.

Рыженькая подмигнула.

— Это Аусвер, детка, — шепнула она. — Здесь всё наоборот. Ничего, привыкнешь. Спи!

Я благодарно (хоть и не поняла ни слова) улыбнулась и кивнула. Спать и в самом деле хотелось.

Сон оказался глубоким, но очень уж беспокойным.

Сперва чёрное, как сама тьма, пространство гудело и двигалось. Я барахталась в нём, как в гигантской чернильнице. Потом в этой тьме, как звёзды на ночном небосводе стали проступать непонятные символы, значки, цифры... Они текли, переливались, складывались в узоры, как гигантский калейдоскоп. Голова кружилась всё сильнее и сильнее. Сквозь сон я ощущала, как чья-то заботливая рука укутывает меня одеялом, подкладывает подушку под голову, слышала голоса...

— Бедненькая... мечется... Наверное, Юджин ей рассказал. Нелегко узнать такое.

— Почему Юджин? И ты так говоришь, как будто нам легко! Мы все в одной лодке вообще-то!

— Так они сегодня вместе на практику ходили. Вернулись с очень симпатичным призраком. Добрее надо быть, Ари...

— Вот ты добрая — и сиди с ней, мух отгоняй! А если она в меня ещё раз подушкой швырнёт...

Голоса отдалились, а разноцветное пространство съежилось, собралось в одной точке и превратилось в книгу. Толстую, в добротном кожаном переплёте с золотым тиснением.

Она висела в пространстве, и кроме этой книги, исходящей мерцающим сиянием ничего не было.

Я бросилась к ней со всех ног, показалось, что в ней скрыто что-то очень важное! Но, как это

бывает во сне, не сдвинулась с места. Я старалась бежать всё быстрее и быстрее, но лишь отдалялась от заветной цели.

А когда силы совсем меня оставили, заиграла забавная мелодия — так в Аусвер, оказывается, будят студентов к новому учебному дню.

— Ты идёшь? — крикнула Ветла, оглядываясь. — Мистрис Пейдж нам за опоздание мозг ложкой съест, так и знай!

— Бегу! — крикнула я. — Буквально одну секундочку.

Вредная статуя демонстративно сложила руки на груди и отвернулась, делая вид, что не замечает меня.

— Вот, — извлекла я из мантии свёрток, перевязанный розовой лентой и потянула за атласный конец.

— Что это ещё такое? — не смогла сдержать любопытства статуя.

— Зеркало, — протянула я ей зеркальце на длинной ручке.

Спасибо авансу в счёт стипендии! Почти весь вывалила!

— М-мне? — заикнулась мраморная дева.

— Ага, — кивнула я. — Ты очень красивая. Я подумала, тебе скучно, и вот...

Статуя выхватила зеркало из моих рук и всмотрелась в него с такой жадностью, что тот кот на сметану.

— Нос крупноват, — бормотала она. — И губы слишком тонкие, сейчас в моде другие... М-да... Конечно, не сказать, что я каноническая красавица, но ведь что-то во мне всё же есть, правда ведь?

— Правда, — совершенно искренне подтвердила я.

Мраморная дева вздрогнула, словно успела позабыть о моём присутствии. С видимым усилием оторвавшись от зеркала, она тихо сказала:

— Мне ещё никто ничего не дарил... Вообще. Никогда. Спасибо, так ведь у вас, у людей говорят?

— Рада, что угодила, — кивнула я. Вот если и были сомнения по поводу шести пьесов (с ума сойти, в дистрикте на эту сумму можно месяц безбедно жить!), то сейчас их как ни бывало. — Мир?

— Мир, — усмехнулась статуя. Улыбка у неё оказалась обалденной!

— Заняться тебе нечем, — нарочито проворчала Ветла, косясь на довольную статую. — Пошли уже.

— Отличного вам настроения, девочки, — прозвучало нам вслед.

Первый учебный день... Что я могу о нём сказать? Сложнее всего было, наверное, «держать варежку захлопнутой». И, пожалуй, только это мне и удалось. Остальное... Да на меня, кажется тонну информации вывалили! Как только не размазало по парте... И отдохнуть некогда — нужно кивать с умным видом, записывать, повторять вслух разные зубодробительные заклинания (спасибо не пожелавшему назваться магу, часть из тех, что сегодня узнала по дороге освоила), складывать пальцы в сложные пассы, а потом дуть на них, бегать от аудитории к аудитории, на обед, опять же, бежать, а потом опять на учёбу...

Когда маленький и лысый препод в очках с толстыми магическими линзами объявил конец занятий, я расцеловать его была готова, а все остальные, наоборот, заметно поникли.

Оказывается, после каждого учебного дня нужно отметить насчёт «пройденной и усвоенной» программы в той самой сегрегационной пагоде во внутреннем дворе. Где я Распределение проходила.

Ну, где-то там «отметиться» — это ж не учиться, подумаешь, в очереди подождать...

Во внутреннем дворе Аусвер снова стояла непогода, а радуга над той самой сегрегационной пагодой сияла так, что смотреть больно.

Хорошо ещё, что ожидать своей очереди можно было не снаружи, под дождём, а внутри, в уютном светлом коридоре на кожаных кушетках. Ещё и какао с печеньками разносили... лепота. И

«отмечали» нас сразу в нескольких кабинетах.

«Отстрелявшиеся» на покачивающихся ногах расходились кто куда.

Так получилось, что я оказалась последней в очереди.

Кабинет, где следовало поставить галочку в таблице, оказался белоснежным.

Знакомый докторус в маске указал на кушетку, натягивая одноразовые перчатки.

— Я, наверное, кабинетом ошиблась, — вырвалось у меня.

— Первый раз что ли?

— Ага.

— Не бойся, это не больно.

Больно и в самом деле не было.

Но было странно! Очень!

И немного неловко, пока руки в одноразовых перчатках расстёгивали мантию на груди, чуть приспустили сорочку... Я захлопала глазами, уставившись на небольшой розовый кристалл, который чудесным образом «врос» в кожу.

— Это... что?

— Магическая фистула, — объяснили мне. — Ставится один раз и на всю... всё обучение. Раздеваться больше не придётся. Смотри, я проведу магическим сканером здесь и получу на экран зафиксированные данные об усвоенной тобой сегодня программе, вместе с уровнем раскрытия твоего дара...

Я пожала плечами.

— Ну, если это необходимо...

— Совершенно необходимо, — серьёзно ответили мне.

Я зажмурилась, когда этот самый сканер запищал... а потом неожиданно проснулась. Села на кушетке, мотая головой. Я что, заснула?! В голове шумело, мышцы были ватными, тело — слабым, как после болезни.

Кабинет был пуст, экран выключен. На идеально пустом столе лежал мой табель.

Я тут же сунула в него нос — напротив сегодняшней даты мерцала зелёная звёздочка.

Это ж надо! И вправду, похоже, уснула. А докторус не стал будить, поставил в таблице отметку и ушёл.

Непривычно кружилась голова, мутило, пошатывало. Из пагоды выбиралась по стенке, что называется, наощупь.

Оказавшись на улице, с наслаждением вдохнула свежий после дождя воздух, с каменной горгульи капнуло прямо на нос. Я помотала головой, жалея, что дождь закончился. Сейчас бы не помешало освежиться. Хоть в лужу прыгай, ей-богу!

Стоило так подумать, как — чтоб меня сфинксы съели! — из-за колонны вышел Юджин, а меня накрыло неприятным, тревожным ощущением, что такое уже было. Ну уж нет!

Нам, конечно, говорили сегодня, что мысль — материальна, но не до такой же степени!

Я не согласна! И в лужу больше не хочу...

Тем временем, рыжий красавчик приблизился.

Глава 14. Аврора

— Ты как? — Юджин приблизился, вглядываясь в моё лицо. Подошёл так близко, что я ощутила жар его тела, дыхание на своей щеке. С запозданием поняла, что он держит меня за плечи.

— Странно, — честно призналась я.

В ответ Юджин выругался, грязно и очень жёстко. Я такое только от грузчиков в порту слышала.

— Давай провожу в комнату, — не взирая на моё слабое сопротивление, Юджин обнял меня за талию.

— Да не рыпайся ты, — процедил он сквозь зубы. — Меня назначили твоим куратором. Пока не освоишься. Так, что, если есть вопросы...

— Не хочу в комнату, — непривычно слабым голосом проговорила я и уже приготовилась огрести «за капризы», как было бы дома. Но мой рыжий куратор не рассердился.

— А куда хочешь?

— Посидеть... где-то на свежем воздухе. Только не здесь. Здесь слишком уж мокро.

— Пошли, — он повлёк меня по вымощенной разноцветным кирпичом дорожке, продолжая тихо ругаться под нос. Но не на меня — и то сахар.

Пройдя здание академии насквозь, мы оказались в пышном, цветущем саду. А над головой снова было яснее ясного! Но учитывая непривычную слабость и головокружение, мне было не до чудачеств погоды.

Кажется, по дороге нам встретилось несколько студентов. Вроде мы даже здоровались. Но шаг не сбавили, пока не добрались до увитой розами скамейки, на которую Юджин меня усадил. Иначе бы я плюхнулась кулём с мукой.

Отдышавшись, я решила воспользоваться любезным предложением, к тому же вопросы у меня накопились. Глядя в серые глаза новоиспечённого куратора, я спросила прямо:

— Ты когда меня дурой назвал, ты это имел ввиду? У меня голова кружится. Слабость такая неприятная... словно десять лодок пришвартовала. И магии... её стало меньше. Совсем не так, как было на занятиях.

Юджин вздохнул.

— А фистула как? Не болит?

Я повела плечами и покачала головой.

— Докторус сказал, что не будет больно.

Юджин пожал плечами.

— Поначалу не больно. Да и потом. Слабость больше...

— Юджин! Что происходит? Чего я не знаю? Почему все глаза отводят, даже преподаватели? Что не так с этим местом? Почему ты всё время ругаешься?

Мой куратор оборвал поток вопросов, приложив палец к моим губам. Склонился надо мной так низко, что я на миг забыла, как дышать.

— Академию Аусвел не покидают с магическим даром, — каким-то отстранённым голосом проговорил он. — Если вообще покидают.

— Как это?

— Выгорание убивает. Не всех, далеко не всех, врать не буду. И... медленно, очень медленно. Но всё же убивает.

— Выгорание происходит из-за отметок в табеле? Ну, в смысле от этой процедуры усвоения информации? От этого их замера магического дара?

— Сама догадалась... Нет никакого замера, Аврора, — сказал он серьёзно. — Из нас выкачивают магию.

Он выразительно сплюнул.

— Мы называем это «забором». Ну, как с кровью.

— Мы все здесь, — прошептала я помертвевшими губами, — магические доноры?

— Лучше и не скажешь. Шоколадку будешь?

Вроде бы после таких новостей у меня должно было начисто отбить аппетит. Но я, сама удивляясь собственной хладнокровности, кивнула. Вонзила зубы в ароматную плитку... вкусно!

— А сбежать? — задала я следующий, резонный вопрос, когда с шоколадкой было покончено.

— С фистулой и меткой Аусвер? — вскинул светлые брови Юджин. — Ты, должно быть, шутишь. Даже если удастся выбраться отсюда — Магистры найдут в два счёта.

— А выпускники? — продолжала насесть я. — Ты вчера разозлился из-за выпускника?

Куратор отвёл взгляд.

— Не в себе был. Не злился. Мастерски наведенные иллюзии. Вчерашний выпускник, которого ты толкнула и пожелала удачи, мой друг. Докторы не дают ему больше двух месяцев...

— Не может быть...

— Может.

Я чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. Даже странно, что не впала в истерику или вовсе не грохнулась в обморок. Сохранить ясность рассудка помогла одна-единственная мысль: надо что-то делать. Надо выбраться отсюда! Не дело это — из живых людей магию выкачивать!

Но что же делать? В дистрикте я бы не сомневалась. Пошла б к жрецам, к эпарху. На миг вспомнился камень на шее и с губ сорвалось ругательство, почище чем у Юджина. Щёки запылали. А мой куратор посмотрел на меня с уважением.

— А ты молодец. Я, честно сказать, приготовился сопли вытирать и прижимать к своей мужественной груди бьющуюся в припадке девушку.

— Это пустые разговоры, — отмахнулась я, от чего сама себя зауважала. — Нельзя сидеть, сложа руки и ждать. Надо что-то делать!

Юджин вскинул брови и сложил руки на груди.

— Достойное решение, — кивнул он. — Может, заодно подскажешь, что именно делать? Только тебя и ждали.

Я проглотила сарказм, не поморщившись.

— Что делать, что делать... А что делают в таких случаях? Это же преступление! Надо... надо обратиться к жрецам, миротворцам, не знаю. Дойти до президента, наконец, перестань ты лыбиться уже!

Улыбаться Юджин не перестал. Только вот улыбка его была невесёлой.

— По закону извлечение магии кроме добровольного донорства запрещено. Кстати, извлекаемая «норма» тоже строго обозначена. В месяц. Но не в Аусвел. Здесь «доют» каждый день, кроме выходных.

— Но надо же что-то делать! Рассказать людям! Открыть им глаза на правду! Президент...

— Аусвер финансирует Тод, — отрезал Юджин.

— Тод? Где-то я уже слышала это имя.

Юджин хмыкнул.

— Луций Тод, наш президент, которому ты собралась «открывать глаза». Это президентская академия, понимаешь? Конечно, наверху знают, что у нас здесь происходит.

— Но это же... Это бесчеловечно!

Юджин улыбнулся зло.

— А он так и говорит с трибуны: не бывает, мол, так, чтобы всем было хорошо. Кому-то обязательно будет плохо. Мы не на той стороне, Аврора. Не на той. Нам... нам просто не повезло.

— Ты сам в это не веришь! — захотелось треснуть его прямо по рыжей макушке, хоть он, понятно, и не виноват.

В какой-то момент показалось, что он смотрит сквозь меня, словно что-то вспоминает. Или кого-то...

— Ты права, — ответил он. — Не верю.

— А куда идёт магия? — тихо спросила я. — Ну, которую они...

— На амулеты, — устало бросил он. — В накопительные кристаллы, которые двигают турбины, ветряки... Магические приборы. Преториум стоит на трёх китах: магии, прогрессе и лицемерии. Даже противоблошные ошейники на их кошаках снабжены магическими, усиливающими свойствами. Роскошь, комфорт, утончённость о которой так любят рассуждать преторианцы с трибун на площадях — всё это разменные монеты наших жизней.

— Эй, новенькая! Как там тебя? Роша?

Вот только её здесь не хватало! Жасмин, она же Жанна, собственной персоной. Но никаких ей «Рош». Здесь вам не тут. Не дистрикт-113-А, я имею в виду.

— Аврора, — поправила я подошедшую девушку. Та смотрела без злости, скорее с интересом, вроде как ожидая, что скажет Юджин. Поскольку Юджин молчал, я вздохнула и добавила: — Можно Ро.

— Тогда я Жас, — она скупой улыбнулась в ответ. — Тебя в деканат вызывают.

— В деканат? Зачем?

— А я знаю? — развела «соколица» руками. — Сенеке ты зачем-то понадобилась.

Последняя фраза адресовалась, несомненно, мне. Только вот смотрела Жасмин на Юджина с видом победителя.

Тот, едва услышав имя Сенеки, напрягся.

— Кто это? — спросила я у него, чувствуя, как внутри всё леденеет.

Юджин перевёл взгляд с меня на Жасмин и процедил сквозь зубы:

— Тринадцатый Магистр.

Глава 15. Бенжамин

Когда в деканате сказали, что интересующая его студентка находится в парке, Бенжамин не стал настаивать на том, чтобы её привели в кабинет. Решил сам спуститься.

Так даже лучше.

Посмотреть на это чудо в более приватной обстановке...

То, что Тринадцатый Магистр увидел, высматривая студентку сквозь живую изгородь, ему понравилось.

На контрасте с сочной зелёной листвой она казалась совсем беленькой, словно нарисованной.

В академической мантии, не скрывающей гибкости фигурки и аппетитности форм, с толстой белоснежной косой, перекинутой через плечо, с серьёзным взглядом розовых, словно сияющих изнутри глаз... вся такая воздушная. Было в ней что-то «не от мира сего». Непонятное, необъяснимое. Нет, конечно, не Богиня — слишком уж та неприступна и, чего греха таить, пугающа...

Скорее, ожившая статуя с едва заметным румянцем на идеальных мраморных щеках, или же ангел, только ступивший на грешную землю.

Только вот чувства вызывает совсем «не ангельские», отнюдь...

Чувства?!

Триум — да и всё живое — под угрозой, ему самому осталось... сфинксы его знает, сколько ему осталось... Стоп! С чего он вообще вспомнил о самочувствии? Не потому ли, что ноющая весь день фистула именно сейчас, когда он увидел девчонку, будто исчезла, а раздирающая душу тьма отступила, затихла, как море в штить?

Смутившись собственных мыслей, Бенжамин окликнул студентку:

— Аврора Зайко?

Она резко обернулась — коса взвилась над плечом и описала в воздухе дугу красной лентой.

Но если вчера в прозрачных розовых глазах проглядывался интерес, недоумение... может быть даже, симпатия, то сегодня, стоило ей заметить его, взгляд стал колючим, губы же сжались в одну линию.

— Тринадцатый Магистр? — кивнула она.

Так могла поприветствовать подданных королева, первая леди, наконец, но никак не сопливая студентка, встретившая куратора своей академии!

— Тебе рассказали, кто я, — не стал отпираться Бенжамин и сразу перешёл к наступлению. — Прогуляемся?

Девчонка равнодушно пожала плечами. Выражение лица у неё стало отстранённым, с едва уловимой ноткой злорадства.

«А разве я могу отказаться?» — говорил её взгляд.

«Не можешь», — отвечал, в свою очередь, его.

Какое-то время они молча шли по дорожке.

— Как ты разместилась? Как первый учебный день?

— Спасибо, познавательно, — кивнула девушка и так сверкнула своими турмалиновыми глазами, что сердце пропустило удар.

— Может, хочешь спросить о чём-то? — спросил Бенжамин, чувствуя себя глупо.

— Что вы делали в кустах? — он не ожидал, что она ответит так быстро, как будто только и ждала этого вопроса. — Шпионили?

Бенжамин поморщился. Нахваталась уже.

— Шпионят тайно, — сдерживая порыв поставить студентку на место и стараясь, чтобы голос его

звучал ровно, проговорил Бенжамин. — А я — курирую.

Она вскинула на него взгляд и тут же отвернулась. Словно взмах кисти, который вскользь прошёлся по полотну.

— Значит, надзиратель, — холодно проговорила она. — У нас таких жандармами зовут. Но у вас, в Преториуме, всё так утончённо!

— Послушай-ка, — начал было он угрожающе и Аврора резко остановилась.

— А то что? Ну что? Убьёте меня? Прямо сейчас? Давайте!

— Очень неприятно убивать того, кто сам нарывается, — серьёзно ответил Бенжамин.

Аврора склонила голову набок и дёрнула уголком рта, показывая, что оценила шутку.

— Ну так выкачайте сперва магию, — процедила она. — И сразу станет приятнее.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь!

— Ну так просветите меня! Ну же? Куда пойдёт изъятая сегодня магия? Может, на спасение всего человечества? Или на золотых рыбок в чьём-то бассейне?

— Вы забываетесь, студентка Аврора Зайко!

— Это вы забыли, что значит быть и оставаться человеком, Бенжамин Сенека! — выкрикнула она и плюнула ядовито: — Кур-р-ратор академии Аусвер. Тринадцатый Магистр. А по сути — надзиратель. Жандарм. Вы даже хуже миротворцев!

Она говорила, сыпала обвинениями... Каждое слово падало камнем. А Бенжамин смотрел на неё — маленькую, худенькую, такую бесстрашную... и перед глазами вдруг встала вчерашняя картинка с Распределения. Как она стояла обнажённая, напротив. Вслушивалась в его изменённый микрофоном голос. Готовая сделать всё, что он скажет. Ожидающая только его приказов.

Он даже зажмурился на миг — таким ярким оказалось видение.

Что-то вдруг поднялось с самой глубины души. Отозвалось жаром в паху, набатом в висках. Что-то было в ней такое, что глазам становилось больно смотреть. Словно нестерпимый, режущий луч прожектора, направленный в лицо.

Бенжамин сам не понял, как это произошло.

Какая-то неведомая сила заставила схватить девчонку за руку, дёрнуть к себе.

А когда она оказалась прижатой к его груди и замолчала, застыла испуганным зайчонком, он вдруг склонился к самому её лицу и накрыл губы своими.

От неё пахло юностью и какао, губы оказались сладкими, как шоколадный пудинг. Он провёл пальцами по гладкой тёплой щеке, зарылся в мягкие, как пух, волосы.

Она сдавленно пискнула, упираясь в его грудь ладонями, лишь усиливая волну жара, отзывающегося внизу, заставляющего кровь закипать в жилах, отдаваться пулемётной очередью в висках!

Он только прижал её сильнее, так, что она выдохнула изумлённо.

Он целовал беспрекословно властно, с какой-то болезненной жадностью, чувствуя небывалый прежде прилив сил. Магических, физических — он был не в состоянии различить. Её мягкие, нежные губы подрагивали, но она больше не упиралась ладонями, не пыталась высвободиться. Несколько томительно-сладких секунд — и вот она ответила на поцелуй, отчего ощущения смешались, слились в единый безумный водоворот!

Поцелуй становился всё более острым, пряным, волнующим.

Каждое движение его губ, усиленное резонансом её нежного отклика, дарило такой мучительно-острый всплеск удовольствия, что Бенжамин чувствовал — ещё немного и он не выдержит. Сорвётся, как мальчишка, разожмёт пальцы и утратит остатки контроля и здравого смысла.

В последний момент он отпрянул, тяжело дыша.

Её лицо было совсем рядом, дыхание сбилось, распухшие губы дразнили, умоляя припасть к ним снова, а глаза горели лиловыми звёздами.

— Странная реакция, — вырвалось у него, когда прямо физически ощутил, как рубцуются рана на груди.

Небывалый всплеск магической энергии оглушал, затмевая чувство стыда и собственной беспомощности.

Он что, набросился на студентку прямо в Аусвер?!

Вот так, посреди парка?!

Да что это с ним?!

Его, пожалуй, хоть как-то извиняло то обстоятельство, что девочка не вырывалась, не противилась.

Наоборот, замерла, глядя на него во все глаза. Не торопясь отстраниться, она тяжело дышала.

Затем облизала губы и вдруг покраснела, отвела взгляд.

Чтобы тут же рвануться из его объятий с таким горьким стоном, что он опешил, отпуская её.

Всё ещё не приходя в себя от странных, ни на что не похожих ощущений, Бенжамин невольно проследил её взгляд и нахмурился.

Напротив них со сложенными на груди руками стоял вчерашний студент.

Тот самый. Рыжий, с ехидным прищуром и вызовом в глазах.

Глава 16. Юджин

Сперва он не поверил своим глазам.

Он мог заснуть, отключиться прямо в беседке. Мог приглючить после «забора» — и такое бывало! Но только не это. Только не то, что открылось его взгляду!

Ведь Жас говорила...

А он нарычал на неё, прогнал, обозвал душой... Поплёлся вслед за новенькой. Думал, её придётся откачивать после разговора с Сенекой.

Ещё бы! Девчонка только узнала, что такое Аусвер. Узнала, что все они — смертники. Пешки, которыми решено пожертвовать, чтобы толстосумы Преториума могли жить роскошно! Что смерть её будет долгой, очень долгой. И очень мучительной.

И сегодня начался обратный отсчёт.

Она ведь и бровью не повела!

Юджину приходилось видеть, как Касьян «просвещает» новеньких, приходилось «просвещать» самому. И он предпочёл бы сдавать двойную норму, а потом валяться в отключке и собственной рвоте, нежели видеть искажённые ужасом лица сокурсников. Дрожащие губы, закатившиеся глаза...

Смотреть, как они ползают перед Магистрами на коленях, умоляют! Как девчонки из мантий выпрыгивают, надеясь получить хотя бы лишний день жизни. Не говоря уже о призраке свободы...

Аврора же восприняла всё так спокойно. Ни слёз, ни истерик.

Теперь понятно, почему!

Смотреть на то, как Сенека целует новенькую, как та доверчиво прижимается к груди Магистра, скользит ладонками по плотной ткани камзола... это было просто за гранью.

На какое-то время его просто «вырубило». Исчезли мысли, эмоции, остановилось время. Осталась только картинка...

А потом его заметили.

Ожидаемо, стоило их с Авророй взглядам встретиться, она отпрянула от Сенеки.

Какое-то время стояла, открывая и закрывая рот, а потом развернулась и бросилась прочь.

И откуда только силы взялись? Или «забор» — тоже фарс? Неужели Жас права и новенькая и вправду шпионка?

А потом что-то лопнуло внутри. Перегорело, сорвало клапан. Случилось замыкание.

Позорно всхлипнув, он бросился на Сенеку!

На ходу концентрируясь на извлечении Железного Пламени из центров ладоней!

Плевать на всё! На свою жизнь, на магию, на призрак свободы, на этих Сокрушителей Оков, на остальных студентов! Плевать!

Он сдохнет! Прямо сейчас — сдохнет! Но если повезёт, утянет на тот свет Магистра!

Ну хотя бы рожу ему подправит так, что никакой магией не восстановишь!

Чтобы она даже не посмотрела больше в сторону этого гада, кроме как с отвращением! Чтобы увидела, наконец, его истинное лицо!!

Сфинксы драные! Он ведь поверил ей!

Поверил, что они могут справиться! Выстоять!

Таким решительным, таким одухотворённым было её лицо!!

Он на миг вспомнил, что значит быть счастливым!!!

— А-а-а-а!! — со страшным, нечеловеческим рёвом, он взмыл над землёй, шмальнул из обеих

ладоней Железным Пламенем, метясь в холёную рожу Магистра! — Сдохни, тварь!!!

Его отбросило назад воздушной волной, закрутило, завертело, переворачивая через голову, протащило по вымощенной цветным кирпичом дорожке. Приложило с размаху спиной, что-то противно треснуло.

Он ничего не чувствовал, звуки доносились словно сквозь толщу воды, перед глазами нёсся хоровод макушек деревьев.

Единственное, что оставалось неизменным — небо.

Чистое, голубое, как в детстве.

На небе он и остановил взгляд, понимая, что умирает.

Вся эта эпопея с отчимом-жандармом, попаданием в Аусвер, выкачкой магии показалась глупой, смешной. Глупая знать Преториума, помешанная на собственных причёсках и выщипанных бровях, глупые Сокрушители Оков со своими дурацкими революционными идеями.

Словно дети, играющие в песочнице.

Свобода...

Что может быть свободнее смерти?

Сфинксы драные, если бы он знал, что умирать так легко, так сладко, он бы давно умер!

Вот теперь хорошо...

Эйфорию вмиг разрушило склонившееся над ним лицо Сенеки.

Такое же холёное и надменное, как обычно.

О что его, даже не задел?! Ну он и лошара!

Вслед за осознанием пришли эмоции, и вместе с ними хлынула боль!

Неистовая, невыносимая! Прошила тело насквозь, погребла под целым ослепляющим водопадом!

Юджин дёрнулся, заорал, выгибаясь дугой, силясь выгнуться... тело не слушалось. Должно быть, при падении он сломал позвоночник. Вот почему ему послышался хруст.

Пришедший вслед за этим страх заставил боль отступить. Он — беспомощен? Неподвижен? Перед Сенекой?

Да за нападение на Магистра его отправят на опыты, в «Преторий»!

Прямо на холодный металлический стол.

Сколько он на нём протянет — одной Четырёхликой ведомо. И единственное, что он будет видеть до конца жизни — сосредоточенное лицо Сенеки на фоне белого потолка, в ореоле яркого света!

— Больно... — сорвался с губ хрип.

Сенеке явно было не до его терзаний.

Суровый, сосредоточенный, со вздущимися на лбу венами, мокрым от пота лицом куратор бесцеремонно шарил по его телу ладонями, и магические разряды снова и снова прошивали насквозь.

— Потерпи, парень, — поморщился Сенека. — Это, должно быть очень больно... Вот так. Теперь лучше?

Юджина словно окутало коконом из ваты, боль притупилась и постепенно утихла.

Но главное — тело слушалось! Слушалось!!

— Ну-ка, вставай, — не дожидаясь, пока Юджин поднимется, Магистр дёрнул его за шкуру, помогая подняться на подкашивающихся ногах. Осмотрел критически, кивнул.

А затем вдруг схватил за грудки, впился взглядом.

— Расскажешь кому, что здесь видел — убью, — сказал он. — Понял?

Юджин сглотнул, и Сенека встряхнул его.

— Понял?! — почти прорычал он.

Юджину оставалось только кивнуть.

— Понял, — прохрипел он в ответ.

Больше Магистр не сказал ни слова. Развернувшись спиной, скрылся за живой изгородью.

Глава 17. Юджин

Касьян нашёлся на берегу пруда. Друг сидел, оперевшись спиной на мшистый ствол. Крошил булку и бросал рыхлые куски сдобы лебединому семейству. Два чёрных красавца с длинными грациозными шеями — пара и с ними шесть лебедей поменьше, потомство, с достоинством принимали угощение.

Пятеро птенцов пошли в родителей и были угольно-чёрными, правда, всё ещё в клочьях серого пуха, и только один — кипельно-белый, алебастровый, разительно выделяющийся на фоне потемневшего к вечеру зеркала воды. До сегодняшнего дня этот детёныш был любимчиком Юджина, сейчас же его замутило от одного вида «белой вороны» в стае.

— Она целовалась с Сенекой, — выпалил он вместо приветствия, тяжело опускаясь рядом. — Магистр сказал, если проболтаюсь, убьёт меня.

Касьян молчал. Бросил лебедям остатки булки, отряхнул ладони.

— Её могли заставить, — сказал он после затянувшейся паузы.

Юджин упрямо покачал головой.

— Она не выглядела так, словно её заставили.

Касьян вздохнул и наконец взглянул на друга.

— Не руби с плеча, Юдж, — тихо сказал он. — Тебе ли объяснять, что не всё так радужно, как кажется на первый взгляд?

Юджин скривился. Старая студенческая поговорка Аусвер... Сколько раз он сам произносил эти слова!..

— Да и сфинкс с ней, — буркнул он, отмахнувшись. — Пусть хоть...

Хотел сказать грубость, пошлость, не смог. Голос сорвался, и, что совсем никуда не годится, глаза защипало.

Касьян хмыкнул и деликатно отвёл взгляд.

— Ты слышал о Сокрушителях Оков? — спросил Юджин после паузы, и, дождавшись, когда друг недоумённо покачал головой, продолжил: — А слышал, что одному из студентов Аусвер удалось сбежать?

Касьян нахмурился.

— Ты о Ромусе?

— Ромусе? — чувствуя себя попугаем, повторил Юджин.

— Ромус Траволта, — задумчиво проговорил Касьян. — Когда я оказался в Аусвер, помню, о нём говорили. И студенты, и препода.

— Что говорили?

— Я мало что помню, — вздохнул друг. — Он поступил в Аусвер на десять лет раньше меня. Он был добровольцем.

— Как ты?

Касьян усмехнулся.

— Отнюдь. Траволта знал, что здесь происходит. И вызвался добровольцем. Вместо своей девушки. Её, понятно, тоже взяли. Но она не прожила и года. Дар был совсем слабый, и здоровье...

— Юла?! — воскликнул Юджин, чувствуя, как внутри всё леденеет. — Её звали Юла?!

Друг вздрогнул и медленно покачал головой.

— Фив, — пробормотал он. — Фивиана... Кажется... Я не помню. Я же не застал ни его, ни её.

Он виновато пожал плечами.

— Как этому Траволте удалось сбежать?!

— Я не знаю. Даже не знаю, сбежал ли он. Но судя по тому, с какой ненавистью о нём говорили Магистры, вполне допускаю побег, да. У него был мощнейший, прямо-таки запредельный дар. Девятнадцать.

Юджин присвистнул. У него самого уровень дара был на отметке тринадцать по Муррею, и это считалось прямо круто, даже давало привилегии. У Касьяна — одиннадцать, тоже не из слабаков, поэтому и дожил до выпускного курса, что в Аусвер вообще-то случается редко.

— А Юла? Юлу помнишь?

— Ещё бы я её не помнил, — вздохнул друг. — Да ты и сам помнишь. Мы с ней... ну... это... мы встречались.

Юджин хлопнул себя по лбу.

Ну ведь точно!

Такая маленькая, рыженькая, в россыпи веснушек, каждая — как крохотное солнышко. Они с Касьяном были не разлей вода! Целых три месяца, после его «поступления». Пока однажды она не исчезла. Вошла в сегрегационную пагоду в последний раз. Касьян тогда так и не дождался её под горгульей. Вроде даже напал на докторуса, но это быстро замяли. Друг две недели провёл в лазарете, откуда вышел сам не свой...

Юла... Оказывается, и сам Юджин прекрасно её помнит. И сейчас, вспоминая зеленоголовую нимфу с идеальным бронзовым загаром, нельзя было не признать, что уровень маскировки у той парочки — боги. Не подкопаешься. Даже строение ауры другое! Вот это иллюзия!

— А почему ты заговорил о ней? — хрипло спросил Касьян.

«Потому что у меня для тебя хорошие новости», — чуть не слетело с языка Юджина. Хорошо, что не слетело.

— Эй, мальчишки!

— Тася, — губы друга растянулись в тёплой улыбке.

Таисия помахала им с другого берега. Не спеша, девушка пошла в обход пруда. Она шла босиком, туфли покачивались в руке. Влажные русые волосы зачёсаны на высокий загорелый лоб, над пухлой верхней губой родинка. Тася не признавала девчоночьих мантий, носила только мужскую форму. Из приоткрытого на груди камзола выглядывала аппетитная грудь.

Хороша... Судя по загоревшимся глазам Касьяна, он тоже так думал.

Касьян облизал пересохшие губы, а Юджин проглотил так и не произнесённые слова.

Кто он такой, чтобы беречь старую рану?

Касьян теперь с Тасей. Им хорошо вместе. Насколько это возможно в Аусвер — хорошо! И он будет последним подонком, если бросит тень прошлого на их мимолётное счастье.

Юла... она теперь другая. Свободная, без клятой фистулы в груди. Пусть останется воспоминанием. Один раз Касьян её потерял. Каково будет терять её снова? Каждый день?

— А ты чего? — вывел его из раздумий голос друга. Смотрел Касьян по-прежнему на приближающуюся Тасю, но обращался к Юджину. — Давно уже завёл бы подружку. Нам тут осталось... Так что надо брать от жизни всё.

— Ты же знаешь, я не могу, — криво усмехнулся Юджин.

— Всё ещё влюблён в меня? — повторил Касьян дурацкую шутку трёхлетней давности, за которую кое-кто в академии расплатился собственными зубами.

Юджин громко расхохотался. Касьяну можно.

— Придурок, — беззлобно пробормотал он.

Касьян широко улыбнулся.

— Как представляю, что это всё может закончиться ребёнком, который достанется им... не могу, — глухо проговорил Юджин, не сводя глаз с Таси.

— Ты совсем отстал от жизни, — притворно вздохнул Касьян и подмигнул ему. — Секс не

обязательно ведёт к детям.

— Не-а, не могу, — пробормотал Юджин, поднимаясь. — Хорошо вам... Ну, это самое... В общем, бывай!

Глава 18. Аврора

— Леди Роуз была красива, как мечта и коварна, как время!

Прежде, чем говорить дальше, я выдержала драматическую паузу, дожидаясь максимальной концентрации внимания своих соседок. От любопытства у них только что глаза не светились! А от страха — потому что историю выбрала жуткую, самую свою любимую! — готова была поспорить, волосы на макушках шевелятся.

— Изображая из себя хозяйку самого жуткого в Винтерхолле замка, леди Роуз предложила отважному рыцарю отдохнуть с дороги и даже самолично наполнила для него ванну с лепестками роз! — я вдохновенно взмахнула руками, словно разбрасывая в воздухе лепестки и мои соседки по комнате, чьё количество возросло (прибыли две сестры-погодки из Багрового Каньона), вытаращились на меня во все глаза и даже вздохнуть не смели.

— Тех самых роз? — Ветла прикрыла ладошкой рот и испуганно заморгала.

Я снова выдержала коварную паузу и медленно помотала головой.

— Ночью рыцарь лёг на полу, возле окна, сложив на кровати под одеялом подушки в форме спящего человека. И когда ведьма спустилась по лунному лучу, чтобы убить своего гостя, одним ударом меча отрубил ей голову!

— Ах!

— Какой отважный рыцарь!

Я усмехнулась. Девочки такие девочки. Во всех дистриктах одинаковые!

— И он освободил крестьян из подземелья? — деловито осведомилась Ари.

— И рассказал людям правду, да? — робко пискнула новенькая девочка, Милика.

Я торжественно кивнула.

— Во всём королевстве узнали, что леди Роуз удобряла свои красные розы крестьянами и принимала ванну с лепестками роз, чтобы всегда оставаться молодой!

— Ух!

— Жуть какая...

— Где ты набралась этих историй? — скупой улыбнулась Ари. Самая строгая в комнате, но вообще добрая.

— Сторож рассказывал, — пояснила я. — Из молельни. Все дети дистрикта обожали его слушать.

— Расскажи ещё одну! Ма-аленькую, — проныла Ветла.

Я покосилась на Ари. Если честно, спать хотелось жутко, слабость и головокружение после забора магии ещё не до конца прошли, но девочки всё требовали новых историй, а после того, что произошло в парке мне просто необходимо было переключиться.

Чтобы не думать ни о Юджине — мамочки, что же теперь будет-то! — ни о... Сенеке.

— Спать! — отрезала Ари и подмигнула мне.

Никто не решился спорить. Во сне лучше всего восстанавливаются силы.

Стоило коснуться головой подушки, как на меня навалилась та же тьма, что и вчера.

Те же мерцающие, мельтешащие картинки...

На этот раз книга проступила из водоворота странных символов быстрее.

И я, до того, как её очертания обретут чёткость, взявшая резкий старт, даже сумела приблизиться к ней на каких-то десять шагов. Их хватило, чтобы различить проступившую над головой радугу, столп света вокруг парящего в воздухе переплёта... Пагода! Зал, в котором происходит Распределение! Сфера Истины, мощнейший магический артефакт, представляющий собой совокупность стихийных кристаллов, позволяющий магии буквально проступить в воздухе, становиться видимой, осязаемой!

Не зря книга стала сниться мне в Аусвер, где магический фон в сотни раз сильнее, чем дома!

Не зря я увидела её во сне в распределительном зале, под Сферой Истины...

Что-то в ней есть такое, что мне обязательно нужно узнать!

Стоило так подумать, как я вдруг увидела себя со стороны. Вот я, кутаясь в плащ, подхожу к парящей в воздухе книге, касаюсь твёрдого переплета... и меня окутывают потоки света! А когда они иссякают, моя аура проступает ярче! Магический дар оказывается выросшим!

Я резко села на кровати. От слабости по-прежнему кружилась голова. Но навязчивая мысль стучала в висках набатом.

— Я должна попасть в пагоду. Сейчас же!

На соседней кровати завожилась Ветла и я поспешно «захлопнула варежку», чтобы не разбудить её.

— Привет, Ро! — моя знакомая статуя сонно зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Т-с-с, — приложила я палец к губам. — Ты всех перебудишь!

— Удачи! — пробормотала вслед статуя. — Куда бы ты не направлялась в одной ночнушке!

Я зябко повела плечами. Что да то да. Во сне я была умнее и догадалась взять плащ...

В лицо дохнуло сыростью и промозглостью. Ночью во внутреннем дворе академии было пронизывающе прохладно.

Я уже ступила на дорожку, ведущую к пагоде, как из-за соседней колонны раздалось пение. Игрит!

Бывший Оракул, а теперь призрак сидел на карнизе, перекинув ногу на ногу, смотрел на луну и тихо напевал:

— Порой восстанет брат на брата,

Безжалостно, неистово,

И все, что первый крикнет, — правда,

И что второй ответит, — правда,

Правда, да не истина...*(«Песня о правде и об истине» х/ф «Не покидай»)

— Ты куда на ночь глядя собралась? — спросила она, не поворачивая головы и я поняла, что обнаружена.

— Привет, Игрит, — сказала я, выходя из-за колонны. — Мне нужно в пагоду.

Призрак склонил голову на бок, глядя на меня сверху и задумчиво проговорил:

— Безумству храбрых поём мы песню...* (*«Песня о соколе» (1898) Максима Горького)

— Ты это к чему? — удивилась я.

— А вон к чему! — и она взмахнула призрачной рукой.

Я повернула голову и пожала плечами.

— Вижу. Горгулья. Вредная и противная. Я из-за неё в первый день... впрочем, ладно! Дело прошлое. Причём тут она?

— А притом, что мимо горгульи тебе не пройти, о смелый сокол!

— Почему сокол?

Игрит отмахнулась.

— Не заморачивайся. Ты думаешь, это архитектурный элемент?

— Архитектурно-магический, — растерянно протянула я, кивая.

— Студенто-ловический! — передразнила меня Игрит и так у неё это смешно получилось, что я не выдержала, прыснула.

— Так она пагоду охраняет?

Игрит кивнула и развела призрачными руками.

— Что же делать? — вывалось у меня. Как-то не доводилось раньше иметь дело с горгульями.

— Много чего можно сделать, — деловито закивал призрак. — Но эффективнее всего её задобрить.

— И как? — я оглянулась на горгулью, сверкающую красными глазами в темноте. Жуть ещё та. — Как-то она совсем не выглядит дружелюбной.

— Сыр ей предложи. Или комплимент сделай! — прыснула своей, на мой взгляд, неудачной шутке Игрит.

— Думаешь, сработает? — я почесала переносицу и снова оглянулась на горгулью.

— Ты что! — замахала руками Игрит. — Я пошутила.

— А если без шуток? Мне, правда, в пагоду нужно.

— Сама подумай. По сути она — та же ворона, только каменная. А что любят вороны?

Я пожала плечами.

— Всякие блестящие штуки?

— Вот именно, — Игрит, наконец, спорхнула с карниза, и, описав вокруг меня призрачную дугу, замерла, выразительно уставившись на мою грудь. Точнее на жемчужину на тонкой цепочке.

Я нахмурилась и прикрыла жемчуг ладонью. Это — единственная память о маме. Отец ей на Новый Круг подарил...

Видя мою нерешительность, Игрит демонстративно закатила глаза.

— Станные вы, люди! — усмехнулась она. — Так дорожите своим барахлом. А ведь с собой не заберёте.

С этим спорить было сложно, особенно учитывая, что спорить пришлось бы с призраком, так сказать с тем, кто знает, о чём говорит не понаслышке.

Я тряхнула головой.

— Ты права. Для хорошего дела и жемчужины не жалко!

Быстро, чтобы не передумать, я стянула цепочку через голову и держа жемчужину перед собой, медленно пошла к каменному монстру.

— Цыпа, цыпа...

Игрит прыснула за спиной, а горгулья, услышав мои шаги, нервно захлопала каменными крыльями.

— Хорошая птичка, — пробормотала я. — Добрая птичка. А что у нас тут есть...

Горгулья хлопать крыльями перестала и на меня уставились два красных, светящихся в темноте глаза.

Глава 19. Бенжамин

Бенжамину не спалось.

Непривычный прилив сил подбрасывал, потрясывал, гонял от доски, испещрённой сложными многоступенчатыми формулами к приборам, от приборов — к столу с объёмными иллюзиями, от стола — к карте на стене, от карты — снова к доске.

Взгляд у Тринадцатого Магистра был шальной, немного безумный. Губы то и дело норовили раздвинуться в улыбке.

А ведь он и забыл, как ощущается здоровье! В том то и дело, что никак! Его вообще не замечаешь, пока однажды не потеряешь...

Была у Бенжамина ещё одна причина не спать этой ночью. Помимо небывалого прилива сил.

У этой причины были мягкие, как лебединый пух, волосы, молочно-белая кожа, розовые прозрачные глаза и нежные губы.

Одна мысль о ней пронзала стрелой ослепительного желания.

Перед его мысленным взором она почему-то представляла в столпе света, как тогда, на Распределении, но не прикрывала застенчиво ладошками грудь. Нежные бледные губы были призывно распахнуты, турмалиновые глаза лучились желанием и светом.

Вблизи у неё оказались снежно-белые брови и ресницы.

Непохожая ни на одну из женщин, что встречались Бенжамину.

И всё же было в ней что-то такое... знакомое, даже близкое, если не сказать родное.

Привычный мыслительный многоуровневый поток просто-напросто выключался при одном её появлении, словно чья-то невидимая рука нажимала на рычаг и лампочки приборов гасли в одночасье. Мысли, нередко умные, кстати, привычные концепции, законы, устои — всё это переставало существовать, причём как будто бы даже добровольно, безболезненно, словно признавая своё поражение, свою несостоятельность перед силой женской красоты.

Ей не место в Аусвер... Не место.

Но вытащить её оттуда прямо сейчас невозможно. Не тогда, когда Магистры узнали о небывалом уровне дара девочки! Проклятье! Проклятье! Проклятье!

Дранные сфинксы!

Если не Эдгард, а он сам отправился тогда в дистрикт-113-А... Всё могло сложиться иначе. У них...

А теперь, чтобы вытащить её, ему понадобится время. И, возможно, не только время.

Отпустить из Аусвер мощнейшую за всю историю магическую батарейку? Хоть Бенжамин и называл Магистров про себя выжившими из ума стариками, кем-кем, а дураками Магистры не были. Попытайся он вытащить её сейчас — и скандал дойдёт до президента.

И тогда уже не стоит даже думать о том, чтобы спасти её. Да и самому спастись. Его приговорят, как предателя. А её...

Но что же делать?

Ответ один.

Как всегда, заходить издалека.

А пока... видеть её, хотя бы издали.

Упаси его Четырёхликая снова приблизится к ней!

Когда она рядом, его клинит. Ум заходит за разум в прямом смысле.

Он, гениальный учёный, единственный, кто сумел продвинуться в экспериментальной магии так далеко (ну, по-крайней мере куда дальше своих коллег!) перестаёт соображать, теряет контроль от её близости!

Вот только... судя по его расчётам, подтверждёнными данными приборов, этот его магический

«вштыр» уже идёт на спад... А значит, скоро рана на груди снова начнёт кровоточить, вернутся боли, припадки...

Но не набрасываться же на неё снова, как только увидит!

К тому же... кажется, после сегодняшнего он не сможет посмотреть ей в глаза.

Бенжамин никак не ожидал, что она подойдёт к нему сама.

Он как раз закончил осматривать результаты магической селекции на экспериментальной площадке: колосья с крохотными, на один зуб, апельсинами, тянулись и ластились к рукам, как собаки, если полить их питательным раствором и сердито шелестели листьями, если пропустить при поливе хотя бы один колосок...

«Коллективный разум магических растений» — значилось в ведомости в его руках... Вне всяких сомнений, он одобрит тему этой дипломной работы. Среди студентов Аусвер встречаются настоящие таланты. Для Магистрата и даже для президента — это не аргумент, чтобы переводить их к нему, в «Преторий».

Нет, не так. Не той силы аргумент.

Но всё же он не сдавался. Эдгард, Игрек, Розалин... и многие другие бывшие студенты Аусвер жизнью, свободой, сохранением магического дара были обязаны именно ему, Сенеке. Он не любил, когда об этом напоминали. Клятая система! Клятый закон!

Удастся ли ему найти выход? С помощью науки?

Кто знает. Но попробовать стоило. Однозначно стоило!

Бенжамин вздрогнул, когда сзади раздалось деликатное покашливание. До того, как оглянуться — уже знал, кого увидит перед собой.

Сегодня она заплела две косы, что делало её совсем юной и беззащитной. И, сфинксы драные, невыносимо желанной...

— Шпионите? — спросила она ангельским голоском.

— Курирую, — хмыкнул Бенжамин.

— Угу, — кивнула студентка. — Надзираете.

— Как ты себя чувствуешь?

Она посмотрела на него как-то горько и зло.

— Превосходно. Мне сегодня не делали забор. Хотя я и настаивала. Мол, дар у меня слишком большой и вчера «случайно» взяли сразу недельную норму. Из-за этого меня все ненавидят, спасибо, что поинтересовались.

— Я убью любого, кто скажет о тебе плохо, — глухо сказал Бенжамин.

— В том-то и дело, — она грустно улыбнулась.

— Я не могу остановить это, — покачал он головой, добавив про себя «сейчас».

— А я и не прошу!

— Чего же ты хочешь? Скажешь, подошла, чтобы снова... нарваться? — его окатило волной жара, когда увидел, как мраморно-белые щёки предательски запылали.

— Мне нужен ключ от пагоды! — выпалила она на одном дыхании.

— Зачем? — брови Бенжамина сами собой поползли вверх. — В нерабочее время кабинеты всё равно закрыты.

— Какая вам разница! — воскликнула Аврора, но тут же с видимым усилием взяла себя в руки и добавила с досадой: — Мне не в кабинеты нужно, а в Распределительный зал.

— Зачем тебе туда?

Аврора дёрнула плечами.

— Там магию лучше видно, — с неохотой пояснила она и посмотрела на него так, что он не только

ключ был готов ей дать, а и всю академию Аусвер преподнести на блюдечке. Была б его воля...

— Тренироваться? — с серьёзным видом кивнул он.

— Да.

Видно же, что она чего-то не договаривает, но что именно? Впрочем, это не так сложно выяснить... Ему-то ключ, для того, чтобы попасть в пагоду не нужен.

— Хорошо, я дам тебе ключ, — кивнул он.

— Не просто так, да? — её розовые глаза так и засветились.

— Да, — не стал отпираться он. — Взамен... позволь к тебе прикасаться.

— Прикасаться?

Бенжамин медленно кивнул.

— Я буду целовать тебя, — сдавленно произнёс он. — Так часто, как это возможно. Обещаю, об этом никто не узнает.

— Я не буду спать с вами! — она часто заморгала и решительно помотала головой.

К своему стыду Бенжамин понял, что краснеет.

— Мне кажется, достаточно поцелуев.

— Когда кажется, Четырёхликой свечку ставят!

Бенжамин нахмурился.

— Тебе ключ нужен, или нет?

— Нужен.

— Тогда иди сюда, — всё ещё не веря своему счастью, прошептал он.

Глава 20. Аврора

Щёки горели, губы пылали, сердце колотилось, как бешеное.

Как же стыдно, мамочки, как же стыдно!

Кто бы мне сказал ещё неделю назад, что я буду торговать своим телом ради личной выгоды?! Да я бы даже не улыбнулась дурацкой шутке, ещё б и по щекам отхлестала «шутника»! А что? В дистриктах с репутацией строго. Это вам не Преториум — столица разврата, как любит приговаривать мачеха!

Двадцать два года я и думать-не думала о поцелуях, и вот, нате вам! Расплачиваюсь ими с Магистром за возможность проникнуть в пагоду!

Я неслась по широченным коридорам Аусвер, вожделенный ключ жёг карман мантии.

В комнату возвращаться не хотелось — после известия о том, что меня освободили от сегодняшнего «забора», девчонки смотрели волчицами, переглядывались, перешёптывались за спиной. Ворвавшийся в распахнутое окно ветер донёс шепоток «шпионка»!

Да что же это такое, а?!

Дома — «ведьма», здесь — «шпионка»!

Вот где справедливость?!

Я на ходу сверилась с табелем в руках: так и есть, в аудитории «78-С» начинается факультатив по магической механике. Я прибавила шаг, чтобы не опоздать.

Меня занесло на повороте и с размаху впечатало в широкую мужскую грудь. Камзол с жёлтой оторочкой. Студент третьего курса...

Подняв взгляд, я сглотнула.

Кажется, невезение — моё второе имя.

Юджин смотрел на меня с такой злостью, словно еле сдерживается, чтобы не придушить на месте.

Я инстинктивно отшатнулась, отчего ощутимо приложилась спиной о стену.

Юджин поморщился, будто ударился он, а не я.

А затем издевательски поклонился, делая изящный пасс рукой в сторону распахнутой двери под табличкой «78-С».

Ожидая подвоха, я сглотнула и вошла внутрь. Юджин шагнул вслед за мной. На какой-то момент он оказался так близко, что я ощутила его дыхание на открытой шее.

Быстро, на подкашивающихся ногах, я юркнула на свободное место, на первой парте у доски.

Юджин прошёл на заднюю, по дороге пожал кому-то руку.

Темой факультатива был запуск миниатюрной паровой турбины — теплового двигателя, в котором магическая энергия подвигда водной магии в виде испарений преобразуется в механическую работу.

Мистер Рошер поставил передо мной поднос со множеством деталей, шестерёнок, колбой с водой и эссенцией унабхиума — магического порошка. Из всего этого предстояло собрать крошечный, и желательно работающий механизм.

Такие наборы стояли перед каждым.

Всего на факультативном занятии присутствовало десять студентов, со мной. Из первокурсников — одна я. Что было обидно и досадно, ведь дисциплина-то интересная! Важная! А ни у кого сил нет. Да и желания, учитывая местные порядки.

До слёз обидно.

Но плакать некогда.

— Мариуш! Валкони! — цыкнул препод, когда с задних парт слышался шёпот. — Если вы пришли сюда, чтобы пообщаться, смею заметить, что здесь вам будет неудобно. Мы будем вам мешать.

Шёпот утих.

Я склонилась над партой, зыря то на поднос, то на схему, по которой предстояло осуществлять сборку, чувствуя себя при этом до невозможности тупой. Мысль, что Юджин смотрит на меня, не давала сосредоточиться. А в том, что мой куратор смотрит, не было никаких сомнений: место между лопатками буквально горело от его взгляда!

Пальцы дрожали, не слушались.

— Смелее, Зайко! — препод склонился над моим столом, и, накрыв пальцы своими, помог вставить нужную деталь. Раздался щелчок.

Мистер Рошер ободряюще улыбнулся, а взгляд Юджина стал просто невыносимым!

— Валкони, вам тоже помочь? — иронично спросил препод, глядя поверх моей головы.

— Обойдусь, — раздался голос Юджина.

— Вы с таким... хм, пристрастием смотрите на Зайко, — никак не мог уговориться препод, словно она Оракул, а вы вопрошающий.

Юджин хмыкнул.

— Скорее, она ведьма, а я — инквизитор, — вернул Юджин аллегория преподу и тот широко и немного устало улыбнулся.

— А вы что на это скажете, Зайко? — спросил мистер Рошер, выуживая нужную мне шестерёнку.

— Ничего не скажу, — ответила я, не поднимая головы. — Простите, у меня все силы уходят на то, чтобы не загореться святым пламенем.

Все, включая препода, рассмеялись. Причём громче всех смеялся Мариуш, друг Юджина. Касьян, кажется...

Взгляд Юджина стал просто-таки испепеляющим! Особенно, учитывая, что стихийный подвид его магии — пламя. Мой — вода. Так что я сама себе напоминала закипающий чайник.

Было неловко, досадно, стыдно.

Особенно понимая, что Юджин знает о моей постыдной тайне.

И даже больше.

Не такая большая беда, что он видел наш поцелуй — тогда, в парке. Не настолько большая, как угроза того, что он может проболтаться и к «шпионке», конечно, прибавится что-то куда более оскорбительное. Навроде «проститутки» или даже «подстилки».

Хуже всего было то, что Юджин, казалось, понял главное.

Что мне нравится целоваться с Магистром.

Как же стыдно!

Первым турбину запустил Касьян. За ним — Юджин. Затем девочка с третьего курса, Таисия, кажется. А потом — я.

По заверению мистера Рошера, для первокурсницы это было очень и очень неплохо.

Вымученно кивнув на похвалу, я опрометью бросилась из кабинета.

Плевать! На всё плевать! Главное — у меня ключ от пагоды.

Этой ночью я, наконец, узнаю тайну преследующей меня во сне книги!

Глава 21. Аврора

Увы, проникнуть ночью в пагоду оказалось не так-то просто.

Сначала девочки никак не могли уговориться, шушукались, а обе мои попытки поддержать разговор были встречены молчанием и возобновлением беседы, словно я — пустое место. Бойкот...

Страшное слово, и, конечно, кого-то более чувствительного, наверняка проняло бы. И меня бы проняло, так, что принялась бы каяться и рассказала бы им всё и даже больше. Если бы с самого детства такое вот игнорирование окружающими не было бы неизменной составляющей моего существования.

Обидно, конечно, слов нет, как, до слёз прямо... Но я с детства знала — на бойкоте жизнь не заканчивается. Небо не падает на землю, море не выходит из берегов, посреди лета не начинается метель.

Жизнь продолжается...

Когда девочки, наконец, уснули, я попыталась «высунуться»...

Спасибо знакомой статуе, предупредила о приближении Магистра! Я в последний момент успела юркнуть за портьеру и с ногами забраться на широкий подоконник.

Шаги прозвучали совсем рядом — несколько секунд, показавшихся вечностью я боялась выдохнуть и отчаянно тёрла переносицу, чтобы не чихнуть. За портьерой оказалось очень пыльно.

— Сидела бы ты в комнате, а? — прошептала статуя, когда шаги стихли. — Этой ночью в академии неспокойно.

Прижавшись носом ко стеклу, я видела, как по внутреннему двору шныряют маги и Магистры в широких плащах, а над сегрегационной пагодой сияет радуга...

Знать, что они там делают, не хотелось. Совершенно.

Вернувшись в комнату, я юркнула под одеяло, пытаюсь согреться и надеюсь, что следующей ночью удача будет на моей стороне.

Стоило провалиться в сон, как меня снова поманила книга. Подпрыгивала в воздухе, приоткрывалась, шелестела жёлтыми страницами...

Всю ночь я пыталась к ней приблизиться, но меня не пускало. Ещё и назад отбрасывало!

Весь следующий день я в нервном ожидании вертелась на парах, как на иголках. В перерывах между занятиями ловила на себе взгляды Юджина. Своими обязанностями моего личного куратора он откровенно манкировал, ну а я не нарывалась. Не до него, честное слово!

Клянусь, известию о том, что сегодня у меня «забор», я даже обрадовалась! Со мной даже снова разговаривать начали... в очереди.

Второй «забор» в моей жизни прошёл легче, я даже не вырубилась, как в прошлый раз. Правда, мазнув взглядом по показателям приборов, заметила, что «выдоили» сверх положенной нормы раза так в три, а в личном табеле на экране докторуса, который тот поспешно свернул, когда заметил, что я смотрю напротив моей фамилии стоял зелёный значок «эксперимент». Кролика они нашли подопытного, что ли?

Но были в «чрезмерном заборе» и свои плюсы.

У выхода меня никто не ждал, это, конечно, минус... Но когда еле-еле по стенке добралась до комнаты и рухнула в койку, соседки прямо-таки окружили теплом и заботой. Шоколадками забросали, печеньками... настойку антидонника приготовили, даже какао постель заплескали, но я была не в обиде. Ненавижу болеть, но улыбки девчонок, их искреннее, неподдельное участие того стоит. Эх...Что же у нас за мир такой, в котором, чтобы тебя любили, нужно чуть ли не кони двинуть?

Из уважения к моему состоянию девочки почти не шушукались перед сном и спать улеглись пораньше. Мне это, опять же, было на руку.

Стоило им уснуть, как я, стараясь ступать бесшумно (и впрямь почувствовала себя шпионом) повторила «вылазку» к пагоде.

Во внутреннем дворе было тихо, но зябко — плащ я брать побоялась, чтобы не скрипеть лишний раз

шкафчиком.

Горгулья по-куриному склонила голову, когда я приблизилась, но не издала ни звука. На каменной шее покачивалась мамина жемчужина.

Ключ подошёл. Впрочем, повода сомневаться в порядочности Сенеки у меня не было. Если слова «порядочность» и «Магистр» вообще сопоставимы в словосочетании.

Самое сложное было — подняться по лестнице, а Распределительный зал словно только меня и ждал, призывно распахнув двери.

Тот же полумрак, кушетка рядом с трибуной... Столп лунного света посередине.

Увы, книги в столпе света не было... Ни с открытыми, ни с закрытыми глазами. Я ходила вокруг, наматывая круги, пыталась стоять внутри, концентрироваться... ничего.

Что же я делаю не так? Даже шкала, отображающая дар, не горит...

Думай Аврора, думай...

Из-за слабости соображалось туго.

Ведь во время Распределения и столп света был ярче, и вообще всё было как-то по-другому. Не из-за того ли, что в тот раз на мне не было одежды?

Раздеваться было неловко. По коже строем ходили мурашки, щёки горели, как будто на меня смотрят. Это всё из-за Юджина, конечно! Это он только и делает, что пялится почём зря, прожигает взглядом, вот мне и мерещится до сих пор.

Сконцентрироваться обнажённой оказалось ещё сложнее.

Я просто физически ощущала блуждающий по телу взгляд! Но, конечно, как ни вглядывалась в темноту за границей света, никого не увидела. Да одна я здесь, одна!

«Хорошо, что с Сенекой мы целуемся днём, а не ночью», — пронеслось в голове, и, клянусь, если бы не слабость, я не поскупилась бы на парочку оплеух самой себе! Ну с какой стати мне вообще думать о Магистре?! Между нами сугубо деловые отношения. Сделка. Да, непристойная. Да, в родном дистрикте за такое ворота бы дёгтем измазали... но я же, в конце концов, не для удовольствия!

Рассердившись на себя, я зажмурилась.

И в тот же миг увидела книгу!

Совсем рядом! На расстоянии вытянутой руки!

Затаив дыхание и ожидая, что книга вот-вот исчезнет, я протянула руку и коснулась пальцами кожи переплёта. Он оказался тёплым и твёрдым! Совершенно материальным!

А следом меня прошило магическими потоками! Насквозь!

Больно не было. Было ошеломительно и странно.

Магия переливалась во мне, как если бы от меня осталась лишь оболочка, сосуд для небывалой энергии, бурлила, кипела, трансформируясь в удовольствие невыносимой силы. Примерно то же я чувствовала, когда Бенжамин целовал меня...

Стоило подумать о нём, как тело выгнулось дугой, колени подкосились, в мозгу вспыхнуло! Спустя секунду я сидела на холодном мраморном полу и, оторопело мотая головой, тяжело дышала.

Книга исчезла... Но что-то внутри подсказывало, что это временно. Завтра опять «проявится».

К тому же я чувствовала такой прилив сил, что жаловаться было бы попросту глупо.

Словно и не было этих двух «заборов». Да что там... Хоть десять ещё смело выдержу! За раз!

Словом, сделка с Сенекой себя оправдала.

Интересно, а остальным также можно помочь?

Что-то подсказывало изнутри: ответ я найду в книге.

Глава 22. Аврора

— Ab aqua silente cave*, - твердила я, водя руками над небольшим, с миску, контейнером, стоящим на парте передо мной. — Ab aqua silente cave! Ab aqua silente cave, чтоб тебя сфинксы взяли! (*латинская пословица. перевод: Берегись тихой воды. Прим. авт.)

Пот ручьями тёк с лица, падая в наполовину наполненный (водой, конечно, не потом! хотя...) контейнер. Пальцы были деревянными, и с каждой секундой деревенели ещё больше — сказывалось нечеловеческое напряжение.

В аудитории раздавалось напряжённое сопение — вся группа сосредоточилась, каждый над своим контейнером.

На соседнем сиденье, закинув ногу на ногу, примостилась Игрит.

Время от времени призрак подбадривал меня (ну и остальных, раз уж они тоже, пусть и невольно слышали её) песней:

— К черту страх и осторожность,

Покажи нам, что ты можешь...*

(*песня Питера Пэна из фильма «Путешествие в Нетландию»)

Надо сказать, её бормотание знатно отвлекало, но попросить её помолчать было бы грубо: в Аусвер, среди магов, которые могли её видеть и разговаривать, среди (чрезмерно, пожалуй) общительных статуй и живых картин Игрит была по-настоящему счастлива. Робкого, недоверчивого призрака, которого я встретила в первый свой день в Преториуме было не узнать.

— Ab aqua silente cave! — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как пальцы сами собой разжимаются, а силы покидают меня.

И тут из контейнера брызнуло! Поднявшийся фонтан обрушился на меня, на Игрит, на Магистра Лепроса — практические стихийные дисциплины ведут сами Магистры.

С парты стекало, образуя лужицу вокруг

Магистр Лепрос помотал головой, как старый пёс, что вылез из воды и наполовину удовлетворённо, наполовину строго кивнул:

— Сбавьте обороты, Зайко. Усердие, конечно, хорошо, но не тогда, когда оно чрезмерное.

Сзади ожидаемо зашумелись.

— Выскачка! — донеслось до меня.

Дверь в аудитории приоткрылась и внутрь заглянула встрёпанная голова второкурсника.

— Зайко! — прошептал он на весь класс. — Тебя в деканат вызывают!

Магистр сухо кивнул мне, подтверждая, что я могу идти.

Под ненавидящими взглядами окружающих я вышла из аудитории. Игрит, видимо, ради разнообразия, осталась.

— Тебе сюда, — сказал студент, тыкнув пальцем в стену, в пространственную карту академии.

— Ты же сказал — в деканат? — не поняла я.

— Я сказал, как мне сказали, — пожал он плечами и скрылся за поворотом.

Настал мой черед жать плечами, разворачиваться и топать на последний уровень. В кабинет с табличкой

«Куратор»

на резной двери.

Чем ближе я подходила, тем больше слабели колени. А уж порог перешагивала и вовсе на подкашивающихся ногах.

Магистр сидел за длинным столом чёрного дерева и прямо с порога обжёг меня таким взглядом,

что дыхание перехватило.

— Знаете, что! — гневно выпалила я. — Выдёргивать меня с занятий — о таком мы не договаривались!

Я не знаю, как он это проделал. Только часто заморгала, когда тот преодолел расстояние между нами за секунду, метнувшись ко мне из-за стола чёрным смерчем.

— Мы договаривались, что никто не узнает, — хрипло ответил он, обнимая меня за талию. Его пальцы дрожали, а взгляд только что не воспламенял. — И я слово своё держу. Настал черед тебе держать твоё...

Чуть шершавые мужские пальцы скользнули по моей щеке, поддели подбородок, поднимая лицо вверх.

Твёрдые губы накрыли мои. Нежно. Властно. Обжигающе.

Тело вмиг прошло магическими разрядами, аура вспыхнула, я будто наяву услышала её потрескивание...

Поцелуй был долгим, томительно сладким. Подчиняющим волю, желания, мысли.

Если целоваться с Магистром на улице было, мягко говоря, неловко, от осознания, что нас могут увидеть, то поцелуй за закрытыми дверями кабинета только усиливал ощущение беспомощности и кусучий холодок страха, гуляющий по коже.

Страшно было находиться с ним за закрытыми дверями его кабинета, полностью в его власти, но это был какой-то неправильный страх. Вместо того, чтобы заставлять всё внутри цепенеть, он лишь разжигал тлеющее, словно угли, непонятное желание, окрашивал жгучим волнением водоворот ощущений, в который увлекали умелые губы и руки, снова и снова прошивал всплесками прежде неведанного удовольствия.

Горячая мужская ладонь сползла с талии и я, ахнув, подтянула её на место. К моему удивлению, он больше не настаивал, лишь прижал меня сильнее, а поцелуй из нежного и неторопливого стал жадным.

Эта его покорность отозвалась мучительно-острым всплеском удовольствия внизу. Было странно и пронзительно-сладко ощущать свою власть над пугающим Магистром с бесстрастным лицом и ледяным взглядом.

Зачем я ему?

Разобравшись немного в негласных порядках Аусвер, я понимала, что любая студентка пойдёт на большее, лишь бы продлить свою магию и жизнь.

Я так и не верила до конца, что действительно, по-настоящему понравилась мужчине (мало тому, что наделённому огромной властью, так ещё и весьма привлекательному!), что у него не вызывает отвращения ни моя белая кожа и волосы, ни розовые глаза, но его жадный рот, глухие стоны, вторящие моим всхлипываниям, пальцы, ласкающие мой затылок, убеждали в обратном.

— Зачем вам это? — всхлипнула я, отстраняясь. Если бы он не держал меня, осела бы прямо на пол.

— Не знаю, — помотал головой Магистр и вдруг сказал: — Но ты мне нужна. Ты получила, что хотела... в пагоде? — спросил он после ещё одного поцелуя.

Я вспомнила, как раздевалась, чувствуя на себе чей-то взгляд и от этого воспоминания бросило в жар. А я уж думала, что сильнее краснеть невозможно...

— У меня есть ещё одно условие, — проговорила я слабым голосом, и Магистр усмехнулся, вскидывая бровь. — Мы не задаём друг другу вопросов.

— Хорошо, — сказал он, привлекая меня к себе, так, что удары его сердца я ощутила всем телом. — Но если захочешь что-то мне рассказать, ты всегда можешь рассчитывать на конфиденциальность.

Официальный тон неприятно резанул слух.

— Вы всегда так разговариваете? — не выдержала я. — В обычной жизни?

Магистр смотрел на меня с недоумением.

Прежде, чем он ответил, я выпалила:

— Надеюсь, смогла оказаться вам полезной, согласно заключённому соглашению!

Я с силой отпихнула его от себя и потому, что он разжал пальцы, упёрлась спиной в стену.

Рванула на себя дверь, выскакивая из кабинета и хватая ртом воздух.

Губы и щёки пылали. О том, чтобы возвращаться в таком виде в аудиторию, не могло быть и речи.

Я долго плескала в лицо водой из фонтана в дамской уборной, а когда решила, что удалось немного сбить непривычные моему лицу краски, направилась на следующее занятие.

— Аврора! — окликнули сзади.

Я остановилась.

Меня звал Касьян, друг Юджина.

— Ты потемнела, — задумчиво сказал он.

Я пожала плечами, не торопясь отвечать, хотя вопросы так и норовили высыпаться из меня, как горох из прохудившегося мешка.

В смысле — потемнела? Что он имел ввиду? Что я перешла на тёмную сторону? Неужели о сделке с Сенекой кто-то узнал? Только Юджин нас видел... Но Магистр сказал, что Юджин будет молчать.

Юджин!.. я ведь только сейчас поняла, что чего-то как будто не хватает.

— Юджин в лазарете, — опередил мой вопрос Касьян. Смотрел при этом внимательно, словно силился не то разглядеть что-то, не то понять.

— Что с ним?! — вырвалось у меня.

Касьян торопливо помотал головой.

— Ничего серьёзного. Перенапрягся в спарринге, ну, в магическом поединке. Теперь валяется.

— А зачем ты мне это рассказал? — не выдержала я.

— Он твой куратор, — пожал плечами парень. — Думал, тебе будет интересно.

— Куратор, который в окно меня выкинет, если вдруг решу навестить, — глядя в сторону, проговорила я.

Касьян усмехнулся. Улыбка у него оказалась замечательной. Очень открытой, располагающей. Но какой-то невесёлой.

— Не выкинет, — уверенно заявил он. — У него сил не хватит.

Я вздохнула.

— Спасибо, что сказал. Приятно знать, что меня здесь не все ненавидят.

— Не ненавидят, — покачал головой Касьян. — Завидуют. Это другое. Сложно не завидовать такому дару.

— Ага, дома, видно, тоже из зависти чуть не утопили, — вырвалось у меня. — И ведьмой звали...

Я позорно всхлипнула, но тут же взяла себя в руки.

Касьян посмотрел на меня внимательно.

— Здесь тебя никто не обидит, — сказал он и добавил: — Из наших. И ведьмой никто не зовёт. Тебя зовут Белой Вороной. Очень уж выделяешься.

Глава 23. Юджин

Юджин полулежал-полусидел на узкой больничной койке, «загорал» в лучах восстанавливающей лампы магического накаливания, листал практическое пособие «Занимательной магической механики — 1000 и один эксперимент из ничего» и ненавидел себя за слабость.

Из-за двери послышался голос дежурного докторуса. Он отвечал кому-то, но голоса того, кто спрашивал, Юджин не расслышал.

— Да, Валкони находится в палате номер один, — сказал докторус.

Несколько секунд он молчал, а потом произнёс как будто даже с улыбкой в голосе:

— Тебе, конечно, можно.

Кого это там сфинксы принесли?

Ну понятно. Кому ещё здесь всё можно?

Аврора вошла, прикрыв за собой дверь. При неверном освещении магической лампы волосы и глаза новенькой потемнели.

— Чего тебе? — запоздало удивился Юджин, и, прежде, чем она успела ответить, плюнул: — Пшла отсюда.

— Ага, — ничуть не обиделась новенькая. — Уже бегу, волосы назад.

Юджин почувствовал, что свирепеет. Она что, вообще непрошибаемая?!

— Вот самое время было обиженно пожать плечами и побежать жаловаться своему любовнику!

Аврора окинула его долгим взглядом и зачем-то потёрла ладони.

— Мы не любовники, — отмахнулась она.

— Это ты бабушке у храма расскажи.

— Думаешь, она окажется адекватнее, чем ты? — невозмутимо ответила Аврора и почему-то зажмурилась.

— Я тебя насквозь вижу, — процедил Юджин сквозь зубы.

— Может, поближе к лампе встать? — с деланным сочувствием спросила Аврора, не открывая глаз. — А то недостаточно просвечивает.

Юджин даже поперхнулся от такой наглости, закашлялся. Аврора тут же открыла глаза, посмотрела на него с беспокойством.

У него даже рот от изумления приоткрылся, когда новенькая с деловитым видом обошла кровать, вынула книгу из его рук, и, мельком взглянув на обложку, удовлетворённо кивнула. После чего аккуратно положила томик на тумбочку, а сама склонилась над ним с сосредоточенным видом. Вздохнув, осторожно положила ладонь ему на грудь, стараясь не задеть фистулу и снова закрыла глаза.

Он так охренел, что не сразу среагировал. А потом было поздно — не дёргаться же и не орать на всю академию, что его облапали?

— Что ты делаешь?! — прорычал он.

— Тихо, не рыпайся, — пробормотала Аврора, потрясла головой, словно пытаясь сосредоточиться. Наконец, открыла и вправду потемневшие глаза и вытерла пот со лба. — Нет, не получается.

— Умом тронулась? — осторожно спросил Юджин. Хотел уколоть её, но вопрос прозвучал обеспокоенно.

— Клятые сфинксы! — всплеснула руками она, не обращая на него внимания. — Видно, в пагоде надо!

— Так ты всё-таки сбрендила?! Быстро ты...

— Придурок, — беззлобно буркнула Аврора.

— Дура, — парировал он.

Непробиваемая! Хоть бы из приличия моргнула, слезу пустила, наконец! Вот всё в ней не так! От внешности до поведения. Странная.

— Ты ходить можешь? — деловито осведомилась она.

Юджин выразительно покосился на дверь.

— Не сейчас, — покачала она головой. — Ночью. Сможешь проскользнуть мимо дежурного?

Ночью дежурный будет дрыхнуть, это Юджин точно знал. Сейчас в лазарете «тяжёлых» нет. Ему же вполне достаточно магической лампы.

— А что? — было в тоне новенькой что-то такое, что заставляло воспринимать её всерьёз.

— Сможешь прийти ночью в пагоду? — прошептала она.

— За каким хреном? — сам того не желая, Юджин тоже перешёл на шёпот.

— Жить хочешь? — просто спросила Аврора. — И дар сохранить? Но это не точно.

Он буравил её взглядом, не отвечая. Вздохнув, она добавила:

— Кажется, я нашла способ, как это сделать. У меня получилось восстановить резерв. И самочувствие отличное, честно. Но не знаю, сработает ли это с тобой. Попробуем?

На этот раз Юджин ответил быстро.

— Ночью пагода закрыта.

— У меня есть ключ, — глядя ему в глаза, кивнула Аврора.

— Горгулья шум подымет. — прошептал Юджин и добавил: — Характер у твари мерзкий.

— Не подымет, — помотав головой, уверенно ответила она и вдруг подмигнула: — Прикормлена.

— Как тебе это удалось?

Аврора пожала плечами.

— Считаю, что у меня талант прикармливать самых жутких тварей.

Перед глазами вдруг встал их поцелуй с Сенекой. Таким образом, на «жутких тварей» Юджину нечего было возразить.

А какого сфинкса?! Ну вот что ему терять?!

— Приду! — с вызовом сказал он.

— Ну вот и умница, — сказала она и вдруг, улыбнувшись, потрепала его по макушке. Чувствовалось, что жест этот для неё привычный.

Юджин насупился. Какого сфинкса она с ним, как с ребёнком?!

Аврора вдруг улыбнулась и подмигнула.

И покинула палату так же тихо, как вошла.

Глава 24. Аврора

Юджин всё не шёл.

Я вся издергалась, перетаптываясь с ноги на ногу в нише в стене пагоды, стараясь не высовываться из тени.

Над головой поскрипывала и чесала каменные перья горгулья, время от времени принималась ворковать, совсем по-голубиному, только очень скрипуче.

Ну где же он? Неужели не смог пройти мимо дежурного докторуса? Ведь обещал, что сможет. Игрит, опять же, обещала помочь...

И вот ни Юджина, ни Игрит. Повезло ещё, что ночь тихая. Впрочем, в такие вот тихие ночи как никогда ожидаешь подвоха.

Вот и я ожидала.

А когда уже отчаялась, из-за колонны, наконец, показался призрачный силуэт. Игрит! Вглядевшись повнимательнее в тёмное пятно рядом, я различила ещё один силуэт — тёмный, в котором узнала Юджина! Ура! Получилось! Я их обоих расцеловать была готова. Хотя радоваться, опять же, рано. Неизвестно, как книга отреагирует на Юджина и вообще, сможет ли он её увидеть

— Идите, — махнула призрачной рукой Игрит, — я покараулю. Чуть что — дам знать.

Это было разумно. Особенно, учитывая призрачную природу Игрит, то, что в случае чего, она сможет проникнуть сквозь стены.

— Пошли, — поманила я Юджина за собой, открывая дверь.

— Откуда у тебя ключ?

— А можно не отвечать без адвоката?

— Я серьёзно.

Я хмыкнула.

— Ну, если серьёзно, то, прости, тебя только это волнует? Обещанию вернуть тебе магию и помочь восстановить силы ты поверил на слово?

— Не поверил. Но если ты про ключ молчишь, обо всём остальном тем более не скажешь.

— Я, правда, не знаю, как рассказать.

— А ты попробуй, — прежде, чем пропустить меня в коридор, Юджин заглянул в него сам и убедился, что тот пуст.

— Я попробую, — кивнула я. — У меня сильный дар, уже все знают. Для меня самой он был секретом, проявился не так давно. Стихия — вода. Это, похоже, важно. Попав сюда, я начала её чувствовать, почти осязать. Сны стали разные сниться, которые как будто и не сны.

— Магический фон, — подсказал Юджин.

— Ты думаешь?

Парень кивнул.

— Преториум стоит на магических артефактах, — сказал он. — И здесь, в Аусвер, их очень много. Сама видишь. Это для того, чтобы развивать наш дар, прежде чем.

— Прежде чем его забрать, — закончила я за него.

— Обратить в артефакты, наполнить их магией, — кивнул Юджин.

— Куда проще было бы передавать дар от мага к магу, и самые сильные маги уже могли бы чуть ли не возводить дворцы из воздуха, правда?

Юджин покачал головой.

— Магическая передача невозможна. Магистры пробовали. И сейчас пыжаты, всё пытаются изобрести универсальные магические батареики.

— И как результаты?

— Как видишь. Раз уж мы здесь. Нихрена у них не выходит.

— А почему?

Юджин передёрнул плечами.

— Чего-то им не хватает. Вроде и магии бывает достаточно, но управлять ей, контролировать свой дар ещё никому не удавалось. Я уже не говорю о том, чтобы самостоятельно восполнять израсходованный резерв. Известно, что в каждом из нас ограниченное количество магии, которое идёт в жесткой сцепке с жизненными силами. Ни то, ни другое невосполнимо. Поэтому втроене любопытно, что ты придумала.

Я кивнула собственным мыслям.

— А если я скажу, что для этого не хватает знаний?

— Знаний?

— Информации, — кивнула я.

— Ты хочешь сказать, что века работы по изучению природы магии потрачены впустую?

— Не хочу. Но что если просто допустить, что сама магия для нас инородна?

— Как мутация, что ли?

— Наверде того, — серьёзно ответила я. — И знание о природе магии тоже инородно. Мы им просто не владеем. Как будто мы говорим на одном языке, а магия на другом.

— Теория Муррея, — снисходительно кивнул Юджин. — Она так и не получила подтверждения. Тот, кто сможет её доказать, получит Премию Магистрата Двенадцати.

— А это много? — за разговором мы не заметили, как пришли в Распределительный зал. Но прежде чем приступить к тому, что я собиралась сделать, нужно было подготовить Юджина. И самой подготовиться. С мыслями собраться, опять же. Сфинксы! Вот как я себе это вообще представляю?!

— Достаточно, чтобы войти в список самых богатых людей Триума, — хмыкнул Юджин. — Так за каким сфинксом мы здесь?

— Т-с-с, — прижала я палец к губам и дёрнула Юджина за руку. — Скажи, ты видишь книгу?

— Книгу? — изумился он, вглядываясь в столп света посреди трибуны. — Какую ещё книгу?

Он посмотрел на меня с сожалением, кажется, убеждаясь во мнении, что я таки чокнулась.

Я не удержалась, хихикнула.

— Сначала я видела её во сне. Потом — ментальным зрением — здесь, под Сферой Истины. А после того, как дотронулась до неё и восстановила магический резерв, вижу и наяву. С трудом, но вижу!

Юджин снова перевёл взгляд на столп света, а потом посмотрел на меня недоверчиво.

— Наверное, ты не можешь видеть её из-за водной печати. Я узнала символ из учебника, — продолжала я. — Но это неважно! Вчера я смогла её открыть, представляешь?! Листать страницы тяжело, они не слушаются, проваливаются сквозь пальцы. Но я успела увидеть главное, возможно, не в принципе, а для нас главное. Магию можно извлекать из пространства. И передавать. Там речь шла о каких-то носителях, я, правда, мало что поняла...

Юджин смотрел на меня задумчиво.

— Если бы не твоё рекордно быстрое восстановление после «забора», — пробормотал он. — Я в жизни бы не поверил.

— Так ты мне веришь? — спросила я и Юджин сглотнул.

Глава 25. Юджин

— Что надо делать? — спросил он и Аврора почему-то покраснела.

Эти её байки о том, что видит какую-то книгу, запечатанную водной печатью, которая помогает восстановить магию... они звучат слишком уж фантазмагорично, чтобы быть... ложью. Нарочно такое не придумать.

И тем более результата не получить.

Юджин искренне не понимал, в чём феномен новенькой, которую прозвали в академии Белой Вороной. Не удивительно, что с её даром и способностью к восстановлению она в считанные дни стала любимчиком преподав, докторусов, Магистров.

Студенты же, понятно, её невзлюбили по тем же самым причинам. Известно, что из неё «выкачивают» в несколько раз больше, чем из любого из них.

Но откуда, сфинксы, драные тогда этот цветущий и уверенный вид?!

— Иди сюда, — взяв его за руку, она ввела его в столп света.

— Что нужно делать? — хриплым от волнения голосом спросил он. Сама она оставалась за границей света, в тени, что добавляло их странной ночной вылазке в пагоду какой-то остроты и загадочности.

— Закрой глаза, — скомандовала она.

Недовольно поджав губы, он подчинился. В тот же миг на глаза его лег кусок ткани, которая затянулась в узел на затылке.

— Не доверяешь? — хмыкнул он.

— Не-а, — подтвердила она. — Не доверяю. Ты же бунтарь.

Зашелестела чем-то в темноте, негромко выругалась.

— И долго мне так стоять?

— Помолчи, пожалуйста.

Юджин не стал спорить. Интересно было, к чему она ведёт.

Но когда прохладные, подрагивающие пальчики заскользили по его груди, расстёгивая рубашку, напрягся.

— Ты что делаешь? — он накрыл её пальцы ладонью. Какая же нежная у неё кожа...

— Руки убрал, — она сказала это таким стальным тоном, что он послушался. Не ожидал, что она может говорить так.

— Ещё раз дёрнешься — и вали обратно в свой лазарет, — продолжала она почему-то дрожащим от злости голосом. — Валяйся там, жалея себя, ненавижу меня и Магистров. Понял?

— Понял, — уязвлённо ответил он и поклялся себе не произносить больше ни слова. Подумаешь, какая цаца!

Поморщился, когда подушечки её пальцев чуть надавили на магическую фистулу.

— Чувствуешь что-то? — её голос прозвучал совсем близко.

— Сфинксы драные! — вырвалось у него. От прилива магии закружилась голова, по коже строем пошли мурашки, кристалл в груди завибрировал.

«Что происходит?!» — почти вырвалось у него, но Аврора опередила.

— Юджин, — строго сказала она. — Ты что, смотришь?!

— И не думал, — дрогнувшим голосом ответил он. Чувствовать прилив сил было так восхитительно! Он уже и забыл, что такое нормальное самочувствие!

— Странно, — пробормотала она неуверенно. — Я чувствую взгляд...

— Как ты это делаешь?

— Одну руку держу на книге, вторую на твоей груди, — призналась она после паузы. — И концентрируюсь, что не так-то просто, когда на тебя смотрят...

— Здесь кроме нас никого, — сказал он и добавил быстро: — Не перестарайся.

— Я справлюсь.

— Я не о том, — тихо сказал он. — Не нужно много, правда. Мне уже намного лучше. Давно такого не было.

— Мне не тяжело, — возразила она и магический поток усилился. — Я не расходую свой резерв. Магия и вправду берётся из пространства.

— Ты не поняла. Хватит Магистрам и твоего «феномена». Не стоит вызывать у них подозрений.

— Об этом я не подумала, — призналась она и в тот же момент убрала руки с его груди. Юджину показалось на миг, что сердце остановилось. Но он нашёл в себе силы не просить ещё... хоть немного...

— Шухер! Пояжат!! Линяем!!! — раздались прямо над ухом вопли Игрита.

Юджин вздрогнул всем телом, но не пошевелил и пальцем. Он обещал Авроре — она пусть и командует.

— Ро! — продолжал восклицать призрак. — Нашла время раздеваться! Сюда Магистры идут!

Юджин почувствовал, как щёки его предательски пылают. Она что же, раздета? Но, сфинксы, нафига?!

— Одну секунду, — пропыхтела Аврора, подпрыгивая рядом. Судя по звуку — на одной ноге. — Всё!

Она сдёрнула с Юджина повязку, оказавшуюся тонким шарфиком и они понеслись вслед за Игритом.

Призрак повёл их совсем в другую дверь, подсказал, на какую выемку в стене нажать.

Сзади доносились шаги и голоса. Хвала Четырёхликой, тихие, неторопливые.

— Похоже, пронесло, — взволнованно шептала Игрита. — Вас не засекли! Ух! Вот это я понимаю, этот ваш адреналин и в подмётки не годится!

— Здесь закрыто, — дёрнул ручку Юджин.

— Дай я, — Аврора достала из кармана плаща ключ. — Может, подойдёт...

Стоило им оказаться снаружи, Игрита принялась носиться кругами и восклицать, заламывая призрачные руки:

— О счастье! И на смертном одре я буду вспоминать этот миг! Впрочем, о чём это я? Я к тому, что не хватает только хора толстых негрятенок, поющих Аллилуйя!

— Так как ты это сделала, Аврора? — спросил Юджин.

Прежде, чем Аврора успела ответить, между ними встрял призрачный силуэт, широко разведя руки. Так, что чуть светящиеся в темноте пальцы прошли сквозь обоих.

— Ну уж нет! Хватит с меня на сегодня волнений. По кроваткам, ребятишки. Не хватало ещё, чтобы вас хватились!

— Игрита права, — кивнула Аврора. — Завтра поговорим. Игрита, проводишь Юджина в лазарет?

— Что я, сам не дойду? — вырвалось у него возмущённое.

— Я не об этом, — улыбнулась Аврора. — Я-то умею ходить бесшумно, а вот тебе с Игритой будет надёжнее.

Глава 26. Аврора

Мы сидели в той же самой беседке, что и после первого моего «забора».

Только ощущения разительно отличались.

На этот раз последствия «забора» ограничились лишь небольшим головокружением, которое прошло после пары шоколадок и настоя антидонника, что Юджин предупредительно захватил в термосе.

— Главный вопрос на повестке дня — как помочь остальным, — подытожила я начатый разговор. — Меня ведь не просто так посчитали шпионкой, верно? Есть среди студентов те, кто докладывает обо всём Магистрам?

— А ты умная, — вскинул брови Юджин и невесело усмехнулся.

— Скорее, догадливая, — ответила я польщённо. Не знаю насчёт ума, но вот кто сейчас самый счастливый, тот я.

— Хуже всего, что в Аусвер всё очень непредсказуемо, — вздохнул Юджин. — Сегодня он или она — идейный борец против режима, а завтра... Всем страшно, Аврора. Самый лучший рычаг давления на мага — его дар. И жизнь. Поэтому ты права в том, что никому нельзя верить. Слишком рискованно. А мне-то как доверилась? — после небольшой паузы спросил он.

— Да у тебя на лице написано: сдохнешь, а не прогнёшься, — пожала я плечами. — С остальными сложнее.

Юджин вздохнул.

— Я ведь даже с девочками поделиться не могу, — в свою очередь вздыхая, продолжила я рассуждать вслух. — Всё думаю, чем это может для меня обернуться. Я даже не о том, что мне могут взять и «перекрыть кислород». Но, похоже, по совершенно непонятной для меня причине у меня одной есть доступ к этой странной книге, где хранится информация, как всем помочь. Вообще всем, понимаешь? А если Магистры об этом узнают?

— Тебя заберут в «Преторий», — вздохнул Юджин. — Будут исследовать. А то и на опыты пустят. Или, пользуясь твоей особенностью восстанавливать силы, получая магию из пространства, будут «дойти» непрерывно. На сколько хватит...

— Я не хочу, — помотала я головой и, подумав, добавила: — К тому же вести всех ночью в пагоду слишком рискованно... Сам видел, прошлой ночью еле ушли.

Южина передёрнуло от воспоминания.

— А ты действительно бесшумно ходишь, — сказал он. — Как тень.

Я грустно улыбнулась.

— Наверное, это одна из особенностей нелюбимых детей, — пожала я плечами. — Скользить тенью, не привлекая лишнего внимания. Сколько себя помню, всегда мечтала быть незаметной. Чтобы не видеть в глазах брезгливости, злости, досады...

Чтобы не всхлипнуть позорно, я закусила губу. Но носом всё равно шмыгнула.

— Ты чего, Ро? — рука Юджина взметнулась к моему лицу, но так и застыла в воздухе, не коснувшись щеки. — Ты очень красивая!

— Это ты из вежливости, — опустила я взгляд.

— Из какой ещё вежливости? — он отдернул руку, словно боялся обжечься. — Ты вообще себя в зеркало видела?

- Ладно, — отмахнулась я. — Попытка засчитана. Так вот ладно, ещё я... Или мы вдвоём с помощью Игрита. А как целой группой в пагоду припереться? Всей академией? Нет, это не выход... в книге сказано, что от неё ничего не зависит. Вообще ничего. Это всё умение контролировать дар. Надо только разобраться, как это делается...

И замолчала. Потому что страшно стало. Если каждый маг обретёт такую силу, что не то, что паводок, горы по воздуху пустит... Жуть.

— А я ведь тоже нелюбимый ребёнок, — вдруг сказал Юджин. Он поднял взгляд в небо. — Даже

больше, чем нелюбимый. Не родной. Я узнал об этом, когда отчим «сдал» меня миротворцам.

— А кто твой родной отец?

По-прежнему не глядя на меня, Юджин пожал плечами.

— Мать нагуляла меня от беглого каторжника. От мага. Есть места похуже, чем Аусвер, Аврора. Это в Преториуме нестрашно родиться с даром. Своих они в расход не пускают. В дистриктах же... сложнее, намного. Есть колонии для таких, как мы. Для тех, кому повезло меньше. В Хазире, например. Это неподалёку от моего дистрикта.

Голос его стал глухим, взгляд устремился в пустоту. Видно было, что говорить ему нелегко, но выговориться нужно.

— Отец — ну, то есть я до последнего думал, что отец, когда-то был скорняком. Держал небольшую лавку, торговал в ней собственноручно выделанными шкурами и кожей. Однажды он долго отсутствовал в дистрикте. То ли на охоте был, то ли по торговым делам... И мать целый месяц прятала в доме каторжника — беглого мага, из Хазире. И когда вернулся отец — этот каторжник был первым, кого он сдал. А потом стал жандармом. Я-то другим его не помню, но соседи рассказывали, что его тогда словно подменили. Уезжал одним человеком — вернулся другим. Я потом уже понял, это потому, что мать оказалась беременной. Мной. Дар у меня в семнадцать лет обнаружился.

Он вдруг криво усмехнулся.

— Мать, когда узнала, всё умоляла прятать дар. А я в толк не мог взять, думал, она перегибает палку: ну ладно ещё от других прятаться, но от семьи? Меня ведь, сколько себя помню, в глаза звали сыном жандарма. Я, конечно, прятал, ну, как мог. Несколько лет. Пока не расслабился. Но о том, что отец меня сдаст, я никогда не думал. Представить такое дико...

— А что потом? — тихо спросила я, когда Юджин замолчал.

Он вздрогнул, но ответил.

— В тот же день, когда отчим узнал, что я одарённый, он сдал меня миротворцам. Попрощаться с братьями не дал, как будто магией заразить можно!

Я молчала. А что тут скажешь? Значит, Юджин такой же изгой, как я. Жандармов не просто ненавидят. Их презируют. И часто доходит до мести, до самосуда. Миротворцы не всегда успевают... Да и не всегда спешат, чего уж там. Быть в собственном дистрикте жандармом... согладааем, надзирателем, шпионом... Что может быть хуже? Наверное, только быть сыном жандарма...

— Что у тебя с ним? — вдруг спросил Юджин, рывком оборачиваясь ко мне.

Я захлопала ресницами, не сразу поняла, о чём он. То есть о ком. А когда поняла, почувствовала, как к щекам приливает жар.

— С кем? — тем не менее спросила я, надеясь, что удастся уйти от неловкого разговора.

— Ты поняла, с кем, — сказал Юджин. — С Сенекой.

Я не стала опускать взгляд. Мне стыдиться нечего. Ну разве чуть-чуть. Но это моё дело!

— Давай не будем об этом, ладно?

— Он вынудил тебя? — не отставал Юджин. — Заставил?

— Юджин, пожалуйста... — покачала я головой. — Просто поверь, я здесь такая же пленница, как и все.

— Ты единственная, кто так спокойно отреагировал, когда узнал правду.

— Ну, не так и спокойно, — возразила я.

— Аврора! Я видел новеньких, бьющихся в припадках, привязанных к кроватям, с палками-кляпами в зубах! Видел ползающих на брюхе перед Магистрами! Видел...

— Ну вот ты и ответил на свой вопрос, — оборвала я его. — Скажи, мой припадок что-то изменил бы?

Юджин покачал головой.

— Скорее всего тебя заперли бы в лазарете и доили безостановочно. Пока не пообещала бы быть паинькой и не сеять панику и вольнодумие среди студентов, — сказал он уверенно и как-то горько.

— Быть с рождения не такой, как все, — осторожно подбирая слова, потому что поняла, Юджин слишком хорошо знает, о чём говорит. — Это закаляет. Но учит думать, анализировать. Из всего извлекать выводы. Ну и держать себя в руках, конечно.

— Ро! — из-за живой изгороди показалась Жасмин. Бледная, осунувшаяся... — В деканат. Срочно!

— Иду! — крикнула я и обернулась к Юджину. — Потом поговорим, ладно?

— Никому ни слова, — тихо проговорил Юджин, морщась и делая особый акцент на «никому». Я прекрасно поняла, о ком он.

— Можешь быть спокоен. Мы на одной стороне, — заверила я его.

Юджин проводил меня пристальным и каким-то болезненным взглядом.

Глава 27. Аврора

Дни складывались в недели, из недель умудрился каким-то образом сложиться месяц. Жизнь в Аусвер текла своим чередом.

Нудные, взрывающие мозг (хоть и познавательные) лекции. Выматывающие, лишаящие сил, но безумно интересные и увлекательные практические занятия.

Учиться оказалось здорово! За вот эту возможность — узнать новое, научиться применять магию на практике, раскрыть свой дар академии Аусвер можно было простить многое. Не всё, конечно.

Я боялась оказаться отстающей на общем фоне, я ведь и в дистрикскую школу не ходила. Зря, кстати, боялась. В Аусвер, как оказалось, набирают из дальних дистриктов. Преторианские и те, что из крупных дистриктов, таких, как Зенон, Фарвати, Милерин обучаются в закрытых магических школах. Самые умные и одарённые поступают в «Преторий» — правительственный университет.

Помимо основной и индивидуальной программы я записалась на все возможные факультативы по магмеханике, даже на выездные семинары выбираться удавалось. Каждый из таких — официальное разрешение на пропуск «забора», что, понятно, всеобщей любви ко мне не добавляло, и пофиг (и вообще ни для кого не секрет), что из-за сильного дара меня «доют» в разы больше, чем остальных.

Правда, в лицо никто не оскорблял (и на том спасибо), да и за спиной не шептались. Первые же попытки были надёжно пресечены Юджином — у него в Аусвер нерушимый авторитет. Даже невзлюбившая меня с первой встречи Жасмин не закатывала глаза при моём появлении. Из уважения к Юджину.

Но я бы в любом случае не обиделась. Просто понимала их всех, по-человечески. Всех. Не только студентов Аусвер...

Нет, о Магистрах речи не идёт, понятно, что они здесь всем заведуют. Но чем больше я приглядывалась к преподам, так сказать, к рядовым магам, которым повезло родиться в Преториуме, к докторусам... лишь убеждалась, что они — лишь винтики, шестерёнки в системе, имя которой — благополучие Триума. Понятно, что симпатии особой к ним не возникало, да и одним пониманием от последствий «забора» не избавишься, но всё же.

В первый месяц моего пребывания в академии Аусвер пополнился двадцатью студентами — тринадцать парней, семь девчонок — и Жатва была объявлена закрытой до следующего года.

Случалось, конечно, видеть всякое — нервный, истеричный смех, переходящий в рыдания и судороги прямо на лекции, попытки заигрывания с магами и Магистрами. Случалось и навещать больных в лазарете. Дважды Юджин остановил меня, успел буквально в последний момент, когда не в силах видеть, как мучаются студенты после «забора», я чуть было не предложила свою помощь с восстановлением магического резерва. И оба раза правильно сделал.

Первая девчонка, Гитана, оказалась подружкой одного из преподав. Он, кстати, сам ей помог восстановить силы — они с Тринадцатым Магистром, Сенекой, провели у её постели всю ночь.

— Экспериментировали втроём, — язвительно сообщил мне Юджин, наблюдая за моей реакцией.

Реакции он, к слову, так и не дождался. Я лишь плечами пожала и взгляд не отвела, хотя, сказать по правде, уколол. Сама не знаю почему, но было очень неприятно.

Вторая, новенькая, которой я компрессы на лбу меняла и обновляла кристаллы в магической лампе (докторус мялся, прежде, чем мне их выдать, а потом посмотрел на меня задумчиво и рукой махнул, мол, эх, была-не была и дал даже сверх нормы), так вот, она на меня потом в благодарность донос написала. Мол, я с докторусом... мерзко даже сказать.

Читала — и строчки перед глазами прыгали. Донос мне Бенжамин Сенека под нос ткнул. Предварительно заблокировав двери в своём кабинете. Ни разу его таким взбешённым не видела...

На Лолу, я, кстати, обиделась. Понимаю, что недостойно, и что в обиде виноват тот, кто обиделся, — так всегда мама говорила, не скупясь на подзатыльники и затрещины и не разбираясь, кто прав, а кто виноват, а вот неприятно всё же было. А если бы я ей о книге рассказала? О своём доступе к восстановлению магии? И донос к Сенеке на стол попал... Мамочки!

Но всё равно её было жалко. Как и остальных. Поэтому я снова и снова сбегала по ночам в пагоду, искала способы помочь.

Для того, чтобы видеть книгу уже не нужно было закрывать глаза, концентрироваться, ходить вокруг неё кругами, как коза на веревочке. А вот с тем, чтобы открыть её, листать... с этим была прям беда. Тяжело, выматывает — лучше уж лодку смолить, честное слово!

Но в книге я нашла главу о накопителях магии и их изготовлении! И даже больше: о перекидывании магических потоков вовне, чтобы сами заряжались, из пространства, как и было обещано! Правда, много было непонятного, вот вроде бы буквы те же, а на деле словно с другого языка переводишь!

Хорошо ещё, что Юджин мне помогал.

Переписывал страницы, систематизировал записи, помогал с расшифровкой. И даже нашёл, куда прятать полученный материал — он обнаружил в парке, за заброшенной экспериментальной площадкой «схрон» нашей знакомой горгульи — всякие бусы, серебряные ложки, кристаллы (а преподы на нас грешат!), осколок фарфорового блюда с золотой каёмкой и надписью «...няя птица»... Ну, ворона она и есть ворона, даром что с рогами и каменная!

После обнаружения тайника в него переключал медальон Юджина, с локоном волос матери внутри и нам разрешили прятать там папку с выуженной из книги информацией. Правда, каждый раз после возвращения из Преториума, куда мы выезжали на практику (с полтергейстами общаться, с призраками договариваться, духов стихий умирять — мало ли дел у студента магической академии) мы всегда привозили «сороке» бусы и всякие блестящие штуки. Юджин как-то раз хотел блестящими обёртками от конфет отделаться, так его чуть не заклевали.

Надо сказать, я тогда так смеялась, что думала не разогнусь.

Горгулья оказалась не злой, а как любил сторож в молельне говаривать, «домовитой».

С Юджином — в силу его надо мной кураторства и общего дела мы стали не разлей вода.

Как только нас не дразнили! Понятно, по-доброму. В основном.

Но поскольку меня записали «в его девушки», мой собственный статус в Аусвер тоже чуть-чуть вырос. Девчонки завистливо вздыхали, пытались выведать, чем я его «взяла». Мол, самый неприступный красавчик в академии.

Знали бы они, что все эти глупости вообще тут ни причём.

Игрит, которая также в добыче информации участвовала с особым азартом, правда, с расшифровкой записей не помогала, мотивируя это тем, что она «больше не работает Оракулом», посмеивалась: мол, Юджин многое бы отдал, чтобы то, чем дразнили, было правдой.

Я только фыркала. Мне по этому поводу разбирательств с Сенекой хватало.

А ведь ты попробуй ещё, найди в этом сумасшедшем графике время посидеть над записями!

Точнее, над интересующей меня главой

«Об автономных носителях магии с возможностью её последующей передачи».

Тут прямо было над чем задуматься...

Вот взять, к примеру, телефоны. На них в Преториуме все просто помешаны!

Принцип действия — передача звука на расстоянии. Сам аппарат — я вдоволь навозилась со сборкой на факультативе по магмеханике — довольно прост. Кожаная мембрана, сигнальный рожок для усиления звука. Кристаллы для распознавания звуковой волны, которые постоянно выходят из строя, и, как следствие нуждаются в регулярной смене... Но главное не это.

Без специальной станции ни один телефон работать не будет.

А работает она за счёт электричества, которое вырабатывается динамо-машинами при помощи движения лопастей, требующих, опять же, непрерывной магической подпитки.

Электричество в Преториуме дорого. О дистриктах вообще молчу — там о таких чудесах и вовсе только слышали. И это в лучшем случае.

Прочитав в книге об энергонезависимых мобильных передатчиках, я потом неделю спать не могла.

Это ж какая экономия!

Про некие станции и орбиты, правда, ничего не поняла, ума не хватило. Но зато меня озарило! Если совместить телефонную связь с магией? Ну, то есть вообще отказаться от электричества?

Идея так меня захватила, что я пошла посреди ночи искать Игрит, чтобы поделиться с подругой своими идеями, и призрак, которому вообще-то сон ни к чему, назвал меня сумасшедшей. В этом

они с Юджином были солидарны — мой куратор постоянно беззлобно посмеивался, что я своим «упорством к наукам, сентенциям и диспутам» — первый в мире человек, который задолбал призрака.

Но идея-то и в самом деле блестящая!

Если связь происходит посредством магии, а именно — совмещения аппарата с магическим порталом, то там не только голос будет слышно (кстати, куда чётче и качественней!), но ведь можно даже увидеть собеседника, вдохнуть воздух, которым он дышит, ощутить его эмоции, чувства, переживания. Словом, встретиться в полном смысле этого слова, оставаясь при этом на расстоянии!

— Магофон — проще и удобнее стандартных телефонов, связь которых бежит по проводам! — захлёбываясь от восторга, рассказывала я на следующий день Юджину. — А если удастся вывести потоки магического кристалла на извлечение магии из пространства, ну, по тому же принципу, как мы восстанавливаем резерв, можно будет использовать самые дешёвые!

Юджин моего восторга не разделил.

— Я не понял, — нахмурился он. — Мы ищем способ своим помочь, или привнести в жизнь преторианских толстосумов ещё немного комфорта?

— Немного комфорта?! — рассвирепела я. — Да ведь это не только для Преториума! Дешёвые магофоны и в дистриктах приживутся, и внешнюю торговлю наладить можно!

— Чушь, — отмахнулся Юджин. — Понятно, что торговлю Преториум под себя подомнёт.

— А патент технологии? — не сдавалась я.

— И патент, — закатив глаза, кивнул Юджин.

— Ну, хоть процент от прибыли...

— Так это всё ради прибыли?!

— Не злись, — замахала я руками. — А вот, к примеру, синема?

— А что — синема?

— А если запатентовать технологию фильмов с эффектом присутствия? Звуки, запахи, бабочки, опять же, вылетающие в зал, даже ветер с метелью — вообще всё!

— Ну, преторианцам вряд ли понравится, если их в синематографе снегом засыплет, — проворчал Юджин и нехотя добавил: — Хотя... использовать против Преториума их же деньги, для Дела... А ты знаешь, идея не так плоха.

И так он выделил это «Дело», что у меня почему-то в груди похолодело.

— Какое такое дело? — переспросила я. — Помощь нашим?

— Нашим, — глухо повторил Юджин и нахмурился ещё больше. — А как эту твою автономную магическую подпитку ещё применить можно?

Я пожала плечами.

— В магических лампах, например, — сказала я немного обиженно.

— В лазарете?

Я кивнула.

— Магические восстанавливающие лампы, по сути — искусственный источник магии, которая приводится в движение за счёт электрической энергии. В процессе работы магическая лампа испускает тело накала, нагреваемое импульсом магического кристалла до нужного фона, который способствует восстановлению резерва студентов. Одноразовые кристаллы дороги, сам знаешь. В буквальном смысле. А если заменить их на самовосстанавливающиеся спирали... Ещё магические батарейки можно сделать, с автоматической подзарядкой... Я к тому, что процесс автономного насыщения живого организма очень сложный, почему бы не начать с малого?

— А ведь и оружие можно изготовить автономное, так ведь? — спросил Юджин.

Я нехотя кивнула.

Об оружии я не подумала.

Куда интереснее думать о том, что принесёт пользу, а не вред! О носителях, о технологии их производства... Эх, были бы знания, материал, технологии... и собственная лаборатория в идеале!

— А что всё-таки за дело, о котором ты говоришь? — спросила я. — Я ведь чувствую, ты чего-то не договариваешь.

— Чувствует она, — фыркнул Юджин.

— И всё-таки, — я намерена была довести дело до конца, но вдруг вздрогнула и перевела взгляд запястье. Вместе с браслетом-напульсником, которые для всех студентов академии обязательны, с некоторых пор на моём запястье появился ещё один. По обычной с виду кожаной плетёнке с бусинками и серебряными колокольчиками — ничего особенного, все девчонки в Аусвер такие носят, — побежала красная строка. Я торопливо убрала руку за спину.

Я вскинула взгляд на Юджина, который подошёл так близко, что, если сейчас вдохну всей грудью — непременно его задену. Грудью.

— Хочешь узнать о Деле? — прищурившись и прожигая меня взглядом спросил Юджин. Голос его звучал почему-то хрипло.

— Я... мне... мне надо идти, — пролепетала я.

Я чувствовала дыхание Юджина на своей щеке, его близость нервировала. Казалось — одно неосторожное движение... И этот миг может очень дорого обойтись нам обоим.

— Ты очень красивая, Аврора, — прошептал Юджин и на миг его лицо исказила судорога, словно эти слова вырвались у него против воли.

— Д...дай пройти, пожалуйста, — одними губами прошептала я.

— Пойдёшь к нему? — спросил Юджин, упираясь в стену за моей спиной руками. — А как же твоё любопытство? Не хочешь узнать о Деле?

— Мне правда, надо идти, — помотала я головой.

— Что у тебя с ним с ним? — повторил Юджин вопрос, который задавал уже не раз. — Почему ты бежишь к нему по первому же рывку?

— Ничего личного! — всхлипнула я, и, каким-то чудом умудрилась присесть, сползая по стенке, чтобы в следующий миг оказаться на свободе. Сердце колотилось, как бешенное, пропуская удар за ударом. — Ничего личного, — добавила я уже спокойнее, на ходу.

Что может быть общего у студентки Аусвер с самим Бенжамином Сенекой?

Он целовал меня. Почти каждый день. Поцелуи были то невыносимо-нежными, то жадными, подчиняющими, окутывающими властным, хмельным желанием. От них колени подкашивались, в голове клубился туман, мысли разлетались стайкой испуганных бабочек...

День за днём я привыкала к его губам, к рукам, прижимающим меня так близко, что я задыхалась, плавила от стыда и ответного желания.

Я не признавалась в этом даже Игриту, ставшей моей ближайшей подругой, но... я ждала его поцелуев. То и дело косилась на браслет, его подарок, ждала. Ждала, когда он позовёт меня. Ждала, когда прижмёт к себе, обжигая ладонями, когда поцелует. Ловила себя на том, что обвивала его шею руками во время поцелуев, отвечала на них пылко, и, как сказала бы мачеха, распутно... целовала его в ответ — и ничего не могла с собой поделать.

Что может быть общего у белой вороны с блистательным Магистром?

Ничего личного... Сделка за ключ от пагоды.

В ночную пагоду Юджин дважды умудрился протащить Касьяна, ещё несколько раз — девчонок, по одной. Которые гарантированно будут молчать, сказал он. Тасю, Жасмин, Ветлу, Ари...

И я делилась магией. Хоть и боялась до одури, что моя тайна расткроется. Слишком многое на кону.

Слишком многое.

Глава 28. Бенжамин

Телефонный звонок грубо вспорол воздух, отозвался тупым набатом в висках. До того, как задремавший только под утро Бенжамин, снял трубку с рычага, уже знал, кто звонит.

— И я рад тебя слышать, отец, — хрипло и немного саркастично проговорил он. Как говорится, соврал, не моргнув. Со сна в горле пересохло, и Тринадцатый Магистр надрывно закашлялся.

— Ты помнишь о приглашении на завтрак от Луция? — раздалось с другого конца провода. Яблочко от яблони... Отец Бенжамина, Магистр Люпус Сенека тоже не любил тратить время на приветствия и прочий церемониал. — Будешь?

Бенжамин усмехнулся.

— Как ты мог усомниться во мне, отец? — проговорил он с деланным изумлением. — От таких приглашений не отказываются.

— Осторожно, Бенжамин, — сказал Люпус. — При всём уважении к твоей гениальности. И за куда менее тонкие остроты и тон с плеч слетела не одна голова.

— Я помню, что изначальное число Магистрата Преториума — Двенадцать, — сухо сказал Бенжамин. — Тринадцатый же Магистр — понятие эфемерное и необязательное, как любое новшество, которое способно подточить всю устоявшуюся веками систему.

— Бенжамин!!

— Не знаю, что тебе померещилось, отец, — сказал Бенжамин вежливо и даже как будто подобострастно. — Но ты зря волнуешься за меня. Обещаю быть пай-мальчиком.

— Очень на это надеюсь, — и трубка перешла на тонкий, едва различимый комариный писк, связь прервалась.

Бенжамин с наслаждением потянулся.

Ну что ж. Завтрак так завтрак. Даже если у президента. Он, Бенжамин, неслабо проголодался!

Резиденция Тода располагалась на холме, откуда открывался несравненный вид на Преториум. Выходя из мобиля, Бенжамин бросил мимолётный взгляд на истинное величие камня и кристаллического стекла. Монументальные арки, задевающие небо макушками колоссы, словно живущее собственной жизнью движение магистралей, дирижабли, бороздящие воздушные просторы... В голове успела пронестись мысль, что ни сам президент, ни его опора, состоящая сплошь из Магистров, префектов, начальников специальных служб, собравшихся на этот завтрак, не сумела ни оценить, ни вообще заметить красоты родного города.

Длинный стол был сервирован в саду — в беседке, выполненной в стиле амфитеатра, окружённой статуями и фонтанами.

Во главе стола восседал сам Луций Тод, получивший народное прозвище Золотой Лев, по правую руку от него — первый префект, Магистр Люпус Сенека. По левую — Магистр Нгеллер, тоже сыскавший народную славу под прозвищем Чёрного (или Безумного) Доктора. Остальные десять Магистров — с незапамятных времён опора и благополучие Триума, которому их предки поклялись служить до последней капли крови, причём клятву эту подкрепили своей же кровью, тем самым обрекая потомков на вечное служение, тоже сидели за столом.

Ждали только Бенжамина, Тринадцатого Магистра.

Президент (который — ни для кого не секрет — питал к Бенжамину слабость, сфинкс его знают, за что, но, поговаривали, за его гениальность, как учёного) никак не отреагировал на его опоздание, наоборот, радушно улыбнулся и гостеприимно взмахнул рукой, приглашая присаживаться.

Бенжамин поймал на себе брошенный исподтишка взгляд Магистра Нгеллера и внутри всё похолодело. Завтрак этот, как он и думал, не просто так. Худшие его опасения оправдывались.

Предчувствие не обмануло: после завтрака президент отхлебнул из высокого кубка антидонника — человеческий век недолог, но его можно значительно продлить с помощью новейших разработок, как то лампы магического накаливания и прочие магические изобретения на грани фантастики — и по-отечески улыбнулся Бенжамину.

— Прогуляемся, сынок?

— С радостью, — отозвался тот, все силы направляя на то, чтобы удержать колкость на языке.

Особенно это трудно было сделать, когда заметил, что Нгеллер прячет затаённую усмешку в уголке кривого рта, а глаза Чёрного Доктора на миг вспыхивают безумием.

Конечно, такой дар не мог долго оставаться незамеченным.

Слухи о «белой вороне» из дальнего дистрикта дошли до президента...

— Красиво, правда? — Тод обвёл рукой пышный сад с неведомыми цветами, распускающимися на кустах и деревьях, с павлинами, неспешно прохаживающимися по вымощенным золочёной плиткой аллеям, с многочисленными, самых причудливых форм фонтанами с золотыми рыбками. На ветвях сидели райские птицы с длинными раздвоенными хвостами и пели мелодичными голосами, над головами порхали бабочки с метровыми крыльями...

— И красота эта, как и любая красота, требует жертв, — не стал ходить вокруг да около президент. — Говорят, в Аусвер появился редкий талант, даже, пожалуй, дар. Дар, предназначенный самой Четырёхликой послужить Триуму!

— Слухи сильно преувеличены.

— А вот Нгеллер так не считает. Но ты огорчён, мой мальчик. Ты сильно расстроен!

— Ещё бы, — Бенжамин натянул на лицо улыбку. — Ещё бы! Интересный эксперимент уплывает из моих рук в его!

— Вы можете работать вместе, — отмахнулся президент. — Мне доложили, что дар у новой студентки Аусвер такой сильный, что на всех хватит.

— Поэтому я и не спешу, — процедил Бенжамин. — Я давно мог затребовать её в «Преторий», пользуясь правом куратора Аусвер.

— И что же тебя останавливает? — хитро прищурился президент.

— Только одно: благо Триума.

— Вот как?

— Да, я считаю, что живой и с минимальным вмешательством в дар она принесёт большую пользу нашему государству.

— С минимальным вмешательством? Мы точно говорим об одном и том же? — дёрнул уголком рта Тод. — Так ты называешь процедуру «забора»? Должно быть дар действительно силен и требует более пристального изучения.

Бенжамин выругался про себя. Проклятый Нгеллер! Он ведь почти всё уладил, всё подготовил, почти нашёл неоспоримые аргументы для Магистрата, чтобы без лишнего шума «изъять» одарённую студентку в «Преторий»! Где ей ничего не будет угрожать. Пока он рядом... И всё сфинксам под хвост!

Но так просто, без боя, он не сдастся!

— И всё же я полагаю...

— Ты здесь не для того, чтобы полагать, мой мальчик, — перебил его президент, как бы виновато разводя руками. — Это моя забота. А твоя...

— Отдавать все силы и знания на благо Триума, — в свою очередь, перебил Сенека.

— Ты забыл добавить, что это — долг и честь для Магистра, — Тод отечески похлопал его по плечу и проговорил задумчиво. — Интересный отчёт от Рэйба, ректора Аусвер. Говорит, она стала всеобщей любимцей. Надо бы мне самому посмотреть на новенькую магичку-альбиноса, до того, как ей займётся Нгеллер...

Сердце Бенжамина пропустило удар.

Ну ещё бы, любимица. У девочки очень крепкая психика. Даже, пожалуй, чересчур. Когда она пришла ночью в пагоду не одна, а с рыжим, и, завязав тому глаза, разделась догола, Бенжамин думал, не выдержит. Выдаст себя. Убьёт студента. Заберёт её оттуда без официального разрешения. А там будь что будет. Он ни с кем не собирался ей делиться, ни с кем!

В рекордно короткие сроки Аврора, или, как он называл её про себя, Рори, стала для него жизнью в буквальном смысле слова. И дело было не только в странной особенности её дара, что вернул ему вкус к жизни и утраченное здоровье, нет.

Было в Авроре что-то другое. Больше. Куда больше...

Он до последнего думал, что выйдет, не выдержит, выдаст себя, наделает глупостей, поставит их обоих под удар.

Остановило поведение девчонки. Она держалась ровно, трезво. Глядя, как она делится с рыжим своей чудесной особенностью — восстанавливать выпитый резерв, Бенжамин видел, чувствовал её отстранённость. Какую-то трезвость, ясность за гранью человеческого понимания. Она делала то, что должна была. И на этом всё.

Он, Тринадцатый Магистр, вздохнул с облегчением, когда под «Сферой Истины» ночью стали появляться и другие студенты. И с ними она держалась и действовала так же ровно, как с Валкони.

Затмевающая разум ревность не улеглась, нет. Скорее затаилась под давлением его пылкого, всепоглощающего желания. Ведь если он навредит кому-то «с её стороны» — будет ли она целовать его также страстно, так пылко, продолжит ли открываться перед ним, пусть и на считанные мгновения?

Он не смог узнать её ближе, так, как хотелось бы, и всё же знал ответ на свой вопрос: нет.

Поэтому Бенжамин терпел. Сходил с ума от ревности, от переполняющих его чувств к ней, от совершенно иррациональных, необъяснимых эмоций — и терпел. Ждал удобного случая, когда можно будет расположить её к себе. Сделать ещё ближе. А потом и вовсе забрать из Аусвер. И... однажды она откроется ему.

Аусвер, курирование которой раньше было тягостной обязанностью, отказаться от которой было невозможно (отдельное спасибо твари Нгеллеру!) стала для него чуть ли не родным домом.

Днём Бенжамин приходил, чтобы целовать её, вдыхать её аромат, ощущать нежность её кожи и мягкость волос. Ночью — чтобы видеть её.

Беленькую, словно сотканную из света, воздушную... Какую-то слишком чистую для этого мира. Девушка оказалась стыдливой, а значит, невинной (одна мысль об этом бросала Бенжамина в жар!). Не напоказ. Даже оставаясь одна, притом, что одежда сильно заземляет действие потоков магических кристаллов, из которых и сложен в пагоде купол, Сфера Истины, она больше не раздевалась.

Если была одна — оставалась в ночной сорочке, с другими студентами — только в мантии. Но природа её красоты была так удивительна, что Бенжамину достаточно было просто видеть её саму — улыбку, глаза, тонкие, изящные пальцы. И неважно, была на ней одежда, или нет.

Ему приходило на ум такое сравнение: истинная красота подобна вспышке света. Сперва тебя ослепляет, и лишь затем, немного (но не до конца) привыкнув к ослепительному потоку, ты начинаешь замечать что-то другое. Такое же впечатление производила на него Аврора — сначала ослепляла, озаряя белым светом, лишая возможности думать, взвешивать, анализировать, а потом «проступала» из этого света сама, тёмным силуэтом (что только усиливало эффект!), окончательно «добывая» восхитительной, неземной красотой!

И даже теперь, когда рядом почти всегда крутился этот рыжий... Это было лучше, много лучше, чем вся его жизнь до.

Хуже всего было то, что Валкони ему нравился. Несмотря ни на что, нравился. Искренний, открытый, сильный. Слишком молодой и горячий, это да. Но такой не предаст, не продаст.

Такого выгодно иметь союзником.

Студент на стороне Магистра... Смешнее ничего не придумаешь.

Конечно, от студентов не скрывалось, что их жертва священна. Что всё это — для блага общего дела, для блага Триума. Умалчивалось, что для всего человечества, но до этого не каждый Магистр доходит своим умом... Что уж говорить о студентах.

Ну а как, сфинксы драные, они должны реагировать? Те, что на другой стороне? Те, которым повезло меньше, просто потому, что родились не в том месте? Заживо принесённые в жертву? Чего от них хотят? Любви?! Понимания?!!

Этого Бенжамин хотел по-настоящему. От одной Авроры.

Он лелеял в сердце тщательно спланированный сюрприз для девочки, который непременно растопит лёд между ними. Ну хотя бы позволит тому тронуться...

И вместо этого прямо сейчас получает приказ самому сломать её. Своей рукой. Приказ, которого Магистр не в силах ослушаться...

— Поговори с Нгеллером, Бенжамин, — продолжал тем временем Тод. — Договоритесь полюбовно — и считай, что у тебя официальное разрешение на старшинство в новом эксперименте. Если же нет...

Бенжамин медленно кивнул, прилагая нечеловеческие усилия, чтобы прямо сейчас не сомкнуть пальцы на мощной, жилистой шее Золотого Льва.

Самому сломать её?! Своей рукой?!

— Я вас понял, Тод, — склонив голову, ответил он ровным тоном.

Глава 29. Юджин

— Повезло тебе, парень, — смотритель подмигнул ему и снова перевёл взгляд на Аврору.

Юджин невольно поднял голову, в свою очередь глядя на карабкающуюся вверх по лестнице девушку и покраснел. Ро сказала, хочет рассмотреть колёса ветряной мельницы, которую ин наказано «осмотреть и доложить вероятные причины поломки», поближе.

— Да мы не вместе, — опутив взгляд, слишком торопливо ответил Юджин.

— Конечно, не вместе, — смотритель лукаво прищурился и морщинки вокруг выцветших глаз прорезались ещё чётче. Лицо старика, похожее на высушенный изюм, было приятным, каким-то искренним. Видно было, что улыбается он часто. — Потому ты и не сводишь с неё взгляд, а, парень?

Юджин не нашёлся, что ответить. Он и в самом деле не сводил глаз с Авроры. Смотреть на неё было приятно и как-то необходимо, что ли. Стоило ему отвернуться, как мир вновь становился таким же, как был до неё — серым, беспросветным, безрадостным.

Как назло, Аврора хорошела день ото дня. Белоснежные волосы её чуть потемнели, обрели нежный оттенок пепельной розы. Глаза из бледно-розовых, прозрачных, стали лиловыми, как у лошадей. Красиво.

— Всю жизнь я проработал смотрителем ветряной мельницы, сынок, — вторгся в мысли об Авроре голос старика, эдакого работяги, что, в общем-то, редкость для утончённого, изнеженного Преториума. — Чего только не видел. И засуху, и налёты воздушных даймонов, и Кризис Кристаллов. Но чтобы вот так, поломка за поломкой... Такое впервые.

— А кристаллы менять пробовали? — стараясь, чтобы голос его звучал как можно участливее, и в то же время не в силах контролировать внутренний гнев, спросил Юджин.

Старик ответил виноватой и понимающей улыбкой.

— Как же! На этой неделе только. Целых три раза... Если оно так и дальше пойдёт, потом — то что? — он как-то обречённо вздохнул, словно не старая мельница застыла, а его сердце.

Ядовитый ответ уже висел на кончике языка Юджина. Но съязвить о том, что скоро всем преторианским толстосумам придётся потуже затянуть пояса, не успел.

— Юджин! — крикнула Аврора сверху. — Лезь сюда! Я, кажется, нашла...

Сухо кивнув старику, Юджин обошёл того и принялся подниматься по лестнице вслед за Авророй.

Она сидела на коленях, прямо на дощатом настиле и с сосредоточенным видом водила руками перед собой.

Юджин, который, казалось бы, успел привыкнуть к чудачествам подруги, вытаращил глаза и осторожно присел рядом. Это был тот самый случай, когда ему хотелось пощупать ей лоб.

— Всё ясно, — сказала она, оборачиваясь. — Не бойтесь, — добавила тут же в сторону, из-за чего Юджин часто заморгал. — Он свой. В доску.

— Ты с кем разговариваешь? — осторожно спросил он.

— Так я и думала, — ответила она с улыбкой. — Наша магия, как бы это сказать, сильно ограничена. Чего-то в ней не хватает. А та, что добывается из нас и помещается в кристаллы — вообще вторичная. Им это не нравится.

— Кому — им? Аврора, иногда ты пугаешь.

Девушка тихо рассмеялась.

— Ты не видишь, — помотала она головой. — Наверное, дар не позволяет. Ну, уровень... Помнишь, мы обсуждали пространственную природу магии? Колёса крутятся не за счёт кристаллов...

— А за счёт чего?! — одним предложением Аврора разрушила его привычную картину мира. Хорошо, что это слышит он один. Услышали бы преподы, или, не дай Четырёхликая, Магистры, решили бы, что Аврора сошла с ума.

— Это очень тонкий уровень, — ответила она с улыбкой и снова обернулась к колёсам. — Его не видит ни глаз, ни приборы. Магия в кристаллах привлекает духов и фэйри.

— Духов?!

Она кивнула, не оборачиваясь.

— Духов воды, — её голос вдруг неуловимо зажурчал, как ручеек. — Если бы ты мог их видеть... Они вьются между лопастями, и даже мелко трясутся от хохота. Мельничные колёса щекочат их, понимаешь? Но им не нравятся новые кристаллы... Им больно, Юджин. Они чувствуют боль тех, у кого эту магию отняли! Поэтому они покидают насиженное место...

Конечно же, Юджин ей не поверил! Не такой он дурак. Но всё же, помимо воли у него вырвалось:

— Но раньше их всё устраивало.

— Может, они терпели, — пожала Аврора плечами. — Может, эмоции тех, у кого отбирали магию для этих кристаллов, оказались для них слишком острыми, болезненными... Но им не нравится. Однажды они все уйдут.

— Ты представляешь вот это вот твоё откровение в отчётности? — осторожно уточнил он. — Мельница вышла из строя, потому что духам не нравится наша боль?!

— Первая из многих, — уверенно кивнула Аврора. И, подумав, добавила: — Но в отчётность вносить эту информацию, пожалуй, не стоит. Они всё твердят о каком-то двойном воровстве, о том, что всё это слишком...

— Запишем, что требует смены кристаллов? — вздохнул Юджин.

— Не поможет.

— И что, что не поможет? Пусть дальше Магистры разбираются! Хоть скажут по лопастям, как мартышки, хоть вьются и мелко трясутся вместе с духами!

— Нет, — покачала она головой. — Кристаллов нужно будет всё больше, и... сам понимаешь.

— Что же ты предлагаешь?

— Я попробую уговорить их, объяснить, что это временно. Потерпеть. Они же разумные. А скоро мы обязательно что-нибудь придумаем... С помощью книги я могу обратиться к ним на их языке.

Юджин нахмурился. Недавно Аврора обнаружила, что может «вызывать книгу» не только под Сферой Истины. Но это было тяжело для неё! Даже для неё! Она один раз такое проделала — на магическом спарринге, когда склонилась над потерявшим сознание студентом и тайком качнула в него магии... Потом уже Юджину призналась. В лазарете. А он взял с неё обещание, что больше она такого не отчебучит. По-крайней мере, пока не окрепнет достаточно, а её дар действительно становился сильнее день ото дня.

— Нет, Аврора, — начал было он, но замолчал, запнулся, когда его кисть накрыли её пальчики.

— Ты просто будь рядом, хорошо? — попросила она.

Быть рядом... Юджин был готов не покидать её ни на секунду. Всю жизнь. Стоит ей лишь попросить. Или даже приказать.

...Пропощавшись со счастливым зрителем — у старика даже слёзы выступили на глазах, боялся, что его самого спишут вместе с переставшей работать мельницей, так сказать, за выслугу лет — они решили пройти пешком по улицам Преториума.

Аврора восстановилась быстро, по сравнению с прошлым разом — рекордно быстро. Разве что не пожелала воспользоваться транспортом, хотела свежего воздуха. Разве он мог ей отказать?

— Я думаю, наша магия — это нечто иное, — задумчиво проговорила она, продолжая начатый ранее разговор. — Сродни фильтру, что ли... Усилителю чувствительности, ощущений, видения. Всё остальное творит магия этого мира.

— Ты понимаешь, что такие мысли подрывают привычную картину вещей? — спросил Юджин. — А люди не любят, когда кто-то глумится над их предрассудками.

— А разве я глумлюсь? — удивилась Аврора.

— Тебе нужно быть осторожной.

— Я очень осторожная.

— Я думал, альбиносы не переносят солнца, — задумчиво сказал он, желая сменить тему разговора.

Аврора ахнула, прижала ладони к щекам, подняла взгляд к диску солнца, застывшему в самом зените.

— Точно! Чем я думала, когда решила прогуляться?! Четырёхликая! И защитный крем забыла! Да я же волдырями к вечеру покроюсь!

— Не думаю, — покачал головой Юджин. — Ты даже немного загорела.

— Загорела?! Альбиносы не загорают!

— И глаза потемнели, — продолжал он, не в силах остановиться. — Они больше не розовые. Скорее... фиалковые, — пробормотал он, вдруг смутившись и отвернулся.

Аврора чуть не носом прижалась к витрине, всматриваясь в своё отражение и ахнула.

— Ты, похоже, единственная, кто не заметил перемен в себе, — тихо сказал Юджин.

Она улыбнулась виновато.

— Наверное, у меня просто не хватает времени, чтобы посмотреться в зеркало.

— Завтра нас опять отправляют на практику, — напомнил он.

— Отлично. А куда? — она вновь обернулась к витрине, заправила выбившийся из причёски локон за ухо, улыбнулась. Девчонка и есть девчонка.

— В дистрикт-28-С, — сказал он. — Это в двадцати километрах от Зенона.

— Ты шутишь! — она даже подпрыгнула на месте, схватила его за рукав. Фиалковые глаза лучились счастьем и неудержимым восторгом. — Мы поедем в дистрикт?!

— Тебя послушать, Ро, так я шутник ещё тот, — пробормотал он и добавил, не в силах скрыть и свою радость: — В дистрикт, ага. Прочь из этого поганого Преториума. Путь неблизкий, поэтому там и заночуем.

Глава 30. Аврора

Это был настоящий подарок! Дар судьбы, не меньше!

Нет, практиковать в Преториуме тоже было жуть как интересно, я ведь и не выезжала практически всю жизнь никуда из родного дистрикта. Столицей Триума оказался дивный новый мир, яркий, головокружительный, как водоворот, со своими правилами, порядками, законами. В том числе физическими и магическими. Пусть с точки зрения студента Аусвер неприятными, жуткими, несправедливыми... но с другой стороны, не будь здесь такая концентрация магического фона, ведь я о книге бы даже не узнала! Да какой там о книге — если бы не «жатва» по дистриктам, лежать мне сейчас на дне Данаи...

Так что во всём нужно видеть хорошее. Даже там, где его, казалось бы, нет и быть не может.

Мама всегда говорила: «Скажи спасибо, что жива-здорова, руки-ноги целы. А остальное приложится». Так я и рассуждала. Ничего, добудем оборудование, лабораторию. По сути, изобретение автономных магических носителей, которые смогут восполнить дыры в государственных магических резервах — дело времени. Упирается всё лишь в поиск собственной лаборатории, сырья, налаживание производства и... совсем чуть-чуть в нехватку знаний. Информации по-прежнему не хватало, но рядом всегда была книга, из которой можно почерпнуть недостающие детали мозаики. Вот со временем... со временем и вправду беда.

Поэтому над теорией — пока ещё над теорией — мы работали с Юджином всё свободное время.

И тем не менее, новое практическое задание пришлось по душе обоим.

Нас с Юджином направили в дистрикт-28-С. Вроде там на фермах миражи шалют, нужно фон проверить. Пока ехали по Преториуму — обсуждали стратегии. Шумно обсуждали, в голос. С криками и размахиванием рук — мы без этого не можем.

Прохожие и попутчики косились на наши чересчур буйные измышления, но замечания студентам Аусвер не делали. Правильно, ну нас. Вдруг мы кусаемся.

Но когда рейсовый аккубус выехал за пределы Преториума, направляясь к ближайшей башне-остановке дирижаблей, мы оба замолчали. Пользуясь тем, что в аккубусе оставалось, кроме нас, с пяток пассажиров, в основном — подростки, мы открыли окна и с наслаждением подставляли лица ветру. Мимо проносились зелёные покрывала холмов, шапки лесов, рукава рек.

— Дистрикты, — вырвалось у меня. Губы сами собой растягивались в улыбке. Нет, красоту Преториума, я, конечно, оценила, но вот такой нетронутой, гордой и скромной дикой природы, мне, оказывается, очень не хватало.

Юджин мотал головой по сторонам с видом голодного за накрытым к обеду столом. Глаза его так и сверкали, ноздри раздувались.

— Вот бы угнать этот аккубус, — мечтательно пробормотал он. — И на юг, в неизведанные земли... Может даже, на какой корабль...

— Ну, на угон много ума не надо, — пожала я плечами. — Достаточно отвлечь водителя.

— Ага, а клейма? — Юджин покосился на мерцающий знак над своим плечом.

— А вот сюда посмотри, — я поманила его и раскрыла перед ним папку. — Если перекинуть вектор...

— Ро! — Юджин выхватил у меня папку и какое-то время с жадностью вчитывался в неровные строки (писать пришлось в темноте, ночью, под одеялом, но жалко было, если пришедшая во сне идея развеется с первыми лучами рассвета). — Ты понимаешь, что ты сделала?!

— А что я сделала? — захлопала я ресницами, ни дать, ни взять, преторианская штучка. Юджин приснул.

— Мы же не просто можем их снять! — не унимался Юджин. — Мы и управлять ими можем! Так, что Магистры увидят тот маршрут, который мы сами захотим им показать!

— Ага, — кивнула довольная я.

— Это же... это же свобода!

— Пока только её призрак, — пожала я плечами. — До свободы нам ещё далеко. Без остальных мы не уйдём.

— Побег всей академией? — усмехнулся Юджин. — Ну-ну.

— Побег мне нравится куда больше, чем бунт, — призналась я. — Но ни то, ни другое — не выход. В обоих этих случаях мы начинаем играть по правилам Магистров. На их поле, понимаешь? А на нём они нас в лёгкую задавят. Массой, опытом, силой. Не суть.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего нового. Как только мы найдём способ запитывать артефакты магией из пространства, от нас, от студентов, отстанут.

— А тебе не приходило в голову, что государству просто невыгодно такое количество магов? — повторил Юджин тот самый вопрос, что задавал мне чуть не каждый день.

— Приходило, — привычно ответила я. — А тебе не приходило в голову, что весь Триум может процветать также, как Преториум? Каждый дистрикт? С грамотной командой молодых, талантливых магов...

— Какие бы важные посты ни занимали Магистры, президент был бы дурак дураком, если бы доверял таким, как мы, Ро, — нахмурился Юджин.

— Но Магистрам он доверяет, — напомнила я.

— Магистры не покидают Преториума! Они присягнули ему! Прошли Ритуал!

— Значит, и остальные смогут пройти.

— Ты считаешь, это выход?

— Куда лучший, чем гражданская война, — серьёзно ответила я.

— Может, ты за то, чтобы Магистров ещё и к награде приставить?!

— Нет, — покачала я головой. — Этим и без меня есть кому заняться. Послушай, Юджин. Тем, кто проводит эксперименты над людьми, это не должно сходить с рук. Но убивать — не выход.

— Да чем же не выход?!

— На их место придут другие. И их всё равно будет больше. Сила будет на их стороне.

— А если всё же на нашей?

— А если всё это не просто так? Если — только на миг допустить — что ими движет логика? Что всё это не просто так?

— Я не понял, ты что, их защищаешь?

— Ещё не хватало! Но ведь они не все... одинаковые.

— А! — Юджин зло улыбнулся. — Я понял! Ты о своём любимчике, о Сенеке!

— Он вовсе не мой любимчик, — я понизила голос, чтобы не привлекать внимания. — И я к тому, чтобы решать проблемы по мере их значимости. У нас сейчас одна цель, единственная: вернуть магам из дистриктов свободу! Избавить их от необходимости «жертвовать» свой дар! А если мы начнём решать, кого убить первым, кого вторым... Ничем хорошим это не кончится. Опять же, для наших...

Юджин только рукой махнул. Хотя — я знала — он согласен. Этот разговор повторялся изо дня в день, и Юджин не мог не признавать веса моих аргументов. Правда, это давалось ему нелегко.

Ну а кому сейчас легко?

Аккубус тем временем приблизился к башне-стоянке и замер.

У меня внутри всё сжалось от предвкушения полёта.

Выходя из аккубуса, я подала руку Юджину, но того в последний момент оттеснила толпа ожидающих дирижабля и моё запястье сжали чужие пальцы.

Я понять ничего не успела, как оказалась носом к носу с Бенжамином Сенекой. Магистром, который вроде как не может покидать Преториум...Лёгко на помине, чтоб его сфинксы съели!

— Что вы здесь делаете? — вырвалось у меня.

— Нет времени объяснять, — усмехнулся Сенека.

Удерживая злого, как тысяча голодных демонов, Южина ментальным щитом, Магистр избавил меня от магического знака, в считанные секунды перекинув его на Юджина.

— Быстро, — всё ещё не понимая, что происходит, прокомментировала я, наблюдая за остаточными векторами магических потоков. — Но можно было проще. И не так затратно.

— Что, сфинксы дери, происходит? — сквозь зубы процедил Юджин.

— Ничего особенного. По месту задания — ничего сложного. Миражи возникают из-за дисбаланса элементарей, — ответил Сенека. — Один справишься. Завтра на этом же месте снова увидимся.

— Аврора... — выдавил из себя Юджин, но продолжить Магистр ему не дал.

— Аврора всё это время будет со мной.

— Дикость какая! — возмутилась я. — И не подумаю!

— Конечно, не подумаешь, — не стал спорить Бенжамин. — Не успеешь.

Зря я, наверное, отложила факультатив по телепатии в долгий ящик! Всё думала, успею... Может, хоть сориентироваться бы успела, сделать хоть что-нибудь... И пофиг, что только что я рассуждала о том, что не стоит противостоять Магистрам в открытую!

Одно дело рассуждать, и совсем другое, когда кто-то творит по отношению к тебе такой беспредел!

Бенжамин схватил меня за запястье и нас вынесло из разномастной толпы магической волной! У меня дыхание перехватило! А в следующий миг я уже смотрела на посадку в дирижабль с расстояния в километр, и, как назло, Сенека продолжал держать меня за руку!

Юджин же, которого Магистр успел подтолкнуть к трапу, поднимался по ступеням, оглядываясь на нас.

Его встрёпанная рыжая макушка казалась горящей свечкой между другими, цветными, «преторианскими». По сторонам от него поднимались парень с синим ирокезом и девушка с зелёными, как первая листва, волосами. Вот девушка, ступающая по левую руку от Юджина неловко взмахнула руками и ухватила за его локоть, чтобы не упасть.

Глава 31. Юджин

— Молчи, дурак, — прошептала Юла, хватая его за локоть. — Не привлекай внимания!

— Аврора!.. — выдохнул он, проклиная себя за бессилие.

Как он мог позволить Сенеке увести её?! Вот как?!!

И кто он теперь после этого?!!!

— Забудь о ней, — раздался шёпот прямо над ухом. — Ничего ей Сенека не сделает. Преторианская шпионка.

— Возьми свои слова назад! — Юджин порывисто обернулся к Ромусу.

Тот только усмехнулся.

— Так дорога?

— Она не шпионка, — процедил Юджин. — Она с нами.

— Ты рассказал ей о Сокрушителях Оков?! — гневно прошептала Юла.

— Нет.

— Ну, вот и отлично. Идём.

Юджин сам не понял, как оказался в воздухе, уже на дирижабле. Перевесившись через перила, он увидел, как со стоянки трогается чёрный автомобиль с тонированными стёклами.

Он помотал головой, словно очнувшись, а затем с силой опустил кулак на ни в чём не повинные перила. К счастью, они были рассчитаны и не на такое.

Внутри бурлило, клокотало, тряслось от ярости.

Как он мог отпустить её?! И с кем... с ним?! С этим?!

— Он нехило приложил тебя ментальным щитом, — словно услышав его мысли, с уважением в голосе сказала Юла.

— Тот случай, когда наши с Магистром желания совпали, — небрежно бросил Ромус и цинично усмехнулся.

— А вы тут откуда?! — Юджин, наконец, сообразил удивиться внезапному появлению Сокрушителей Оков.

— Слава Четырёхликой, — прокомментировала Юла, закатывая глаза. — Ты начал соображать.

— Сенека с вами заодно?! — Юджин снова затряс головой, словно пытаясь очнуться ото сна. От весьма абсурдного сна, кстати.

Так, похоже, считал и Ромус, который широко улыбнулся и помотал головой:

— Не настолько.

— Мы вообще планировали вам обоим компанию составить, — пропела на преторианский манер, Юла. — Но Сенека упросил нас задачу.

— Тебе мы доверяем, ей — нет. Теперь — тем более.

— Ты как резерв восстановить умудрился? — прищурилась Юла. — Месяц назад был задохлик-задохликом, а сейчас прям на человека похож.

Юджин нахмурился. Во-первых, потому, что задохликом он никогда не был, а во-вторых... может ли он им доверять? Что-то подсказывало, что одно его слово сейчас способно полностью изменить не только его судьбу. Он опустил взгляд на папку, которую Аврора в последнюю секунду успела сунуть ему в руки — там все схемы по предстоящей работе с миражами.

Они планировали начать с самой простой и двигаться в сторону многозадачности, в зависимости от вектора расхода их магического потенциала. Аврора утверждала, что использование магического резерва не должно проходить болезненно для мага, он не свои силы должен расходовать, а брать помощь из мира, из всех четырёх стихий... По-своему, это должен быть их первый эксперимент,

который положит начало доказательства её теории.

— Это она помогла, — наконец, решился он. — Ей каким-то образом удаётся восстанавливать выпитый резерв. И даже помогать другим.

Ромус присвистнул.

— Неудивительно, что Сенека наложил на неё лапу, — хмыкнула Юла. — Экспериментатор хренов.

— Магистров не мог не заинтересовать такой редкий дар, — согласился Ромус.

— Магистры не знают, — покачал головой Юджин.

— Магистры знают всё! — перебила его Юла.

— Всё, что им нужно, — поправил Ромус и вдруг хлопнул его по плечу. — Да не тушуйся ты! Разберёмся мы с вашей практикой. А заодно и поговорим, наконец. Нам многое надо рассказать тебе.

— Тут и разбираться нечего, — пожал плечами Юджин. — Мы собирались воспользоваться тем, что практика на этот раз в дистрикте, а значит, без лишних соглядатаев. Хотели проверить её теорию: можно ли работать с магическим фоном, не расходуя резерв.

— Это невозможно, — уверенно покачал головой Ромус.

— Возможно, — уверенно кивнул Юджин. — И я вам докажу. Но и к вам у меня много вопросов.

— Так мы только рады, — развёл руками Ромус. — Чего по тебе не скажешь.

Юджин сглотнул. Вот как объяснить им, что каждая минута, проведённая Авророй наедине с Сенекой для него подобна вечности? Он понимал, что Сокрушители Оков правы, тысячу раз правы. Каким-то внутренним чутьём Юджин знал: ничего Сенека Авроре не сделает. Против её воли. Но понимание последнего было слишком уж болезненным...

— Так мы будем махать платочками Магистру, или поговорим, как взрослые мальчики и девочки? — улыбнулась Юла. — Даёшь революцию, Юджин?

Глава 32. Аврора

— Что происходит? Кто дал вам право! — я просто задохнулась от гнева под пристальным взглядом Магистра, дёргая заблокированную дверную ручку.

— Ну, допустим, право у меня есть, — невозмутимо усмехнулся он в ответ. — Но я решил им не пользоваться.

— То есть как это — не пользоваться?! — взвилась я, и, обнаружив, что Магистр хитро улыбается, определённо, тому, что фраза вышла двусмысленной, и потому ляпнула первое, что в голову пришло:

— А из Преториума как удрали?

Магистр улыбнулся ещё шире.

— Также, как вы, только чуть глубже копнуть пришлось.

— Нет, мало того, что сами закон нарушаете, так ещё и нас приптели?! — о том, как этой самой ночью разработала способ по избавлению от магического маяка, я благоразумно умолчала.

— Нам нужно поговорить, Аврора, — сказал Бенжамин серьёзно, и я поспешно прикусила язык.

Дело в том, что он пробовал со мной говорить. В Аусвер. Пытался, каждый раз.

Но мне, под лозунгом «свою часть сделки я выполнила, а теперь оставьте меня в покое, мне на занятия нужно!» каждый раз удавалось улизнуть. И вот теперь я понимала: на этот раз улизнуть не удастся. Может, зря я не поговорила с ним в академии? Сейчас бы целее была.

— А с чего вы взяли, что я захочу с вами говорить?! — выпалила я.

— Уверен, ты захочешь, — сказал Бенжамин и так посмотрел на меня, что я задохнулась, часто заморгала и поспешно отвернулась к окну.

Я молчала всю дорогу. Магистр, вопреки ожиданиям, не приставал с расспросами. И стоило мне вспомнить его уверенность в том, что я захочу всё ему рассказать, как сердце пропускало удар за ударом, а щёки начинали предательски пылать.

Ожидая, что он заговорит, я прокручивала в голове десятки остроумных и неизменно саркастичных ответов на его вопросы, но он молчал.

Молчал, когда мы подъехали к небольшому, по меркам Преториума, двухэтажному дому, расположенному в довольно «модном», современном дистрикте. Молчал, когда помогал мне выйти из машины. Я хотела сделать это без его помощи, но почему-то запуталась в ремне безопасности, так что Магистру пришлось ещё меня и распутывать, что он проделал с невозмутимым видом. Только дыхание потяжелело. У обоих.

Молчал, когда мы сели за накрытый, безупречно сервированный стол.

Я как-то стремительно поняла, что успела зверски проголодаться, и, пользуясь тем, что Бенжамин молчит, начала пробовать. Одно, второе, третье...

Заговорил Магистр только после того, как я мужественно расправилась с обедом и отпила сидра из высокого бокала.

— Аврора, ты должна рассказать мне обо всём, что происходит ночью в Распределительном зале. Как у тебя получается восстановить резерв и помочь другим.

Вопрос прозвучал так неожиданно, что я поперхнулась.

Бенжамин терпеливо ждал, пока откашляюсь, невозмутимо подал салфетку. Но когда он привстал с явным намерением похлопать меня по спине, кашель кончился также внезапно, как и начался. Просто стоило мелькнуть мысли, чем закончится то, что он дотронется до меня, как я мгновенно превратилась в живую статую. Жаль, что не в мраморную, и без монолита ниже пояса...

— Аврора, ты должна рассказать мне, — настойчиво повторил он, усаживаясь обратно и прожигая меня взглядом.

— А что я ещё должна? — вспылила я. Страшно (вопреки всему) не было. Но близость Бенжамина действовала на меня странно. Нервно, волнительно, из-за чего я чувствовала себя уязвимо и потому предпочитала перейти в наступление. — Может, начнём с главного? Ну, что же вы молчите? Я

достаточно пожила в Преториуме и в Аусвер, чтобы меня можно было чем-то удивить! — при этих словах брови Магистра столкнулись у переносицы, но меня было не остановить. — Чего же вы хотите от меня, Сенека?

— Больше всего я хочу, чтобы ты говорила мне «ты» и называла по имени, — хрипло проговорил он, не сводя с меня глаз.

И тут, что называется, «варежка сама захлопнулась». Я могла только беспомощно моргать и открывать и закрывать рот.

— Я не причиню тебе вред, Рори, — тихо сказал Магистр, что повергло меня чуть ли не в панику!

Рори? Это вам не дистрикская «Рошка» и не официальное «Аврора» от Магистров и преподав. Студенты давно звали меня Ро, и мне нравилось. Просто, без официоза. Но это вот «Рори»... Это имя захотелось прокатить во рту, словно леденец, ощутить на вкус. Было в нём что-то такое модное, столичное, и, вместе с тем милое и уютное. Загадочное какое-то... Обезоруживающее.

— И я убью любого, кто даже замыслит причинить тебе вред, — продолжал Сенека.

— Из-за дара? — вырвалось у меня.

— Нет, — просто ответил Магистр и у меня почему-то в глазах защипало. — Но мне нужна правда. Чтобы защитить тебя.

— Правда, да не истина, — опустив взгляд, я пробормотала любимую присказку Игрит.

Бенжамин вздрогнул всем телом. Пальцы его смяли салфетку.

— Новый призрак, да? — глухо спросил он, причём в голосе его прозвучала такая боль, что мне невольно захотелось его обнять, что, понятно, незамедлительно подавила в себе, засунула поглубже. Но кивнула в ответ на его вопрос.

— Тот, что часто поёт о правде и об истине, — сказала я. — Вы её видели?

— Видел, — ещё более глухо проговорил Бенжамин и добавил: — До того, как она стала призраком.

— Она была Оракулом, в Храме, — зачем-то сказала я. — И она многое знает, помнит. Из того, что знает Четырёхликая. Но говорит, что ко многому потеряла интерес.

— Да. Я заметил.

И тут мне внезапно стало грустно. И даже немного обидно. Просто, когда Бенжамин говорил об Игрит, его лицо, взгляд... Всё становилось каким-то иным. Более светлым, что ли. А я думала, он так только на меня так смотрит. Глупо, конечно. Но всё равно обидно.

— Так вы привезли меня сюда, чтобы поговорить об Игрит? — вырвалось у меня.

Знаю, глупо. И как-то по-бабски, что ли. Но ничего не могу с собой поделать, не понимаю, что происходит. Со мной такое впервые... Такие чувства, такие эмоции... Как люди вообще держат их в себе?!

— Нет, Рори, — покачал головой Бенжамин и посмотрел на меня так тепло, что сердце гулко забилося, а внутри словно флейты заиграли. — Я привёз тебя сюда, чтобы защитить. Но для этого мне нужно знать правду. Откройся мне, Рори. Клянусь, ты не пожалеешь об этом.

Глава 33. Аврора

— Я не знаю, с чего начать, — тихо сказала я. — И не думаю, что могу доверять вам.

— Почему? — спросил Бенжамин, тоже тихо, одними губами.

— Вы — Магистр. Вы — тот, кто ворует у таких, как я — самое драгоценное, что у нас есть. Магию. Вы выкачиваете её.

Я покачала головой. Он не собирается меня принуждать? Применять эти свои магические штучки? Тем лучше. Для меня. Я была наслышана о «порошке правды». Одна лишь щепотка на стакан воды... один лишь глоток — и ты выложишь о себе всё и даже больше. В Аусвер, правда, таким не пользовались. Зачем? Есть студенты, которые итак рады подольститься к Магистрам. Но если бы в пище на столе присутствовала магия, я бы заметила.

Впрочем, Сенека, похоже, был выше этого. Или просто слишком самоуверен? А если бы он спросил меня во время, ну, или после... поцелуя? Когда мысли испуганной стайкой выются вокруг головы, а некий постыдный глубинный импульс жаждет одного: доверять и доверяться? Но Магистр, сидящий на другом конце стола, в мундире с глухим воротом, застёгнутом на все пуговицы, похоже, не собирался использовать и это оружие. Что ж. Тем хуже. Для него.

— Ты знаешь, как я стал Магистром? — вдруг спросил он.

Я покачала головой.

— А о том, как был основан Магистрат Двенадцати?

Я несмело кивнула. Историю Триума нам преподавали, делая особый акцент на важности жертвы каждого студента. Мы, конечно, мало что видели в этом утешительного. Но всё же.

— Я получил передачу от Двенадцати Магистров, — сказал Бенжамин. — И чуть не умер.

— Но не умерли, — устыдившись собственного цинизма, сказала я.

— Нет, как видишь, — Бенжамин развёл руками. — И после Ритуала, я, как и остальные Двенадцать, как и мои предки, дал присягу. Магическую присягу. Клятву, которую ни один из нас не в силах нарушить.

— Защищать президента?

— Защищать Триум, — покачал головой Бенжамин.

— Это одно и то же, — упрямо пробормотала я.

— Именно так понимают свою клятву остальные Магистры, — не стал спорить Бенжамин. — Включая моего отца. Но не я, Рори.

Всегда бесстрастное лицо Тринадцатого Магистра ожило, словно невидимая рука сорвала с него маску. Полумрак, создаваемый неверным светом торшера, играл в странные игры теней на его лице. Прищур глаз, выдающий напряжение, горькие складки у губ, словно Бенжамин заранее смирился с моим отказом говорить. И при этом он смотрел на меня с такой нежностью и теплотой... На меня так никто никогда не смотрел.

В висках запульсировало. Потому что всё это было уже как-то слишком! Эта поездка сюда, больше напоминающая похищение, делание из меня соучастницы, все эти откровения... Паника так и хлынула девятым валом!

— Тебе душно? — спросил Бенжамин, с пониманием глядя, как я комкаю в руках льняную салфетку. — Хочешь, выйдем на воздух?

Я, не раздумывая, кивнула.

Он умудрился отодвинуть мой стул, не дотрагиваясь до меня, затем распахнул передо мной дверь.

В лицо ударила тёплая волна вечерней свежести и паника понемногу отступила.

Бенжамин усадил меня в глубокое плетёное кресло на берегу круглого прудика — я сходу определила, что карпы в нём — самые обычные, не магического происхождения. Как и всё вокруг. Круглые и невысокие электрические фонари давали уютный, приглушённый свет. Было очень тихо. Тишину нарушал лишь стрёкот цикад, нежная трель чёрного дрозда и отдалённый собачий лай. Время от времени сгустившийся сумрак вечернего пространства чертили молнии светлячков. Я

даже не заметила, как на землю спустился вечер...

Положив мне на колени аккуратно сложенный плед, Бенжамин скрылся в доме. Вскоре вышел, и, поставив на столик рядом термос и две высокие чашки, опустился в плетёное кресло рядом. Лицо у него было странно расслабленным, почти счастливым.

— Это мой дом, — отвечая на вопрос в моих глазах, сказал Магистр. — Я не любитель использовать магию для собственного удовольствия. С меня достаточно и научно-технического прогресса. Тебе у меня нравится?

— Нравится, как издалека вы заходите, — не стала кривить я душой.

В этот момент из кустов вышла кошка!

Полосатая! Призрачная! Светящаяся!

Муркнув, как самая настоящая, она потёрлась о мои укрытые пледом ноги, а затем одним прыжком вскочила на колени к Сенеке.

— Это не моих рук дело, — усмехнулся он, принимаясь наглаживать бесплотную шёрстку. Призрак при этом прищурил глаза, млея от удовольствия. На щекастой морде отчётливо проступила улыбка. — Фиона просто мой гость. Она гуляет сама по себе.

Призрак, которого, оказывается, зовут Фионой, потянулся, вытянув лапы и принялся с тихим мурчанием мять колени Магистра. У меня сами собой губы растянулись в улыбке.

— Мне понятны твои сомнения, Рори, — тихо сказал Сенека, по-прежнему глядя на кошку.

— Вот как?

— Как ты думаешь, что было бы, если бы другой Магистр узнал о том, что происходит ночью в сегрегационной пагоде? — вопросом на вопрос ответил Бенжамин.

— Думаю, со мной разговаривали бы по-другому, — при одной мысли о такой возможности меня передёрнуло.

— Правильно думаешь.

— Порошок правды?

Бенжамин скривился.

— Это в лучшем случае.

— Почему же вы молчите?

— Я уже говорил. Я хочу тебя защитить. И сделаю это, независимо от того, откроешься ты мне, или нет. Но мне будет легче сделать это, если ты посвятишь меня в свою тайну.

Призрак на его коленях открыл глаза, сверкнув глазами. А затем одним прыжком перебрался ко мне! Ощущения были непередаваемые. Как будто на коленях свернулась клубочком живая кошка. Повторяя движения Бенжамина, я принялась, в свою очередь, гладить Фиону и та замурчала от удовольствия.

— Я... я даже не знаю, с чего начать, — растерянно проговорила я.

— Начни с главного, — кивнул Сенека. — И говори о том, что считаешь нужным. Правильным.

— Больше всего на свете я хочу помочь остальным, — сказала я главное.

Бенжамин кивнул.

— Я тоже, — просто ответил он.

— Студентам Аусвер?! — воскликнула я.

Магистр покачал головой.

— Не только. Вообще всем, понимаешь? Людям. Вся эта магия... Она слишком дорого обошлась нашему миру. И может встать ещё дороже.

Он сказал это так просто, что не знаю, почему, но я поверила в то, что Магистр говорит правду.

Я всё ещё сомневалась, стоит ли рассказывать ему о книге, а потому решила пока о ней умолчать.

— Я каким-то образом могу восстанавливать магический резерв, — призналась я в том, что в принципе, итак несложно было понять, сложив два и два. — И могу помогать в этом другим.

— И давно ты обнаружила эту свою особенность? — спросил Бенжамин и, как мне показалось, немного покраснел.

— Нет, — помотала я головой, тоже почему-то чувствуя себя неловко. — Дома я знать не знала, что магичка. Всё началось в Аусвер.

— В пагоде, под куполом из магических кристаллов, — с пониманием кивнул Бенжамин и, кажется, покраснел чуть больше.

Закусив губу, я кивнула.

— Значит, так подействовала концентрация магического фона, — пробормотал он.

— Я тоже так думаю, — подтвердила я. — И, более того, уверена, что каждый так может. Если знать, как.

— Знать? — прищурился Бенжамин.

— Ага. Векторные потоки у всех одинаковые, независимо от уровня дара.

Не удержавшись, я подвинулась на самый край, наклонилась, подобрала с земли ветку и принялась чертить на земле. Фиона, заинтересовавшись, прыгнула с моих колен и устроилась чуть ли не на схеме, тем самым подсвечивая её.

— Погоди, — перебил меня Бенжамин. — Вот здесь ты намудрила.

— И в чём? — азартно спросила я.

— Здесь можно проще. Скорость магического потока зависит от его диаметра и наоборот. А, ты же только на первом курсе!

— Угу, — задумчиво буркнула я, вытирая написанную строчку.

И, конечно, принялась чертить новую!

Попутно рассказывая о том, как здорово было бы изобрести личные артефакты-носители, которые, работая в автономном режиме, помогали бы хозяевам, во-первых, пользоваться магическим резервом, не расходуя его так бездумно, (на ум приходила только одна аналогия — стихийно), а во-вторых, помогали бы восстанавливать израсходованный резерв, используя магическую составляющую пространства.

Заодно и магофоны в рассуждениях «всплыли», и синема с эффектом присутствия, на которое я бы с удовольствием сходила, и лампы магического накаливания...

— В общем, идей много, очень много! — спустя час азартно вещала я, глядя, как Бенжамин, не удержавшись и забрав у меня ветку, латает в моих расчётах прорехи. — Мне бы ещё литературы, сырья, реагентов, оборудования разного, я почти знаю, какого... да и несколько пар рук не помешало бы. Словом, мне бы лабораторию!

Магистр вскинул на меня взгляд, который заставил отчего-то густо покраснеть.

— Лабораторию, говоришь? — переспросил он почему-то хриплым голосом. — Хм... Пойдём.

— Куда? — спросила я, поднимаясь.

— Если я правильно тебя понял, Рори, — сказал он. — Эта ночь будет самой счастливой в твоей жизни.

И тепло, очень нежно улыбнулся.

А моё сердце пропустило удар. И тут же застучило, как бешенное!

Глава 34. Аврора

— Вот оно! — воскликнул Бенжамин, склонившись над сложной схемой. — Получилось!

— Не может быть! — ахнула я, бесцеремонно выхватывая у Магистра крохотный, размером с льняное семя, кристалл.

Наши пальцы встретились, обжигая прикосновением. Я тихо ахнула — между нами буквально заискрило, словно вместо кристалла мы схватились за оголённый провод. По коже привычно побежали мурашки, тело сладко прошило магическими разрядами.

Бенжамин замер, глядя на меня и тяжело дыша. Миг, который мы смотрели друг на друга, показался мне вечностью. На какую-то долю секунды внешнее перестало существовать, утратило важность. Аусвер, Магистрат Двенадцати, президент, чья власть зиждется на чужой магии... вообще всё. Я вдруг поняла, что даже этот наш магическо-технический прорыв, автономный кристалл, с перекинутыми векторными потоками в пространство, и все мои идеи, которые после бессонной ночи стали нашими — всё это иллюзия, мираж, пустая видимость.

Настоящее — карие глаза Бенжамина Сенеки, которые смотрели на меня так... Мамочки! На меня и вправду так никто и никогда не смотрел!

— Осторожно, Рори, — хрипло прошептал Магистр. Не отводя от меня взгляда, он отодвинул в сторону пространственную схему, выстроенную из кристаллов ледяного пламени. — Ты можешь обжечься. Или порезаться...

— Не-а, — прошептала я, чуть мотнув головой. — Не обожгусь. Я очень осторожная.

Казалось, ещё секунда — и он меня поцелует. Привычное тепло растечётся по телу, внутри всё задрожит, защежит от нежности и манящего, переполняющего желания...

Но Сенека оказался психом почище меня.

И профессионалом. С большой буквы «п».

И... после этой ночи, которая, как он и обещал, и вправду стала самой счастливой в моей жизни, несмотря на то, что мы оба еле стояли на ногах, я принимала с уважением любое его проявление. Просто... Его невозможно было не уважать. И, сфинксы драные, уважать мужчину оказалось классно! И волнительно! Куда волнительнее и чувственнее этого внутреннего огня, вспыхивающего в ответ на его прикосновения.

— Опробуем? — почти невозмутимо предложил Магистр и улыбнулся уголком рта.

Со стола раздалось звонкое «мурррк!». Похоже, Фиона была совершенно солидарна с Сенекой. Ну вот какой сам, такая и кошка! Даром, что призрачная.

— Конечно, — смутившись, я невольно отступила.

Дождавшись, пока Бенжамин выстроит в воздухе иллюзорную модель, я осторожно вложила в призрачную распахнутую ладонь поблёскивающую в свете ламп крошку.

— Приступаем к выкачке, — тихо сказал Магистр и нажал на рычаг.

Призрачный силуэт начал сереть, становиться прозрачным, пока почти не исчез.

Я смотрела на него во все глаза. Только как-то само собой так получилось, что я боком приблизилась к Бенжамину и сжала его пальцы. Он ответил лёгким, очень тёплым пожатием, тоже не сводя глаз с нашего эксперимента.

Какое-то время ничего не происходило. Модель еле-еле проступала в воздухе. Было такое ощущение, что вот-вот она рассеется. Но этого не случилось!

Раздался тихий щелчок, в воздухе едва различимо вспыхнуло... и иллюзорный силуэт проступил ярче! Замерцал! Выкачанный магический резерв восстанавливался сам, без моей помощи! Я о книге даже не вспомнила!

— Сработало!!! — завизжала я, и, позабыв себя от радости, запрыгала на месте. А потом вдруг бросилась на Магистра, повиснув у того на шее, целуя в щёку, в губы, в нос. Снова и снова!

— Рори, — хрипло выдохнул он, сгребая меня, наконец, в охапку и целуя в ответ. Жадно. Властно. Беспрекословно. Так, как мне того и хотелось.

Тело плавилось под его умелыми ласками, разум и воля сходили с ума.

— Осталось совсем немного, — прозвучал его голос, словно со стороны и я как-то внезапно поняла, что поцелуй закончился, и Бенжамин, тяжело дыша, прижимает меня к груди, гладит чуть шершавой ладонью по встрёпанным волосам.

Вскинув на него взгляд, почувствовала, как к щекам приливает жар. Ну вот о чём я только думаю вместо того, чтобы продолжать задуманное!

Осторожно рассеяв иллюзию, Бенжамин подхватил первый, оказавшийся удачным опытный образец и поместил его в специальный проектировочный контейнер.

— Спустя три часа у нас этих кристаллов будет тысяча штук, — сообщил он немного смущённо.

— Тысяча? — ахнула я. — Но зачем так много?!

— На Аусвер точно хватит, — усмехнулся Бенжамин. — И у нас есть время позавтракать. Ты голодная? Или хочешь отдохнуть? Для тебя подготовлена комната. Правда, не успел тебе показать. Плохой из меня хозяин...

— Лучший хозяин в мире, — вырвалось у меня искреннее и всегда бесстрастный Тринадцатый Магистр по уши залился краской!

Мысль о том, чтобы утонуть в чистых, похрустывающих от крахмала и свежести простынях... вместе с ним... вызвала новую волну жара в теле. В лаборатории как-то стремительно закончился воздух.

— Я не устала, — смущённо пробормотала я, отворачиваясь.

— Так я тебе и поверил, — ответил Бенжамин. — Даже меня покачивает. А ты...

— А что я?

— Ты — девушка. Ты должна была устать в десять раз сильнее, — сказал он безапелляционным тоном и, взяв меня за руку, повёл за собой.

Глава 35. Аврора

Меня разбудил луч солнца, настойчиво бьющий в глаза. И ощущение чьего-то взгляда на веках, щеках, губах...

Открыв глаза, я увидела Бенжамина, сидящего рядом с кроватью (на такой весь наш класс можно с комфортом разложить, если что!) и тут же натянула простыню чуть не по самые брови.

— Отдохнула немного? — спросил Магистр.

Я смущённо кивнула.

— Сколько я спала?

— Три часа, — ответили мне.

— Значит, кристаллы готовы? — взвизгнув, я подскочила на кровати торпедой, но была самым бесцеремонным образом водружена обратно на подушки.

— Никаких пререканий, Рори, — строго сказал Бенжамин и я, боюсь, засияла, как новый пьяс, так непривычно и в то же время чудесно оказалось чувствовать чью-то искреннюю, хоть и с оттенком власти, заботу. — Сначала завтрак, потом кристаллы.

— Значит, готовы! — поняла я, глядя на прикроватный столик, который Магистр водрузил мне на колени. Ноздри защекотал аромат какао и свежей выпечки. — Ватрушки? Откуда? Только не говори, что в свободное от магических экспериментов время печёшь булочки... Это было бы уж слишком.

— Я говорил, что не пользуюсь магией в бытовых целях, — усмехнулся Бенжамин. — Но ни словом не обмолвился, что пренебрегаю помощью по хозяйству.

— М-м, — промычала я, впиваясь зубами в румяный бок. — И правильно, когда тебе готовить...

Магистр смущённо кашлянул и зачем-то сообщил:

— Её зовут Эльза, ей пятьдесят три года, вообще-то она работает в доме напротив, но иногда и мне помогает по хозяйству. Не так часто удаётся выехать из Преториума...

— Это волшебно! — сообщила я, зачерпывая ложкой кашу и отправляя её в рот. — Я бы на твоём месте выбиралась сюда почаще.

Завтрак был умопомрачительно вкусным, а то, что Бенжамин смотрел, как я ем, ничуть не смущало. Скорее даже нравилось. Оказалось, быть кому-то интересной приятно. Особенно такому, как Тринадцатый Магистр.

Кто бы мне ещё вчера сказал — не поверила бы!

Надо сказать, что несмотря на то, что спала я всего три часа, выспаться удалось. Не пренебрегая домашним, ещё из дистрикта, правилом — не ложиться в постель, не помывшись (стиральной порошок, как известно, дорог!), прежде, чем улечься, я приняла горячий душ в ванной комнате рядом, и теперь чувствовала себя свежей и отдохнувшей.

— А ты? — спохватилась я, радушно протягивая Бенжамину кусок ватрушки, щедро намазанный взбитым маслом.

Он сглотнул, а потом, наклонившись, губами принял «угощение», коснувшись мимолётным поцелуем пальцев.

— Знаешь, что, — пробормотала я, чувствуя, как пальцы внезапно ослабли, а по телу хлынул жар.

— Что?

— Мы можем замаскировать автономные носители под фенечки. Ну, сейчас модно. Все студенты носят. Как ты думаешь?

— Ты неисправима, — покачал головой Бенжамин.

— Кто бы говорил! — возмутилась я. — Ты вообще не спал!

— Вот, — он положил рядом с недоеденной тарелкой каши браслет-напульсник. Такие все студенты Аусвер носят, вообще все. — Мы просто заменим устаревшую модель моделью поновее.

— И когда? — у меня аж дыхание от восторга перехватило.

— Как только вернёмся, — пообещал он. — Первая партия уже готова. И я уже предупредил ректора об общем сборе.

— Ты — гений! — уверенно заявила я. — Все такие носят, и потому это не вызовет подозрений! Но... ты уверен, что внедрённые новшества не заметят другие Магистры? У них могут возникнуть вопросы. Раньше времени...

— Ты во мне сомневаешься? — немного устало улыбнулся Сенека. — Смотри, тут принцип двойного магического дна.

— Новые свойства скрыты... — восхищённо прошептала я. — Но ты не мог проделать такую работу за каких-то пару часов! Это невозможно!

— Возможно, — усмехнулся он. — Если начать заранее. Я правда искал выход, Рори. Мне не хватало только тебя...

И так он это сказал, что я сразу поверила. И ничего не ответила. Потому что все слова стали лишними, слишком громоздкими и неуклюжими. Просто посмотрела на него долгим взглядом и снова вернулась к завтраку.

Я возвращалась в Аусвер зевающая, с туманом в голове, но счастливая. Дело сдвинулась с мёртвой точки. На заднем сиденье автомобиля Бенжамина поблёскивали хромированными крышками два ящика с новенькими браслетами-напульсниками.

Для всех студентов Аусвер, чья жизнь изменится с этого дня!

— Когда объявят о твоём переводе ко мне в «Преторий» — не паникуй, — повторил в который раз Бенжамин. — Делай всё, что тебе скажут и ничего не бойся. Попадёшь под моё прямое руководство.

— Ты хотел сказать — в ваше распоряжение, Тринадцатый Магистр? — не удержалась я, чтобы не пошутить.

— Всё тебе хаханьки, — подмигнул Бенжамин. — Но можно и так сказать.

— Возьми, — протянув руку, я разжала пальцы ладонью вверх. — Ключ от пагоды. Мне он больше не понадобится. Раз я сегодня покину Аусвер.

— Ты уверена, что у тебя получится? — тихо спросил Бенжамин. — Я знаю, что от Сферы Истины ничего не зависело, всё дело в тебе. Но там тебе было привычнее.

Вместо ответа я положила пальцы ему на локоть и автомобиль чуть вильнул.

— Получится, — уверенно ответила я. — Ты же будешь рядом. Ведь будешь?

— Клянусь, — тихо ответил он.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Но было ощущение, что за эти минуты тишины сказаны тысячи важных слов, даны нерушимые обещания.

Глава 36. Аврора

Бенжамин оставил меня там же, где забрал вчера. Дирижабль должен был прибыть с минуты на минуты. Мигнув на прощание фарами, Бенжамин Сенека укатил в Аусвер. А я осталась ждать Юджина, перетаптываясь на месте от нетерпения. Не терпелось расспросить его о работе с миражами. В том, что у Юджина всё получилось, я не сомневалась. Но интересно же, какую из схем он опробовал!

Я стояла, вслушиваясь в приближающийся гул лопастей. На губах всё ещё горел прощальный поцелуй Бенжамина.

Смущённо приложив пальцы к пылающим губам, я всматривалась в ясное небо, яркое, сияющее солнце. Казалось, весь мир замер в ожидании вместе со мной. И в воздухе проступают призрачные, едва различимые силуэты духов ветра, земли, воды... Словно крохотные бесплотные человечки с крыльями, как у бабочек, в шапочках из цветочных бутонов на головах. Фэйри... С ручками-веточками, в платицах из листвы, с каплями росы на взъерошенных макушках...

Мир, оказывается такой красивый! Если его видеть. Но это невозможно, не слившись с ним в единое целое, не став всего лишь его частью.

Глаза щипало от радости, восторга, красоты!

Я была совершенно, абсолютно, до кончиков пальцев счастлива.

Потому что мне повезло родиться магом. Получить шанс развить свой дар. Попасть в Аусвер. Встретить Бенжамина. Влюбиться...

Как в омут с головой, насовсем, без оглядки!

Когда среди кружащих в воздухе духов и фэйри стали появляться жёлто-оранжевые, с язычками пламени на крохотных головках, я поняла: дирижабль, на котором сюда летит Юджин, совсем близко.

Было жалко прощаться с этим моментом. Стоило подумать об Юджине, как накал концентрации спал, и духи, парящие вокруг и с интересом изучающие студентку Аусвер в мантии с красным воротником, исчезли.

Но я всё равно знала, что они рядом. Прямо здесь. Сейчас. Этот мир, со своим волшебством, со своими скрытыми многочисленными чудесами, на нашей стороне. Или я — на его.

Тёмный, обтекаемый силуэт дирижабля заслонил небо. Вскоре оглушительный грохот лопастей утих, через арку башни видно было, как опустился подъёмник с пассажирами.

Из толпы выскочил знакомый высокий силуэт с огненной шевелюрой и ринулся ко мне.

— Юджин! — я была очень рада видеть друга. Новость о том, что этот день, пожалуй, войдёт не только в историю Аусвер, но и в историю магии, готова была слететь с языка. Но за спиной Юджина я заметила двух преторианцев — высокого парня с синими волосами и симпатичную зеленоволосую преторианку, с пятнистой кошкой на тонкой цепочке.

И сдержалась. Промолчала. Хотя они и были заняты беседой между собой, у меня возникло ощущение, что они прислушиваются к каждому моему слову.

— Рада тебя видеть.

— Аврора! Как ты? Что он с тобой сделал?

— Вообще ничего не сделал, — смущённо шепнула я и Юджин, вопреки логике, потемнел лицом. — Лучше о практике расскажи! Получилось?

— Получилось, — как-то натянуто он пожал плечами. — Все схемы опробовал. Работает.

— У меня тоже отличные новости!

— Какие?

Бросив взгляд через плечо Юджина, я шепнула:

— Не здесь.

Я ожидала, что мы поговорим по дороге, но то тут, то там, рядом мелькали гордые профили преторианцев, которые словно следили за нами до самой академии.

Когда ворота Аусвер за нами закрылись, я почти почувствовала облегчение.

Навстречу метнулся призрачный силуэт соскучившейся Игрит, но стоило задуматься, какой из укромных уголков академии выбрать, чтобы сообщить ошеломительную новость друзьям, как динамик на столбе ожил.

— Внимание всех студентов Аусвер! Объявляется общий сбор в большом зале! На время собрания все освобождаются от занятий! Явка обязательна! Внимание, внимание!

Пожав плечами, я махнула головой в сторону лестницы.

— Пошли?

— Ты улыбаешься, — покачал головой Юджин. — Ты что-то знаешь об этом общем сборе?

— О да! — не стала я отпираться, широко улыбаясь. — Настали перемены, Юджин. Перемены к лучшему! И на нашей улице перевернулся вагон с леденцами.

— Какие ещё перемены? Расскажи сейчас же! — Юджин нервно оглядывался, словно по его душу пожаловали миротворцы.

— Не сейчас. Сам говорил, в Аусвер везде есть уши. Но это к лучшему. Обещаю.

— Это он? — не успокаивался Юджин. — Сенека? Его происки?!

— Поговорим потом, ладно? — я примирительно сжала локоть друга. — Пошли. Не привлекай внимания.

Этот аргумент подействовал. Нахмурившись, Юджин направился по направлению к лестнице. С видом приговорённого, входящего на эшафот.

Что я могла сделать? Только вздохнуть и топтать следом. Очень скоро эти сжавшиеся в одну линию, как степной горизонт, губы, растянутся в улыбке.

Глава 37. Юджин

Цель общего сбора стала понятна сразу: обязательные браслеты-напульсники сменили на модель поновее.

Кто-то смотрел на новшество со страхом, справедливо не ожидая от Магистров ничего хорошего. Но Аврора, явно знавшая об этом новом лучше него, Юджина, ободряюще улыбалась Ветле и Ари. Она первая надела новый браслет и бросила старый в контейнер в руках у препода.

Юджин выдохнул.

Если их собрали только для того, чтобы сменить напульсники, дело яйца выеденного не стоит. Почему же ему так тревожно? Откуда терзающее изнутри чувство, что должно случиться что-то страшное?

— Это не все новости! — объявил с трибуны ректор и широко, хоть и немного вымучено, как показалось Юджину, улыбнулся: — Двум студентам Аусвер выпала великая честь.

Каждое слово Магистра отдавалось набатом в ушах, сдавливало тисками грудь. Юджин оглядывался, ища глазами Сенеку. Куратора академии не было ни среди Магистров, ни среди остальных магов.

— В связи с необычным магическим даром, студентка Аврора Зайко, направляется в правительственный университет, в Правительственный Университет Экспериментальной Магии. На двухнедельную стажировку. Поддержим Аврору аплодисментами — это великая честь для неё и для Аусвер!

— О Богиня! — сквозь шум рукоплесканий раздался тихий плач Ветлы. — Аврора! Тебя забирают на опыты!

— Не бойся, — одной рукой Аврора держала за руку его, ладонью другой ласково провела по щеке подруги. — Вообще больше ничего не бойся. Больше ничего страшного не произойдёт, обещаю.

— Аврора, не-е-ет!!

— За меня не волнуйся. Со мной всё будет отлично, обещаю.

— Ну где же вы, Аврора? — ректор рыл взглядом толпу. — Поднимитесь к нам! Позвольте поприветствовать вас, как полагается!

— Иду! — крикнула Аврора, и, улыбнувшись ему напоследок, направилась к возвышению. Толпа расступалась перед ней, или, правильнее сказать, шарахалась в стороны, словно новенькая могла заразить всех интересом Магистров.

— Также, — продолжал ректор, — в связи с внезапно проявившейся способностью к рекордному восстановлению магического резерва в «Преторий» направляется наш выпускник Касьян Мариуш. С феноменом возвращения вашего дара и ощутимо возросшего магического резерва следует ознакомиться поближе.

В полной тишине Касьян пересёк зал, взошёл на возвышение. Как он разительно изменился! Всего два раза соприкосновения с магией Авроры, а друга было просто не узнать. Плечи, осанка, отсутствие кругов под глазами... но главное — взгляд!

И теперь вот так пустить все их совместные усилия на корм этим скотам?!

Юджин не мог допустить этого!

В несколько прыжков, уворачиваясь от преподаов и студентов, он преодолел расстояние, разделяющее его от возвышения, взлетел по лестнице и... посмотрел в лиловые глаза подруги. На которую, к слову был зол... Сфинксы драные! Да ведь он влюбился! По-настоящему влюбился, раз и навсегда! Влип по самую рыжую макушку, придурок. И нет смысла врать самому себе. И окружающим.

— Я вызываюсь добровольцем! — обратился он к ректору. — Вместо неё. Отправьте меня в Преторий. На стажировку...

Ректор посмотрел на него с интересом и при этом улыбнулся, словно Юджин удачно пошутил. И даже жестом остановил магов, взобравшихся вслед за ним на сцену, готовых атаковать его Стазисом в любой момент.

— Увы, Валкони, — Магистр Рэйб покачал головой и по его взгляду было понятно, что он-то с

большим облегчением избавился бы от Юджина. — Ваш магический дар далёк от отметки в двадцать восемь, как у Зайко. Соответственно, он не может заинтересовать нас в той же степени.

«К сожалению», — говорил его взгляд.

— Тогда возьмите меня вместо Касьяна! — не унимался Юджин. — У него всего одиннадцать по Муррею, а у меня — тринадцать! И у меня резерв тоже восстановился! Ещё быстрее, чем у него! Вот — феномен, с которым вам стоит познакомиться поближе!

Ректор опустил взгляд на панель перед собой. Несколько раз кивнул своим мыслям, затем снова поднял взгляд на Юджина.

— Вам так не терпится в «Преторий», Валкони?

— Представьте себе, с детства мечтал наслаждаться видом шпилей Преториум-Сити.

— Ну так тому и быть. Мариуш, вы свободны.

— Ну вот зачем ты, Юджин, — одними губами прошептала Аврора.

— Куда ты — туда и я, — также тихо ответил он. — Я еду с тобой, чтобы тебя защитить!

— Вот кто просил тебя?! Не нужна мне защита. И Касьяна из Аусвер вытянули бы... — в лиловых глазах Авроры застыл упрёк. Юджин почувствовал себя дураком. Влюблённым дураком.

— С этого дня студенты Зайко и Валкони переходят под ваше наблюдение, Магистр Нгеллер. То есть, я, конечно, хотел сказать, руководство.

По залу прокатилось тихое:

— Ах!

Из-за стола, за которым сидели Магистры, поднялся один из них. С глубоко посаженными злыми глазами и тонкими усиками над полной верхней губой. Студенты прозвали этого Магистра Чёрным Доктором...

Аврора побледнела, сливаясь цветом кожи с белоснежными стенами.

По ужасу, мелькнувшему в глазах подруги Юджин понял, что она ожидала чего-то другого.

Или кого-то.

Глава 38. Юджин

Юджин собирал вещи, когда дверь рывком распахнулась и в комнату быстрым шагом вошёл Касьян. Вид у друга был устрашающий — кулаки сжаты, брови столкнулись у переносицы, глаза так и мечут молнии.

— Ты что задумал, сфинксы драные, Юдж?! В гробу я видал такую благодарность!

Юджину осталось только плечами пожать с непонимающим видом. Косить под дурачка — этот номер, конечно, с Касьяном не пройдёт. Но попробовать стоило.

— Ты о чём вообще? — он скомкал не желающую складываться ровно рубашку и сунул её в чемодан.

— Ты понял о чём, не придуривайся! Решил отблагодарить меня за всё, избавив от опытов в «Претории»?!

— Нет, — серьёзно ответил Юджин. — Я решил не оставлять её. Ни на минуту.

Касьян шумно засопел. Но похоже, поверил. И понял.

— Значит, всё-таки запал на неё?

Юджин кивнул.

— Я знал, что ты поймёшь.

— И всё равно дурак.

— Ты бы также поступил, — сказал Юджин и добавил: — Для Юлы.

Касьян сжал зубы и прищурился.

— Почему ты заговорил о ней?

Юджин понял: сейчас или никогда. Он не знает, вернётся ли в Аусвер. Неприятное, тянущее чувство внутри подсказывало, что всё же нет. А значит, и с Касьяном они, возможно, в последний раз видятся. Он должен ему рассказать. Он обязан.

— Юла жива, — прямо сказал он.

Друг застыл, словно превратился в статую. Не такую, как в Аусвер. В обычную. Подбородок его задрожал.

— Ты сбрендил?

Юджин покачал головой.

— Я говорил с ней. Прямо сегодня. И вчера. И месяц назад.

Он не понял, как оказался на полу с ломящей болью в челюсти и отбитым об пол боком.

Касьян возвышался над ним, тяжело дыша, и, по всей видимости, прилагал нечеловеческие усилия, чтобы не съездить другу по морде. Ещё раз.

— Как. Ты. Мог. Молчать, — задыхаясь от ярости, процедил он, сжимая пальцы в кулаки и разжимая их. — Как ты мог, Юдж?!

Юджин поднялся, потёр ушибленную челюсть.

— Я хотел, Кас, — сказал он. — Правда, собирался сказать. Но ты сейчас с Тасей...

— Да твоё какое собачье дело?!

— Ты уже раз похоронил её. Попрощался.

— И что?! Ты вправду считаешь, что вправе решать за меня?! Что мне знать, а что нет?! С хрена ли ты заделался моим опекуном-филантропом?!

Он с размаху опустился на идеально застеленную кровать, уронил лицо в ладони. Плечи парня вздрогнули. Страшно было смотреть на то, как плачет всегда такой улыбчивый, бесстрашный друг. Неисправимый оптимист, душа компании...

— Я же тогда... — вырвалось у Касьяна сдавленное. — В лазарете... Они сломали меня! Сломали...

— Эй! — Юджин опустился рядом, осторожно обнял друга за плечи. — Не смей, слышишь?! Ты всегда учил меня не жалеть себя! Тебя им не сломать! Слышишь?! Это всего лишь тело, всего лишь сраный магический дар! Картинки! Они не дотронулись до тебя и пальцем! Даже Четырёхликой это не под силу, слышишь?

— Очень странно, — Касьян вдруг поднял голову и нахмурился.

— Что именно?

— Прилив сил, — пробормотал Касьян. — Я давно так хорошо себя не чувствовал. Сфинксы! Я даже психануть нормально не могу! Знаешь, как тогда, в пагоде, когда Аврора что-то сделала... Вот и сейчас похожее чувство.

— Это просто отличные новости, — пробормотал Юджин, который и сам ощущал некий прилив энергии. На удивление, даже страха перед тварью Нгеллером не было. Только злость. Холодная, трезвая злость. И решимость.

— Как она? — тихо спросил Касьян.

— Жива и здорова, — ответил Юджин, который прекрасно понял, о ком спрашивает друг. — И даже счастлива. Она не просто сбежала, Кас. Она многого достигла. Теперь она Сокрушительница Оков, борец за свободу!

— Это хорошо, — задумчиво проговорил Касьян. — Я рад, что с ней всё в порядке.

— Мы и тебя вытащим, — глухо пообещал Юджин. — Юла не забыла тебя. День нашего общего освобождения близок!

— Вытащите? — усмехнулся друг. — Ты забыл, что отправляешься на увлекательнейшую экскурсию в лабораторию Нгеллера?

Юджин покачал головой. Губы сами собой растянулись в улыбке.

— Им не получить меня, Касьян, — прошептал он. — Я смогу уйти. Я теперь могу избавиться от магического клейма и фистулы, понимаешь? Я больше не щенок на поводке! Щенок вырос и стал волкодавом.

— Это ты по аналогии с тем, что нашего первого Магистра, правую руку всеми обожаемого президента зовут Люпус? Тонко.

— Ты всегда умел видеть то, что скрыто. День Сокрушения Оков близится! Совсем близок!

— Ты что-то задумал, Юджин, — Касьян не спрашивал, утверждал. — Что?

Глава 39. Юджин

Юджин оглянулся. На всякий случай сотворил вокруг звуконепроницаемую завесу. Обернувшись к Касьяну, он не заметил, как прямо из стены за его спиной высунулась кудрявая головка Игрита.

Призрак жадно вслушивался в разговор.

— Тринадцатого нисана Тод даёт ежегодный бал! — с жаром заговорил Юджин.

— В честь независимости Триума, — кивнул Касьян. — Я в курсе.

— Это будет последний президентский бал в истории старого Триума! Не будет больше ни Магистров, ни президента, только Сенат из свободных граждан! На нас больше не будут охотиться, зариться на нашу магию! Мы, маги, сами будем править миром! Миром, в котором таким, как мы не страшно жить и растить детей!

Какое-то время Касьян молчал.

— Ты... решил убить президента.

Юджин посмотрел на Касьяна, не мигая.

— Не просто решил. Я убью его.

— Но Нгеллер...

— Я сбегу из «Претория», — упрямо повторил Юджин. — И, кстати, о птичках. Раз уж ты вспомнил о нём. Эта бешеная собака тоже от меня не уйдёт.

Касьян покачал головой.

— Ты не сможешь один. Я ещё могу поверить в побег. Но убийство президента... Магистров... Это слишком.

— Я не один, Кас! Нас много. Мы — Сокрушители Оков! И Юла с нами.

— Зря ты не рассказал мне раньше, Юджин. Что-то говорить тебе сейчас бесполезно. И поздно.

— Мы и тебя вытащим! И не только! Вообще всех наших! Точнее скоро неоткуда будет вытаскивать! После уничтожения Магистрата, клянусь, я камня на камне от Аусвер не оставлю!

— Гхм, — нал ухом кашлянула Игрита, целиком перебравшись в комнату. — Вряд ли Авроре это понравится. Не говоря уже о том, что Аусвер — живая. Мы все здесь — живые. Хоть и представляем собой несколько иные формы жизни, нежели вы.

Юджин быстро обернулся. А затем опустил взгляд и поджал губы.

— А ты здесь откуда взялась?! — бросил он раздражённо.

— Аврора сказала, что я ей мешаю, — обиженно сообщила Игрита. — Вот она, человеческая благодарность! И это после всех моих бесценных советов!

— Приглядывай за Касом, ладно? — примирительно попросил Юджин.

Игрита фыркнула и передёрнула призрачными плечами.

— Он сам за кем угодно приглядит, — сообщила она, наморщив нос.

— Спасибо, Игрита, — кивнул Касьян. — Она права. Я мужчина. Я могу сам о себе позаботиться. Не надо носиться со мной, как курица с яйцом.

— Ты со мной носился, — пожал плечами Юджин.

— Ты был таким задохликом... — делано вздохнул Касьян.

— Вот это ты зря, — Юджин шутливо ткнул друга кулаком в плечо.

— Был, был, — подтвердила вредина-Игрита и показала призрачный язык. — Да и сейчас ещё хлипкий и слишком самоуверенный. Хорошо, что Аврора будет за тобой присматривать.

— Вообще-то это я буду за ней присматривать! — рассердился Юджин.

— Аха, — Игрит нахально склонила голову вбок. — Безумству храбрых поём мы песню!* (*«Песня о соколе» (1898) Максима Горького)

— Опять ты со своими дурацкими песнями! — вспыхнул Юджин. Но Игрит и не думала обижаться. Ещё одна непрошибаемая.

— А что плохого в песнях? — она скользнула на кровать между ними, и парни невольно подвинулись. Хотя Игрит и призрачная, но всё же девушка. И этот её невозможно-откровенный наряд Оракула...

— В песнях, между прочим, часто скрыт великий смысл! Так что тебе не мешало бы и вслушаться иной раз! Считайте это профессиональной деформацией, но хоть я больше и не работаю Оракулом, и вся эта ваша человеческая возня мне теперь чужда, но к вам-дуракам я отношусь хорошо, жалею. А учитывая, какие вы несносные, мне молоко надо за вредность давать.

— За какую ещё, — Юджин даже поперхнулся. — За каким фигом тебе молоко?!

Касьяну надоело трястись от беззвучного смеха, и он захохотал в голос.

— Давайте не будем ссориться, друзья, — сквозь смех проговорил он.

— Это он не хочет жить со мной дружно, — скорчила рожицу Игрит.

— А что там Аврора? — уже серьёзно спросил Касьян. — Собралась?

— Намного быстрее, чем этот копуша, — тут же сообщила Игрит. Юджин только зубами скрипнул — Вещей у неё мало...

Касьян похлопал его по плечу.

— Позаботься о ней, раз уж решил сыскать славу героя-добровольца...

Шутка — по мнению Юджина, неудачная — очень рассмешила Игрит. Призрак так и зашёлся хохотом.

— Позаботиться об Авроре, — почти пропела она, имитируя вытирание призрачных слёз. — Ну вы, блин, даёте!

— А что смешного?

— Да Аврора просто... Она... Да она вашего Нгеллера одним мизинцем в рулончик скатает! Позаботиться о ней, как же! Тоже мне, нашлись защитнички!

— Да какой из меня защитник, — махнул рукой Касьян.

— А я и не о тебе, — невозмутимо пожала плечами Игрит. — Съел?

— Что она обычно говорит в таких случаях, — Юджин наклонился и посмотрел на друга из-за призрачного плеча. — Смеяться после слова лопата?

— Не-а, — с серьёзным видом покачал головой Касьян. — Обычно она начинает петь...

— Упаси нас Четырёхликая от подобного бедствия! — подхватил Юджин.

— Вы несносные нахалы, вот вы кто! — безапелляционно заявил призрак.

Глава 40. Аврора

О том, что что-то пошло не так стало понятно, когда ректор сообщил, что мы с Юджином поступаем в распоряжение Магистра Нгеллера.

Бенжамина среди Магистров не было.

Сперва я думала, что он просто готовится к нашей передаче (первая часть плана по раздаче всем студентам Аусвер новой модели напульсников прошла блестяще!), и только когда увидела ехидную ухмылочку на губах того, кого во всём Преториуме зовут Чёрным Доктором, мне стало не по себе.

От Магистра (я впервые видела Чёрного Доктора так близко) за версту разило болью и безумием.

Находиться с ним рядом было невыносимо. Пальцы сами собой сжимались в кулаки, перед глазами темнело от злости.

Мной вдруг овладела страшная догадка: Бенжамин отсутствует на этом клятом общем сборе не просто так...

Кажется, он обмолвился, что мой скорый перевод в «Преторий» необходим, чтобы обойти одного высокопоставленного засранца.... Я спросила: «Кого же?» и Бенжамин промолчал, сжав мои пальцы, перевёл разговор на другую тему. Я не стала настаивать, потому что поняла, что так он проявляет заботу обо мне, не хочет пугать.

Но если бы знала, расспросила бы поподробнее, в этом можно не сомневаться!

И вот что было делать? На глазах у всей академии? Спрашивать, где Бенжамин? Так Тринадцатый Магистр — куратор Аусвер и уж точно ни он, ни другие Магистры не обязаны отчитываться перед студенткой.

Закатывать истерику, скандалить? Очень смешно. В Аусвер умеют купировать истерики даже до того, как они начинаются. Меня бы просто оглушили, под завязку накачав Стазисом и отправили бы в лабораторию Нгеллера, спелёнатую, как младенца. Ещё и Юджин рядом... уж он-то точно наделал бы глупостей!

Всё, что я могла — сохранять остатки самообладания, улыбаться Магистрам и даже Нгеллеру, которого, справедливости ради, моя улыбка корбила. Глаза Чёрного Доктора тут же загорелись безумным пламенем, обещая, что мне придётся ответить за эту улыбку. Маньяк!

На какую-то долю секунды я поняла, что вот-вот утрачу контроль, шарахну по его поганой роже тем же Колющим Пламенем, а там будь, что будет...

Меня остановило лишь то, что это не поможет ни Бенжамину (если моя догадка верна и он и вправду попал в беду!), ни нам с Юджином (который не замедлит присоединиться к бунту, ох уж мне этот огонь...), ни, конечно, остальным — настоящим и будущим студентам Аусвер.

Улыбнувшись ещё шире, я кивнула, поблагодарив за «великую честь» и пошла собирать вещи.

Собралась, вопреки ценным советам Игрит, быстро. После чего ожидала Юджина у ворот.

С момента моего прибытия в Аусвер прошло чуть больше месяца, и вот я уже покидаю академию. Было обидно. Потому что Аусвер, несмотря на всю эту эпопею с выкачкой магии из студентов, которой я твёрдо решила положить конец, как только узнала об этом безобразии, оказалась живой. Чудесной и волшебной, как и мир вокруг. Словно огромное живое существо, которое не виновато, что в его стенах происходит столько несправедливости.

Я пообещала себе, что вернусь сюда. Обязательно. И наведу здесь порядок.

И, опять же, мне учиться нужно!

Ночь, проведённая наедине с Бенжаминем показала, что учиться нужно многому. Очень и очень многому. Без него я бы сотой доли проделанной нами работы не сделала бы. Так что заранее очень искренне сочувствую тому, кто решит нас разлучить! Разозлить меня сложно, но всё же можно.

И Нгеллеру это удалось.

Мой новый план был прост.

Проникнуть в «Преторий», в лабораторию Безумного Доктора. Сомневаюсь, что там круглосуточно дежурят семь Магистров, как сегодня на сборе. Магический резерв я восстанавливать умею и ещё как. Сделать это не сразу, притвориться, что обессилена — сумею.

А потом сбегу вместе с Юджином и найду Бенжамина.

План, конечно, не ахти какой, скорее набросок плана, но другого нет. Ничего, буду импровизировать.

Мысль о том, что с этого дня все студенты Аусвер под защитой новых артефактов, грела. Магистры, конечно, удивятся внезапно выросшему всеобщему резерву, ну да то уже не моя беда.

...Я ловила на себе полные жалости и сочувствия взгляды. Не все решались подойти попрощаться, чтобы не привлечь лишнего внимания. Но Жас, Ветла, Ари, Тася и несколько других девушек и парней подошли. Обнимали, желали удачи.

Вскоре появились Юджин с Касьяном.

Юджин шепнул на ухо, что Игрит покажет Касьяну наш тайник и другие студенты Аусвер смогут увидеть записи, которые мы успели сделать, руководствуясь знаниями, полученными из книги. О том, чтобы брать папку с материалами с собой в лабораторию Нгеллера, конечно, никому из нас и в голову не пришло.

Игрит попрощаться не пришла, заявив Юджину, что, мол, «долгие проводы — лишние слёзы». Хотя какие могут быть слёзы у призрака?

Ворота Аусвер вспыхнули, выпуская нас. Снаружи уже ожидал белый фургон. Миротворцы забросили наши чемоданы в багажный отсек. Юджин подал мне руку, помогая забраться внутрь. Напротив нас уселись миротворцы и два мага, вроде как сопровождение, а на самом деле — охрана.

— Неплохой заголовок для криминальных новостей, — проворчал он. — Их тела были обнаружены в не приметном белом фургоне...

Я прыснула.

— Ещё чего, — ответила ему. — Я на такое не подписывалась!

— Эй! Что за нахрен? — Юджин показал в окно. — Почему мы свернули с дороги в «Преторий»?!

Сердце пропустило удар.

— Магистраль ремонтируют, — ответил один из магов с неохотой и отвёл взгляд. — Едем круглым путём.

Отчего-то после этого его пояснения тревога только усилилась.

— Чтоб мне сдохнуть на этом месте, — простонал Юджин, глядя на приближающийся забор, увитый искусно выкованными из железа розами. С шипами. — Это не «Преторий», Аврора. Нас обманули. Это личная резиденция Нгеллера!

Я не успела ответить. Висок взорвался болью, а следом в плечо вонзилось что-то острое и очень щипучее.

Мир качнулся, и последнее, что я увидела, как Юджин, закатив глаза, сползает с сиденья.

Глава 41. Аврора

Я часто заморгала и не сразу поняла, что пришла в себя. Прямо в глаза бил яркий свет, отдавался тупой болью в мозгу. Нос был заложен, а горло першило от горького привкуса лекарств. Фу. Первое, что я попыталась сделать — пошевелить руками и ногами. Не удалось. Тело словно не принадлежало мне.

Зажмурившись и мысленно настроившись на книгу, я осторожно приоткрыла ауру и тонкой струйкой впустила магический поток. Аура дрогнула от натуги, что та плотина — я привыкла брать много и резко сразу, но сейчас не могла рисковать, привлекать внимание.

Почувствовав, что сил достаточно для того, чтобы пошевелиться, снова попробовала. И снова не вышло!

Разозлившись, я подняла голову и поняла, в чём дело: руки, ноги, талия, бёдра — всё было прижато к твёрдой поверхности белыми ремнями. Значит, не Стазис или ещё какой парализатор. Уже легче.

На соседней кушетке также связанный, лежал Юджин. Друг спал — это я поняла по ровному дыханию и мерному мерцанию ауры. Я выдохнула с облегчением: на запястье его по-прежнему был браслет-напульсник. Слава Четырёхликой, снять они его не догадались. Мой же отсутствовал — задним умом я вспомнила, что небрежно застегнула его, ещё там, в зале. Должно быть, соскочил. Впрочем, с нами не сильно заморачивались — оба были одеты, лишь рубашка и мантия распахнуты на груди. Для доступа к магическим фистулам, поняла я.

За стеной раздался голоса. Я прислушалась.

— Они готовы?

— Да, Магистр.

— Как прошла выкачка?

— Без происшествий.

— Результаты?

Возникла пауза, видимо тот, кто отвечал, вывел данные на экран или предоставил письменную отчётность.

— Сколько?! — к своему злорадству я услышала, как Нгеллер поперхнулся. — Это должно быть, ошибка.

— Никак нет, Магистр. Мы продолжили бы и дальше, но вы сказали следит за их состоянием и не превышать лимит.

— Но лимит превышен! Дуболомы! Вы уверены, что они вообще живы?!

— Так точно, Магистр. Парню так вообще, такое ощущение, что всё побоку, а девчонка, да, немного ослабла.

— Гм... Учитывая, что у него всего тринадцать маг-кубов, а у неё двадцать восемь... Что, сфинксы меня дери, происходит в этой Аусвер?! Студентам внедрили вечные магические батарейки из научно-фантастического романа?

— Я понимаю, что вы шутите, Магистр, и всё же в каждой шутке...

— Да. Мы обязательно с этим разберёмся. Халат!

Понимая, что вот-вот сюда придут, я не стала тянуть.

— Юджин, — тихо позвала я. — Проснись.

— Аврора?

— Тихо!

— Что, сфинксы драные, происходит? Где мы?

— Т-с-с. Сейчас сюда придёт Нгеллер. Мы должны атаковать одновременно. По моей команде. Попробуем прорваться.

Усилием мысли я собрала в ладони Ледяное Пламя. Спустя секунду манжета треснула, а я смогла,

наконец, помогать волшебю пальцами. Страшно не было. Внутри словно включились магические часы, отсчитывающие каждую секунду.

Раз — и Ледяное Пламя охватывает ремни на всём теле. Два — я понимаю, что могу двигаться. Три — бросить взгляд на Юджина и убедиться, что он всё делает правильно. Четыре — звук распахиваемых дверей. Шаги.

Открываю глаза и сталкиваюсь взглядом с Нгеллером. Глаза Магистра над белой повязкой горят торжеством и безумием. Он смотрит на меня, но не видит. Не видит меня. Лишь объект для экспериментов. Любопытный объект, к которому неосознанно испытывает ненависть. Желание уничтожить.

И это правильно — я пришла, чтобы разрушить его мир.

Кожей чувствую, как на соседнем столе напрягается Юджин. Ему трудно сдерживать себя, не атаковать первым, но он переступает через себя. Ради меня.

Нгеллера окружают маги, докторусы, сёстры в белых халатах и перчатках. Безликие, скрытые под масками.

Он приближается ко мне и время вдруг замирает, тянется, как кисель, как бывает в кошмарном сне. Я слышу его дыхание, биение сердца. Чувствую, как удовольствие от предвкушения чего-то страшного охватывает всё его существо.

А потом наступает конец света!

За стеной гремит взрыв. Барабанные перепонки чуть не лопаются!

Раздаются выстрелы!

Двери влетают в помещение прямо с вырванными с мясом петлями, погребая под собой тех из докторусов и сестёр, кто стоял ближе!

В дымном проёме возникает тёмный силуэт.

Бенжамин!!!

Но в каком виде!

Камзол истерзан, висит клочьями. Одного рукава вообще нет.

Одна бровь рассечена, под глазом кровоподтёк, на скуле наливается синяк, губа разбита.

В каждой руке по револьверу!

Один — я чувствую — несёт в себе смерть, второй заряжен кристаллами Стазиса.

Снова звучат выстрелы, раздаются крики, давка. Маги в белых масках образуют живой щит вокруг Нгеллера, тот, быстро придя в себя, выбрасывает руки перед собой и бьёт по живой мишени смертоносными заклинаниями!

Но Нгеллер всего лишь Магистр, а Бенжамин получил передачу от Двенадцати. В нём сила целого Магистрата!

— На пол, Аврора! — командует он.

Я решаю не спорить и тяну за собой Юджина, который, естественно, собирается присоединиться к «избиению Магистров»...

— Молчи! — кричу я, обхватив руками его лицо. — Просто доверься ему!

Комнату наполняет дым, пространство продолжают прошивать хлопки выстрелов.

Наконец, всё утихает.

К столу, под которым мы сидим, приближаются ноги в обугленных, в дырах, брюках.

— Вылезайте, — раздаётся голос Бенжамина. И для меня он звучит слаще райской музыки.

— Ты убил их, — шепчу я, перешагивая через тело в багровых потёках на белоснежном халате. Мой голос дрожит, потому что понимаю со всей ясностью: я бы не смогла.

Я не могу убивать.

— Ничего, поверь, они это заслужили, — отвечает Бенжамин и выпускает пулю в голову тому, кто пошевелился.

Я прячу лицо на груди Юджина, и друг неловко обнимает меня за плечи.

— Прости, что тебе пришлось увидеть это.

— Ты грохнул Нгеллера? — в голосе Юджина звучит недоверие.

Я повернулась и увидела, как Тринадцатый Магистр покачал головой.

— Убийство Магистра не сошло бы нам с рук. Сейчас. К сожалению, он лишь оглушён.

— А жаль...

Подойдя к неподвижно лежащему Магистру, Юджин от души пнул его в пах.

— Юджин! — вырвалось у меня и друг виновато пожал плечами.

— Не все мертвы, — пояснил Бенжамин, выглянув в коридор и обернувшись к нам. — Не все работают здесь по своей воле. Кого-то удалось вынудить шантажом, кого-то принудить, запугать.

— Это их не оправдывает! — запальчиво воскликнул Юджин.

Бенжамин на миг закатил глаза.

— У нас нет времени на философию морали. Пошли, Аврора. Нас ждёт машина.

— А куда мы едем? — спросила я, перешагивая через тела.

— Ко мне домой, — ответил Бенжамин и вздохнул. — Не в дистрикт. В мой дом в Преториуме. Туда без моего разрешения попасть сложно, — он усмехнулся.

Я оглянулась на Юджина.

— Я без него не уйду!

Бенжамин пожал плечами.

— Я и не собирался его здесь оставлять. Ну, что замер столбом? Времени нет глазами хлопать. Погнали.

Глава 42. Юджин

Дом у Магистра оказался неожиданно приятным, хоть и каким-то нежилым. Обставлен со вкусом, без всей этой кричащей преторианской роскоши, но в то же время больше напоминал музей. К удивлению Юджина, он вынужден был признать (но не признаться), что ему здесь нравилось. Но с другой стороны, после ненавистной Аусвер и рудники раем покажутся...

После того, как все привели себя в порядок и перекусили, случилось то, чего Юджин ожидал с той самой минуты, как они покинули лабораторию Нгеллера. Разговор.

Отставив пустой стакан, Сенека посмотрел на него выжидательно. Словно ждал, что Юджин сам захочет что-то рассказать. Вот уж фигурки! Несмотря на то, что этот Магистр, с пластырем на брови, фингалом и разбитой губой был каким-то другим, не таким, как его знал Юджин, — каким-то молодым, что ли, отвязным, эдаким плохим парнем, на которых падки хорошие девочки (от одной этой мысли зубы сами собой заскрипели), всё же он оставался Магистром.

И, самое обидное, — весь этот «вечерний макияж» несколько его не портил! Наоборот! И за это Юджин ненавидел его куда сильнее, чем за принадлежность к Магистрату.

— Значит, так, ребята, — не дождавшись, пока Юджин заговорит, Сенека заговорил сам. Обращался он к ним обоим, но смотрел на него, на Юджина. И это не сказать, чтобы сильно радовало. — Я сильно подставился. Нгеллеру явно не понравилось, что его приложили магией и перебили всю его команду. Не говоря уже о...гм... хирургическом вмешательстве, произведённом без согласия пациента.

— Каком вмешательстве? — Аврора захлопала ресницами и подула на чашку с отваром, которую держала в обеих ладонях.

Юджин хмыкнул, а Сенека посмотрел на него строго. Тоже ещё, воспитатель нашёлся!

— Я тебе потом объясню, — сказал Сенека, обращаясь к Авроре, как показалось Юджину, смущённо. Да что между этими двумя? Он был бы только рад ошибиться в своих предположениях!

Опасаясь, что выдаст себя взглядом, мимикой, поспешно спросил, не забыв добавить цинизма в голос:

— Очнётся и побежит, подволакивая ножку, жаловаться нашему любимому президенту?

Сенека отчего-то облегчённо вздохнул.

— Ещё как побежит, можешь не сомневаться. Но не так быстро. Эти дни Тод не принимает. Готовится к ежегодному балу в честь дня независимости Триума. И именно об этом я хочу с вами поговорить. Независимостью Триум обязан магам.

— Магистрам, вы... ты хочешь сказать? — Юджин выругался про себя. Он никак не мог определиться — говорить Сенеке «ты» или «вы». С одной стороны, он ему что, приятель, чтобы ему тыкать? С другой стороны... на «вы» обращаются к тем, кого уважают. Если не вынуждены, конечно. Уважать. А Юджин априори не уважал ни одного из Магистров. И не собирался начинать.

— Нет, именно магам, — покачал головой Сенека. — Магистрами они стали позже. Именно тринадцатого нисана, в день, когда наши предки отбили Триум у захватчиков, мы должны напомнить Тоду, что маги по-прежнему на стороне Триума.

— Как драматургично, — вырвалось у Юджина ехидное.

— И что куда больше пользы они принесут живыми, здоровыми и счастливыми, — продолжал Сенека, не обращая внимания на ценные замечания Юджина. Бесит! — Мы представим президенту новейшую разработку — автономный магический усилитель, экспериментальное исследование которого получило самые обнадеживающие результаты, о чём свидетельствуют данные, полученные в Аусвер.

Он сунул руку в карман и положил на стол браслет. Стандартный напульсник, им такие сегодня выдали.

— Бенжамин представит всё так, словно мы экспериментировали с самого начала, стоило мне оказаться в Аусвер, а Бенжамину заметить мой дар. Пока не изобрели и не внедрили напульсники, — пояснила Аврора. И обернулась к Бенжамину. — А с магофоном успеем? Хотя бы с экспериментальными моделями?

Сенека смутился. По глазам было видно, что рассуждать о магофоне ещё рановато.

К счастью, Юджин его выручил.

— Так это всё браслет? — он с размаху хлопнул себя по лбу и тут же устыдился своего ребячества.

— Ну конечно, — кивнула Аврора. — Я думала, ты раньше догадаешься. Все студенты Аусвер теперь под надёжной защитой.

— Пока на них браслеты...

— В любом случае, мы выиграли время. Теперь оно на нашей стороне.

— Ты понимаешь, Юджин?! — Аврора так и светилась от счастья. Правда, это её свечение омрачало то, что оно возникало, когда она смотрела на Сенеку. — На нашей!

— А вам не приходило в головы, — немного грубовато произнёс Юджин, — что выкачку магии это не остановит? И даже наоборот, усилит! Это ваше открытие сделает магов просто-напросто живыми батарейками! Пусть их дару и жизни больше ничего не угрожает, но существовать в качестве вечного донора такая себе перспектива!

— А вот и нет! — воскликнула Аврора.

— Нам осталось совсем немного, чтобы достичь точки Абсолюта в автономности, — пояснил Сенека. — На балу тринадцатого нисана мы представим механизмы, производящие магическую энергию сами по себе. Живые носители магического резерва больше не понадобятся.

— Ещё хуже! — не сдавался Юджин. — Нас просто перебьют за ненадобностью. Ну, может, тех, кто из преторианских, оставят. Для виду. С подпиской о невыезде и всё такое...

— Не перебьют, — уверенно сказал Сенека. — Во-первых, не так-то это просто — убить мага. И тем более, много магов. Во-вторых, мы думали об этом.

— И придумали магические ограничители! — не выдержала Аврора.

— Работать они будут по принципу действующих фистул. Только замкнуты не на внешние потоки, а на внутренние.

— Поддержка магического резерва в пять, в семь маг-кубов, — пояснила Аврора. — Этого недостаточно, чтобы представлять опасность. Но вполне годится, чтобы жить, и жить хорошо, причём вне Преториума. Заниматься, ну, скажем, изготовлением амулетов, охранной магией, знахарством. Магической механикой, опять же, если интересно

— Те, кто захочет развивать дар, будут поступать в магические учебные заведения, — на этих словах Юджин цинично скривился. — Понимаю, сейчас это звучит, как сказка, но она станет действительностью раньше, чем ты думаешь. Заключив сделку с государством, маг будет чувствовать себя в безопасности, и работать на благо своей семьи и страны.

— Работать не только в Преториуме, — снова вмешалась Аврора. — Новая магическая реформа облегчит жизнь гражданам всего Триума!

Хотел бы Юджин сказать, что именно облегчит жизнь всему Триуму, уж на это у него было собственное мнение. Но, с другой стороны, бал совсем скоро... И надо же чем-то заняться в эти дни? А работа, о которой говорили Сенека и Аврора обещала быть интересной. С научной точки зрения...

— Вы уверены, что вам удастся убедить президента? — спросил он.

— Возможно, удастся, — не стал утверждать заранее Сенека. — Но для этого нам предстоит много поработать.

— Но ведь до бала всего три дня, — напомнил Юджин и отвёл взгляд.

— Значит, нужно работать три дня, — строго сказал Сенека. — На своём максимуме. Мы начнём с исследований. Мне нужно осмотреть ваши ауры на новом, экспериментальном оборудовании. Ты первая, Аврора.

Она кивнула, и Сенека улыбнулся ей.

— И избавиться от фистул, — продолжал Магистр. — Они больше вам не понадобятся. Ну, за работу!

Глава 43. Юджин

С лучающимися интересом глазами Аврора ходила вокруг новой, экспериментальной модели магического томографа в исследовательском отсеке дома, пока Сенека вбивал нужные данные. Сейчас девушка ляжет на специальную кушетку и с помощью новейшей разработки Тринадцатого Магистра, и они увидят послойное отображение её тела, ауры, связующей их энергоструктуры.

Но пока Сенека не дал сигнал, Аврора с любопытством осматривала громоздкий и пугающий (по мнению Юджина) механизм, со множеством рычагов, шестерёнок, кристаллов и прочих сложных и подвижных деталей. Аврора напуганной не выглядела. Наоборот, Юджин вынужден был признаться себе, что впервые видит подругу такой счастливой.

Девушка водила ладонями по прохладной поверхности, прижималась щекой к мигающим лампочкам и закрывала глаза, словно прислушиваясь, словно эта адская машина — живая. И, Юджин мог бы поклясться, Аврора механизму тоже нравилась. Он не понимал, как, но чувствовал, что гигантский магический механизм тянется к Авроре, ластится, как большой умный пёс.

— Ложись, — скомандовал Сенека и Аврора легла.

Вокруг хрупкой фигурки в лёгкой белой тунике и широких брючках принялось вращаться колесо.

Юджин невольно потёр грудь — за два с лишним года он так привык к магической фистуле, что её отсутствие ощущалось чуть ли не дискомфортом. Не выдержав, приоткрыл рубашку, скользнул взглядом по впадинке на груди. Идеально ровная кожа. Ни следа...

— Кого ты тут пытаешься соблазнить, — не поворачивая к нему головы, проворчал Сенека. — Застегнись уже!

Юджин нехотя послушался.

— Шрама не осталось, — пробормотал он. — А должен был! — он вспомнил шрамы Ромуса и Юлы, которые те предъявили при первой встрече.

— Сделать тебе шрам? — усмехнулся Магистр.

— Себе сделай, — огрызнулся Юджин.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — вдруг обернулся к нему Сенека.

Юджин упрямо мотнул головой, не опуская взгляда.

Магистр пожал плечами и снова вернулся к приборам.

— Вот оно! Получилось! — ни к кому конкретно не обращаясь, сказал он.

Над неподвижно лежащей Авророй замерцал призрачный силуэт, проекция. В ней проглядывался скелет, мерцающие органы, мышцы, искрящиеся подвижные потоки, должно быть, кровь, а радужные сполохи вокруг, несомненно, аура.

— Проклятье Четырёхликой! — прошептал Сенека, подходя ближе и вглядываясь в проекцию над её головой.

— Что там? — с любопытством в голосе спросила Аврора. — Что-то интересное?

— Не то слово! — ответил Сенека и вдруг поманил Юджина. — Ну-ка, иди сюда!

Юджин тут же приблизился. Он и сам собирался, если что...

— Ты видишь? Её мозг!

— А что с ним? — в один голос спросили Аврора и Юджин.

— Вот! Anterior insular cortex... Боги!

— Что?

— П-передняя островная кора, — запнувшись, скороговоркой пояснил Сенека. — Проще говоря, центр эмпатии... Именно в anterior insular cortex возникает и происходит чувство сопереживания!

— И что? — не понял Юджин.

— А то! По сравнению с этим, твоя, должно быть, напоминает изюм. Ну, или ссохшуюся горошину!

— Попросил бы без оскорблений!

— Ладно, — Бенжамин махнул рукой. — Я никогда не видел ничего подобного. Она... развита, но не так, как у остальных.

— Недоразвита? — с интересом пискнула Аврора и добавила, хмыкнув: — Это многое бы объяснило.

— Да какое там! — в тон ей ответил Сенека. Наоборот! Ты все чувствуешь, Рори! Не можешь не чувствовать... Сфинксы драные, как ты вообще живёшь?!

— С переменным успехом, — пожала она плечами и улыбнулась. Нежно и тепло. — Но вообще я привыкла. Хуже всего с болью. Больно всем... Кому-то больше, кому-то меньше. Я просто хочу, чтобы все были счастливы. Ну, насколько сами того хотят...

— Это всё её магия? — спросил Юджин. — Она так повлияла?

— Магия или... мутация, — задумчиво проговорил Сенека.

— Я мутант? — с интересом спросила Аврора.

— Ты — чудо, — уверенно ответил Сенека, и, как Юджин ни был зол на него, с этим он не мог не согласиться.

— Нет, — уверенно покачала Аврора и села. Проекция тут же исчезла. — Вот что — чудо!

Она свесила ноги, вытянула руки перед собой.

Юджин знал, что за этим последует. Видел прежде. Но не ожидал, что книга проступит в воздухе так явно! Словно каким-то чудесным образом перестала быть иллюзией, обрела физическую форму!

Аврора осторожно взяла её в руки и распахнула.

Сенека уставился на неё с открытым ртом.

— Э-т. Эт-то что? — тыкнул он пальцем.

— Книга, — спокойно ответила Аврора. — Прости, что раньше не рассказала. Сначала я видела её во сне, потом — под Сферой Истины в пагоде. Ну, ты понимаешь, плотный магический фон и всё такое... А потом стала видеть и даже трогать в любой момент, когда захочу. Все мои идеи по магической реформе, они не совсем мои... То есть мои, но... Блин, это офигеть, как сложно!

Сенека, выпучив глаза, медленно кивнул. Покачнулся, но всё же, к неудовольствию Южина, сохранил равновесие. А потом, странно всхлипнув, бросился прочь.

— Куда он? — Аврора подняла взгляд на Юджина.

— Сбрендил, — уверенно ответил он. И, подумав, мстительно добавил: — Наконец-то.

Глава 44. Бенжамин

Рискуя показаться сумасшедшим, Бенжамин пулей вылетел из исследовательского отсека, чтобы вернуться спустя две минуты, с заламинированными листами в дрожащих руках.

Рори бросилась к нему, порывисто прижалась всем телом.

— Ты в порядке? — она подняла на него свои лиловые глаза. Лиловые... Больше не розовые. Тому, что девушка перестала быть альбиносом, тоже, наверняка, есть научное объяснение. Но этим они займутся потом. Сейчас важнее всего откровение Четырёхликой. То самое, последнее. О котором никто кроме него не знает.

Поцеловав тёплую макушку, и заверив Рори, что никогда ещё не был в большем порядке, чем сейчас, Бенжамин заметил краем глаза, как при всём при этом скривился Юджин. Но сейчас ему было не до уязвлённых чувств соперника. Которого, к слову, он и соперником никогда не считал...

— Вот, — пробормотал он, сунув нужную страницу Авроре. — Читай!

Растерявшись, она, в свою очередь, протянула ему книгу, предварительно её захлопнув, и — о, чудо! — книга никуда не исчезла! Она оказалась приятно тяжёлой и тёплой на ощупь! Бенжамин почувствовал, что прямо сейчас потеряет сознание. От счастья.

Теперь все части мозаики сложились! Он нашёл то, что искал!

— Каждый носитель, — читала Аврора, хмурясь, — Проводник... какая пошлость, медиум, по-вашему, увидит его так, как для него привычнее всего видеть и воспринимать носитель информации. Жрец древнего Египта увидел бы папирус, шумер — табличку из глины... житель двадцать первого века — планшет или голограмму. Вы же... скорее всего увидите книгу. Это неважно. Совсем неважно... Сложнее будет прочитать её. Только после прочтения можно будет передать Живое Знание, по-вашему — живую, нескончаемую магию — людям. Объединить то, что принесла я, с энергией этого мира. Прогресс! Как же долго ждать, пока все четыре Свитка встретятся... Как же долго... Только сильный маг сможет овладеть Знанием. По-вашему — прочитать Свиток... Что это значит, Бенжамин? Я не уверена, что поняла...

— Ты — проводник Живого Знания в наш мир, Рори, — выдохнул Бенжамин. — Ты и есть Свиток! Чтoб мне сдохнуть прямо на этом месте!

По взгляду Юджина Магистр понял, что последняя его идея особенно пришлась рыжему студенту по душе.

Отмахнувшись и прижав книгу к груди (что не очень-то легко было делать, учитывая, что прижимать хотелось также Аврору), он принялся рассказывать. О том, что в мире кончается магия (или уравнивается мутация?), об Откровениях Богини, о Свитках — ценнейшая информация, которой до настоящего момента обладал лишь он...

По мере его рассказа Аврора всё чаще потирала виски и морщилась.

— Ты в порядке? — спохватился он.

— Кажется, да, — неуверенно ответила девушка. — Голова болит.

— Вот до чего твои сфинксовы эксперименты доводят! — не преминул поддеть его Валкони. Правда, тут же обеспокоенно обратился к Авроре. — Ро, может отвар сделать? Обезболивающий? Или порошок развести?

— Не надо, — Рори задумчиво помотала головой. — Это точно не из-за исследования.

— А из-за чего же? — не унимался Валкони и Бенжамину захотелось от души треснуть того по рыжей макушке.

Она уселась в кресло, которое подкатил ей Бенжамин (себе подкатил следом, а в сторону Валкони даже не взглянул — перебьётся!) и ответила:

— Такое ощущение, что я вот-вот что-то вспомню, что-то важное, очень важное... и никак.

Она виновато развела руками.

— Не напрягай мозг, — попросил Бенжамин. — Если нужно вспомнить, ты вспомнишь.

— Днём позже или раньше, — в виде исключения согласился с ним Юджин, который, за неимением кресла на колёсиках, подпрыгнул и уселся прямо на стол под томографом. Бенжамин, также в виде

исключения не стал делать студенту замечание.

— Это не главное, — покачала головой Аврора и обернулась к нему. — Бенжамин, ты можешь читать эту книгу?

Книга!

О ней он забыл, хотя по-прежнему прижимал тяжёлый том к груди, как мамаша младенца.

Затаив дыхание, он раскрыл её на первом же попавшемся месте.

Поначалу значки и сияющие символы казались ему незнакомыми, но вот они начали складываться в слова, схемы, формулы...

Оторвав взгляд от книги, он кивнул и сглотнул.

— Она сказала, что я смогу её прочесть, — тихо сказал он, и, снова сглотнув, захлопнул книгу.

— Кто сказал?

— Четырёхликая.

Юджин криво усмехнулся. Во взгляде его серых глаз явственно читалось «А я ведь говорил, что он сбрендил!»

— Ты говорил с Богиней? — серьёзно спросила Аврора.

Бенжамин кивнул на листки Откровения:

— Я записал это с её слов.

— Давно не виделись, Бенжамин, — раздался тонкий голос, который Бенжамин узнал бы из тысячи.

От приборной панели отделилась призрачная фигурка и Валкони присвистнул.

— Тебе бы шпионом работать, Игрит...

Бенжамин смотрел на призрака во все глаза.

— Я видел тебя в академии, — рванув ворот рубашки, проговорил он. — Но думал, ты меня не помнишь. Призраки часто теряют память. После того, как... Становятся, собственно, призраками...

— Всё мы помним! — отмахнулась Игрит. — Просто теряем интерес. Ко всему, что интересно вам, людям. Ну или почти ко всему, — она игриво улыбнулась и Бенжамин почувствовал, что предательски краснеет.

Тот их поцелуй... Единственный. Эти ни с чем не сравнимые эмоции, ощущения... Они вернулись, позже. С появлением Рори в его жизни. Но несли в себе несколько иной окрас. Это он сейчас понял. Их любовь с Игрит — а она была! Была, сфинксы его дери, пусть и длилась всего несколько мгновений! — их любовь была заранее обречена, изначально окрашенная привкусом жертвенности и безнадёжности. А с Авророй...

Их любовь стала его, Бенжамина, жизнью.

И только сейчас, узнав, кто она, заново осмыслив Откровение Четырёхликой, Бенжамин осознал с беспощадной ясностью: его жизнь в буквальном смысле.

Если бы не Аврора — его бы, наверное, уже не было...

— Так вы и вправду были знакомы до того, как Игрит... — Аврора осеклась и тревожно посмотрела на него. Бенжамин нежно сжал кисть девушки и кивнул.

— Если бы не Игрит, этой информации, — он кивнул на Откровение, — не было бы.

Польщённая Игрит усмехнулась.

— Я рада, что у тебя получается удерживать Свиток вниманием всё дольше и дольше, — сказала она Авроре. — И тому, что Свиток, наконец, в руках того, кто сможет его понять и прочесть. Конечно, на это потребуется время, а у вас его не так много...

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Валкони.

— То, что для осуществления задуманного, вам нужны определённые страницы. Я сэкономлю ваше

время и усилия. Покажу, какие. Вы с Авророй поможете их переписать. А Бенжамин придумает, как воплотить Знание в Жизнь.

— А всё-таки, почему ты не в Аусвер? — спросил Валкони.

Игрит передёрнула призрачными плечами.

— Я уволилась.

— Уволилась?

Призрак скорчил рожицу.

— Ты прав. Слиняла. Я, кто бы мог подумать, бунтарка. Даёшь революцию, Юджин? — и она вдруг подмигнула Валкони, а тот отвёл взгляд.

Глава 45. Бенжамин

После ловушки, подстроенном Нгеллером и заточения в подземелье Аусвер Бенжамин не питал ложных иллюзий касаясь своей безопасности. И, особенно, безопасности Авроры.

Каким сфинксом Нгеллеру удалось получить президентское разрешение на изъятие студентов Аусвер? Бенжамин ещё мог бы в это поверить, не говори они с Тодом накануне. Президент ясно дал понять: исследование феномена сильной магии надлежало заниматься им в паре. Причём Бенжамин должен был быть в этой паре главным. Хотя бы на том простом основании, что он, Тринадцатый Магистр, — куратор Аусвер.

Президента можно было обвинить во многих грехах. Но вот дураком тот никогда не был. И хорошо осознавал, кому Преториум обязан многими открытиями, положительно сказывающимися на экономике государства. Нгеллер, бесспорно, тоже талантливый учёный. Но ещё и маньяк, получающий удовольствие от чужой боли... Это Тод тоже знает. Поэтому и поставил Бенжамина руководить их совместным проектом.

Всё произошло слишком неожиданно. Его ударили подло, в спину. Кто-то из Магистров Аусвер оказался из числа приверженцев идей Нгеллера.

Прежде, чем потерять сознание, Бенжамин успел подумать — хорошо, что удалось внедрить новую модель напульсников. По крайней мере, студенты в безопасности. Все, кроме Авроры!

Эта мысль, преследующая его даже в небытии, и помогла очнуться. Потому что били сильно. Наверняка. Хуже всего было то, что, очнувшись, Бенжамин обнаружил себя в антимагических кандалах.

Но на помощь пришла Игрит! А с ней — леди Морвейн и все призраки Аусвер!

Да, призрак — бесплотная форма жизни, ключа, даже левитирующего, магического ему не поднять...

Но когда их много — они сила! Силища!!!

Ключом же, по заверению леди Морвейн, Бенжамин был обязан некоей статуе в Аусвер.

Ошибка думать, что статуям нет дела до людей. Ещё как есть! Всё они видят, всё замечают!

Захлёбываясь от восторга и каждое предложение сопровождая восклицаниями «Ах, бетриссимо! Какая смелая девочка! Ах, молодость! Экспрессия! Какие захватывающие приключения! Я в восхищении! В полном, полном восхищении!», Молчаливая Леди поведала Бенжамину, что одна из статуй приложила спешащего мимо Магистра кулаком, да ещё ткнула в лицо осколком зеркала! На вопрос Бенжамина — откуда у статуи зеркало — леди Морвейн лишь закатила глаза и мечтательно улыбнулась.

Искать в Аусвер крысу (с целью добить) Бенжамин не стал. Успеет ещё раздавить.

В резиденцию Нгеллера он успел вовремя.

Ещё месяц назад фиг бы он прорвался сквозь магическую (и не только) систему защиты. Но время, проведённое рядом с Авророй, не прошло зря. Сейчас в нём бурлила сила, или правильнее сказать, Силища Магистра Двенадцати. Помноженная друг на друга, усиливающая свойства магии каждого из Магистров.

Те из охранников и магов, что поумнее, видя, во что Бенжамин превратил первый этаж резиденции, благоразумно разбежались в ужасе. С остальными, более упрямыми, пришлось немного повозиться.

Забрав Аврору и эту рыжую занозу в шее, Бенжамин увёз их в свой дом.

Пробиться вслед за ними пытались. Не слишком настойчиво, правда, но всё же.

Более того, Тод требовал, чтобы Бенжамин немедленно прибыл во дворец! Ага, разбежался. Только шнуры погладит.

Заверив орущего в трубку президента, что он гарантированно реабилитируется в его глазах на предстоящем балу, Бенжамин положил трубку на рычаг. А потом вырвал с корнем провод и шарахнул ни в чём не повинным аппаратом о стену.

Сам же вернулся к работе и параллельным обследованию студентов...

Большим, пожалуй, ещё большим, потрясением для него, нежели даже обнаружение того, что

девочка, оказывается, и есть живой Свиток, был её стремительно набирающий обороты магический потенциал. Сфинксы его знает, как (приборы то шкалили, то падали в ноль), но магический резерв Авроры продолжал расти. В проекции её ауры, которая, как и мозг девочки, разительно отличалась от остальных, Бенжамин увидел такое, после чего какое-то время сидел и оторопело мотал головой. Словно его треснули по макушке дубиной, обмотанной тряпьем. Да по сути и треснули...

— Всё работаешь? — раздался из-за спины звонкий голос Рори.

Подошла она совсем неслышно.

Тонкие руки обвились вокруг его шеи, она прижалась сзади к спинке его кресла, наклонившись, потёрлась щекой об его щёку. На секунду Бенжамин прикрыл глаза, стараясь не потерять контроля. С Авророй это было очень сложно сделать. Нечеловечески сложно!

— А ты почему не спишь? — спросил он, разворачиваясь и обнимая её в ответ. Но в последний миг она с тихим смехом увернулась из-под его руки и в следующую секунду уже сидела у него на коленях, вновь обнимая за шею.

Глядя прямо ему в глаза, прижалась губами к губам.

На какое-то время мир просто перестал существовать. Была только она. Её тёплое дыхание, нежный аромат, мягкие, податливые губы и ладошки, скользящие по его щекам, волосам, плечам. Она целовала робко и нарочито медленно, словно узнавала его заново. Тихо ахала, когда он прижимал к себе её худенькое тело, гладил ладонями по спине, ласкал затылок, вздыхала, плаваясь в его руках, еле слышно стонала от удовольствия, разительно усиливая водоворот острых, пронзительных ощущений, в который утягивало обоих.

Затем смущённо отпрянула. Тяжело дыша, уткнулась носом в его плечо. Никогда ещё Бенжамин не чувствовал себя таким счастливым.

— Не спится, — пробормотала она тихонько. И буквально добила его следующим вопросом, заданным самым невинным тоном. — Побудешь со мной, пока я не усну?

Бенжамин шумно выдохнул.

— Рори, — протянул он. — Так нельзя...

— Как? — она захлопала потемневшими ресницами.

— Ты — девушка. Я...

— А ты мужчина, — закончила она за него. — Я в курсе.

— Ты не девушка, ты суккуб, сбивающий меня, грешного, с пути истинного, — хрипло, но стараясь подбавить в голос ханжества, провозгласил Бенжамин и погладил её по щеке. Такая нежная...

Аврора прыснула.

— Была бы я суккубом, ты бы уже сбился с пути, — нарочито обиженно проговорила она, по-детски выпятив губу.

Бенжамин чуть зубами не скрипел от переполняющих его, но до дрожи противоречивых чувств: безграничной нежности и дикого, выходящего из-под контроля, желания.

— Рори, — тихо сказал он. — Я просто хочу, чтобы у нас всё было по-другому. У тебя всё было по-другому. Ты ведь...

— Невинна? — снова закончила она за него. — Есть такой момент. Но отнюдь не глупа.

Он прижал её теснее, чувствуя, что ещё одна провокация с её стороны — и он просто слетит с катушек.

Но она вздохнула.

— Это всё из-за разговора с президентом? Из-за того, что твой дом штурмуют, а Юджин, такое ощущение, собирается надеть глупостей? Из-за этого ты... мы... не можем позволить себе расслабиться?

Бенжамин бросил взгляд на панель за её плечом. Осторожно, стараясь, чтобы это выглядело естественным, щелчком по кристаллу свернул данные. И снова прижал её к себе, припал губами к мягким волосам.

— Конечно, — хрипло ответил он. — Дело именно в этом.

Глава 46. Аврора

Я, наверное, никогда так не уставала. Даже бегая из дома в молельню и обратно, выполняя самую тяжёлую работу и там, и там. Гудящие к вечеру ноги, немеющие пальцы... всё это показалось вдруг детскими игрушками. Сейчас же от обилия новых знаний у меня буквально взрывался мозг!

Добавить к этому стихийные головные боли, проступающие сквозь туманную завесу образы, большей частью непонятные, вспышки света, бьющие по глазам, странные голоса, шёпот... Казалось, я вот-вот вспомню что-то важное. Что-то очень важное... Но когда боль достигала такого пика, когда я уже не могла её скрывать, Юджин ругался (большей частью на Бенжамина), а Бенжамин грозил привязать меня к кровати и наложить сонные чары. Приходилось подчиняться.

С помощью неутомимой и вездесущей Игрит (дожила, уже призраку завидую!) и способности Бенжамина понимать начертанное Богиней, нам удалось переписать целую главу из книги, которая оказалась никакой не книгой, а Свитком. Живым причём. Хорошо, что ему достался мой характер. Или мне его, не суть. Ровный, спокойный, не вздорный и не взбалмошный, как те же левитирующие фолианты в библиотеке академии.

А по Аусвер, я, кстати, скучала. Сердце за неё болело. За каждую статую в ней, за каждую живую картину, за падкую до бус и серебряных ложек, вредную, но добрую горгулью...

Но с головой погружаться в эмоции было некогда.

Мы практически закончили с экспериментальной моделью магического ограничителя, который должен убедить президента в доброй воле всего магического населения Триума. Я, конечно, понимала, что не все согласятся вживить такой. Взять того же Юджина. Он только презрительно фыркал и смотрел на «новую рабскую фистулу» (естественно, это его выражение!) зло. Но я понимала — удастся убедить его — и с остальными получится. Скорее всего.

В комбинации с автономным магическим усилителем, способным извлекать магическую энергию из пространства и напитывать ей артефакты, мы должны произвести на балу фурор.

Но и этого нам казалось недостаточно: мы всю работу над первой, экспериментальной моделью магофона!

По сути — первым в мире, миниатюрным двусторонним порталом!

Через такой, конечно, и пальца не просунешь, слишком невелик диаметр магического вектора и низкая (пока ещё, ха!) скорость передачи, но для проекции объёмного изображения собеседника — прямо над панелью — достаточно! И звуковая передача получалась очень даже качественной! Правда, звук немного запаздывал (опять же — пока!), но это детали.

— ...Поэтому магофоны — проще и удобнее стандартных телефонов, которые преобразуют электрические сигналы в звуковые волны, — я репетировала речь, которую буду произносить перед президентом во время презентации наших изобретений. — В данном случае мы больше не зависим ни от магии, ни даже от электричества. Встроенный магический кристалл обойдётся куда дешевле, чем затраты на, — я запнулась, столкнувшись со взглядом Юджина. Друг смотрел зло и как-то отстранённо.

— Что не так? — спросила я, в свою очередь начиная злиться.

Юджин часто заморгал, словно пришёл в себя и дёрнул плечом, мол, все нормально. Меня это не убедило.

— Смотри, куда суёшь, руки-крюки! — прикрикнул на того Бенжамин, и, отобрав у того шестерёнку, аккуратно поместил её в модель.

Ругался Бенжамин беззлобно, но Юджина, по-моему, это ещё больше задевало. По глазам друга было видно, что его особенно бесит то, что Бенжамин обращается с ним как с ребёнком. Что он и не замедлил сообщить. В довольно неприличной форме, эх.

— Хочешь, чтобы к тебе относились, как к взрослому, поступай, как взрослый, — невозмутимо отрезал Бенжамин.

— Может, ты мне ещё и пелёнки сменишь, папочка? — ухмыльнулся Юджин.

— Разве только для того, чтобы освободить на сегодня от этой обязанности Аврору, — парировал Бенжамин и Игрит, сидящая на краю стола, закинув ногу на ногу, фыркнула, а Юджин густо покраснел. Так умеют краснеть только рыжие.

Я вздохнула и постаралась взять себя в руки. Ещё тратить драгоценное время и силы на ругань не

хватало!

— А мы успеем запатентовать технологию изготовления магофона? — спросила я Бенжамина.

Тот обернулся ко мне и в тот же миг глаза его наполнились нежностью. И чем-то ещё. У меня было ощущение, что Бенжамин чего-то мне не договаривает. Не того, что может причинить мне вред, конечно нет. Просто... Он как будто не хотел меня расстраивать или что-то вроде того. Я, конечно, не могла его за это винить. Хотя я вообще-то сильнее, чем кажусь.

— Через час мы ждём в гости главу комиссии, — ответил он. — Патент будет нашим, обещаю.

— А этот глава не Магистр, случайно? — спросил Юджин.

— Магистр, — не стал отпираться Бенжамин, и, прежде, чем Юджин успел сказать какую-то грубость, пообещал: — Не удержишь себя в руках, пеняй на себя. Попробуй только сорвать наш план. Не все Магистры одинаковы. И не все согласны с существующим режимом.

Юджин, к нашему с Игрит обоюдному удивлению, промолчал.

— Понятно, что производство и торговлю подгребёт под себя Триум, как и центры обслуживания, мне, кстати, нравится, как в книге они называются: сервисные центры. Но нам достанется хороший процент. В контексте планируемых масштабов торговли это будет весьма солидная прибыль.

— Вы, Магистры, только о прибыли и думаете, — проворчал Юджин.

Мне стало обидно за Бенжамина.

— Ты же знаешь, для чего всё это! — не выдержала я, оборачиваясь к другу. — И всё равно вредничаешь. Не надоело? На свою долю прибыли мы сможем выкупить Аусвер, понимаешь? Академия будет нашей! Вся академия! Для начала... Бенжамин поможет полностью сменить руководство и в Аусвер будут обучаться маги из дистриктов, которые смогут потом возвращаться домой, нести полученные знания и опыт в дистрикты! Распространять по всей стране! Триум расцветёт! Конечно, на набор, скажем, по сто человек в год средств сразу не хватит, но мы постараемся принимать хотя бы по двадцать-тридцать человек, с гарантией дальнейшего трудоустройства. Без магических ограничителей! Это ведь дорогого стоит, Юджин! Не говоря уже о том, что все студенты Аусвер, которые находятся там сейчас, все наши друзья, закончат обучение, выйдут из академии живыми, с выросшим магическим резервом! Сейчас в Аусвер без малого учатся двести студентов. Их надо содержать во время обучения, кого-то лечить, с кем-то заниматься по индивидуальной программе! Вот на что нужны деньги!

У Юджина, похоже, было своё мнение на этот счёт. Ему и говорить не нужно было, итак всё с ним понятно.

Большую часть преторианцев перебить, Преториум разрушить. Каждому магу — свободу, граничащую со вседозволенностью.

Восстание, революция, внутренние распри, война.

Как итог — ослабевшее, к радости соседей, разграбленное своими же государство. К слову, среди соседей у нас не только человеческие расы. Есть и такие, по сравнению с визитом которых Аусвер раем покажется. И я ещё молчу о Красном Кристалле (том самом Гневе Богини), о котором мне рассказал Бенжамин. Доберётся кто-то до него — а уж во время революции кто-то точно доберётся — и прощай жизнь в нашем мире. С концами...

Возможно, я бы и об этом Юджину выпалила (ну вот разозлил!), несмотря даже на предостерегающий взгляд Бенжамина. Отвлекла Игрит. Она шумно высморкалась в невесть откуда взявшийся призрачный же платок, им же промокнула слёзы на прозрачных щеках и воскликнула:

— Ты меня растрогала!

— Прости, — я перевела дыхание.

— А, какого чёрта! — вдруг воскликнула Игрит и махнула рукой.

Она вдруг соскочила с края стола, описала вокруг меня дугу, а потом вдруг приблизила своё лицо к моему и приложила к вискам призрачные ладони.

Бенжамин и Юджин метнулись к нам, и я расставила руки в стороны, жестом показывая им не двигаться.

— Всё в порядке! — не отрывая взгляда от призрачных глаз бывшего Оракула, прокричала я. — Мне ничего не грозит, честно!

— Она ничего не сделает Авроре, — пробормотал Юджин, и краем глаза я увидела, положил руку на плечо Бенжамину. Тот сглотнул.

— Не сделает, конечно, — тихо ответила я. — Я... кажется, я вспоминаю...

В мозгу словно вспыхнуло! Лавиной обрушились те самые, пытающиеся пробиться ко мне прежде образы, звуки, голоса! Закрутили, завертели в бешеном водовороте...

И я вспомнила!

Но поскольку это случилось в одночасье, в какую-то долю секунды, моё сознание просто не успевало за этим цунами новой, непонятной, напрашивалось слово — стихийной информации!

— Что ты видишь, Рори? — ворвался в этот сумасшедший информационный поток голос Бенжамина. — Не думай, не размышляй, говори!

— Она из другого мира, — прошептала я. — Богиня. Четырёхликая. Очень красивого. Такого... Я, должно быть, так представляла себе небеса. Много света, много знаний. Много открытий. Технический прогресс достиг такой скорости, такой сложности, что я... я просто не силах понять это. Их механизмы... они стали самовоспроизводящимися. Сознание человека соединилось с вычислительными машинами. Что-то про дополнительный, что ли, искусственный интеллект, память... Память целого мира у каждого! Это невероятно! Биотехнологии, так, кажется, называется стихийное увеличение возможностей человеческого мозга.

Какое-то время я просто открывала и закрывала рот.

— Не молчи, Аврора, — напомнил Бенжамин. — Говори.

— Люди в том мире победили болезни. Почти все... Они начали строить пространственные коридоры, порталы.

Вдруг в ослепительном световом потоке вспыхнули пятнами лица. Двое. Мужчина и... женщина. Белые волосы, брови... Альбинос! Черты лица другие, не мои. И всё же... Всё же было в ней что-то такое знакомое...

— Рори, — услышала я его голос и виски пронзило раскалённой иглой.

Призрак, держащий моё лицо в ладонях, шепнул:

— Ещё немного. Потерпи. Говори быстрее. Облекай мысли в слова.

Я на миг сомкнула веки, показывая, что поняла.

— Её звали Авророй... Блинский ёж! Это не мне тогда она дала имя, когда получилось на считанные секунды проявиться в шторм в нашем дистрикте! Когда маме удалось увидеть её, ожившую стихию! Все думали, Богиня дала имя будущему ребёнку... А она назвала своё!

— Может, прекратить это, — раздался шёпот Юджина. — Кажется, ей больно.

— Тридцать секунд! — поспешила выкрикнуть я и снова принялась описывать информацию, проходящую через моё сознание, позволяющую моей памяти слиться с памятью той, которую мы считали Богиней.

— Она была подругой, — на этих словах мой голос дрогнул, — одного учёного. Тот, кто первым закончил работу над пространственным порталом.

Рори была больна, неизлечимо больна. Она умирала. Знала, что не доживёт до изобретения необходимого ей лекарства. Поэтому решила первой пройти пространственный портал. Во время прохождения должна была произойти перестройка её физического тела, распадение того на мельчайшие частицы, на потоки, а потом произошло бы воссоединение. Но уже без болезни. Она должна была снова «собраться», живая и здоровая, в новом мире. И после смогла бы вернуться домой! К нему...

Но...

Я поморщилась. Слова, мысли, звуки запаздывали. А когда возникали, отвлекали от того, что лилось в меня потоком из глаз Игрита.

— Что пошло не так, Аврора? — тихо спросил Бенжамин.

— Что-то, — прошептала я. — Распастись на потоки получилось, а вот собраться заново — нет. Она уже попала в наш мир, будучи другой формой жизни, иной! И застряла в стихиях! Поэтому у неё

четыре лица... Мир попытался отторгнуть иную форму жизни! Аврора же всеми силами старалась выжить. Баланс был нарушен! Ты был прав, Бенжамин. Магия — это и есть мутация.

— Вот почему Оракулы, через которых она говорила, умирали...

— Да. Она... просто другая. Не человек, но и не стихия. Она принесла разум в природу нашего мира. Как тот самый дополнительный интеллект, усиливающий свойства сознания. Сперва всем от этого было плохо. Маги, даже самые маленькие, убивали, не в силах контролировать себя. Но время брало своё. Брала своё эволюция. Мир принимал иную форму жизни, сливался с ней в единое целое, пусть и нехотя.

— Много же времени это заняло... Две тысячи лет...

— И когда всплеск мутации, вызванный её попаданием к нам пошёл на спад, она окрепла настолько, чтобы проникнуть в разум людей. Проникнуть в физическую форму!! Чтобы научить магов управлять своей силой!! Она передать нам всю информацию, которой обладает сама в четырёх живых, абсолютно материальных Свитках!!!

Неожиданно для себя я всхлипнула.

— Что не так? — тут же всполошился Бенжамин.

— Она назвала нашу планету Юноной... Ей здесь нравится. И она очень сожалеет, что так получилось.

— Если бы я знала, что моё попадание в ваш мир принесёт в него магию и разрушения, я бы трижды подумала, прежде чем прыгать в этот клятый портал!.. Послание Четырёхликой, стих 113-А, — тихо проговорил Бенжамин.

— Значит, нашему миру можно помочь? — спросил Юджин.

— Мы уже начали, — прошептала я. — Она должна прийти в четырех ипостасях, в четырёх своих лицах, и только когда они встретятся, получится вернуть в мир баланс. Иначе привнесённой магии скоро будет не хватать — стихийный всплеск мутации заканчивается.

— Но вы же... мы же научились извлекать магию из пространства, — неуверенно пробормотал Юджин.

— Это не её магия, — уверенно сказала я. — Это её знания научили нас пользоваться тем, что итак было у нас под носом. Но без неё, без этой мутации, мы бы не смогли увидеть, какой же чудесный у нас мир...

— Так что же произойдёт, после того, как четыре её лица встретятся? — голос Тринадцатого Магистра дрогнул.

— Не знаю, — покачала я головой. Игрит вдруг отстранилась от меня, убрала руки от лица. Стихийная волна памяти схлынула, и я чувствовала себя уставшей и малость отупевшей. — Но ей явно станет лучше.

Игрит взмыла к потолку, и, описав над нами круг, не прощаясь, скрылась в стене.

Я помотала головой, переводя взгляд с Бенжамина на Юджина.

— Значит, ты и в самом деле живой Свиток Четырёхликой? — тихо спросил друг.

— По сути я — это она и есть, — смущённо пробормотала я. — Только не полностью. Всё же я — это я, — и посмотрела на Бенжамина. Тринадцатый Магистр ответил мне долгим взглядом.

— Значит, за работу, — пожала я плечами. — Бал совсем скоро, успеть нужно многое.

Глава 47. Аврора

Эдгард — тот самый маг-эmissар, что привёз меня в Преториум, бесспорно, о многом врал. Но не обо всем. Тот, кто действительно умудрялся закончить ту же Аусвер, становился магом. Сильным, уважаемым. И очень богатым.

Это стало понятно с того самого момента, как мы подъехали к президентской резиденции. Огромной и великолепной. Она обрушилась на нас лавиной роскоши, красоты, великолепия и утончённости — неизменных ценностей истинного преторианца.

Гигантские колонны-колоссы, мраморные арки, амфитеатры!

Легендарные Висячие сады — прежде я о них только читала, а теперь с жадностью голодного обжоры всматривалась в интереснейшее инженерное сооружение с каскадом многоуровневых парков. На каждом уровне — поражающие многообразием причудливые породы деревьев, кустарников и цепляющихся за кристаллические выступы цветущих лоз!

Фонтаны, подсвеченные разноцветными кристаллами, взмывающие к самым звёздам!

Парящие магические огни!

Воздушные лестницы, увитые цветущими лианами!

И, наконец, сам дворец — с мерцающими стенами, с окнами, в каждое из которых с лёгкостью влетит дракон!

Видя всё это великолепие (боюсь, эту красоту наблюдала только я: Бенжамин уже здесь бывал и всё время был настороже, ну а Юджин, по своему обыкновению, злился) самым сложным было, что называется, держать «варежку захлопнутой».

Бал в честь Независимости Триума проходил в таком огромном зале, на площади которого мог бы с лёгкостью расположиться мой родной дистрикт.

Мы шли под прицелом множества глаз мимо разодетых преторианцев, самых богатых и влиятельных людей Преториума. Мимо Магистров в парадных камзолах, среди которых я узнала Магистра Рэйба, нашего ректора и остальных, кто работает в Аусвер. Ректор выглядел злым, обескураженным. Глаз Магистра Лойбса почему-то скрывала повязка. Был среди Магистров и Нгеллер: даже на расстоянии я различила мастерски выполненную иллюзию на его лице. Под ней Нгеллер выглядел, мягко говоря, фигово. Я вдруг вспомнила Касьяна в первый свой день в Аусвер и не сдержала мстительной улыбки.

С нами был тот самый Эдгард, эmissар. Он нёс футляр с моделями для презентации и время от времени преданно ел Бенжамина глазами.

Все эти церемонные приветствия, комплименты платью — его доставили (в числе прочих) к Бенжамину домой и (с помощью Игрит) я выбрала розовое, воздушное, расшитое жемчугом, разговоры о погоде, похвалы, воздаваемые напиткам, закускам, оркестру, в котором, по заверению гостей, собрались сплошь знаменитости — слились для меня в единую череду картинок, каждую из которой нужно было встречать дежурной улыбкой (Игрит научила), кивком, вежливым, ничего не значащим ответом. Несмотря на внешнюю невозмутимость, внутри всё сжималось. Сердце пропускало удар за ударом, во рту то и дело пересыхало. Я ждала встречи с президентом.

И дождалась.

Луций Тод, стоящий на возвышении посреди зала, жестом позвал нас подняться к нему.

Чем выше я поднималась по лестнице, тем сильнее слабели ноги, но какая-то сила продолжала нести меня вперёд. Клянусь, я даже ног не чувствовала!

Президент Триума возвышался над нами. Огненно-рыжий, широкоплечий, статью и чем-то неуловимым в его облике напоминающий льва. Он и вправду смотрел на своих гостей, как царь зверей на свой прайд.

Юджин, шагающий рядом, по левую руку, споткнулся.

Щелчком пальцев я помогла другу сохранить равновесие, мельком бросила взгляд на его побледневшее лицо.

И поняла, что Луций Тод, президент Триума напоминал мне... не только льва...

Презентация прошла, что называется, без сучка, без задоринки.

Правда, после того, как я отметила разительно сходство друга и Тода, прошла, что называется, мимо меня. Нет, внешне всё было безупречно. Я почти нараспев повторяла заученные фразы, демонстрировала автономный магический источник, магический ограничитель (в качестве подопытного любезно выступал Эдгард), с помощью Бенжамина и Юджина отвечала на вопросы президента.

Когда пришла очередь демонстрации магафона — Эдгард со вторым устройством спустился вниз и скрылся в толпе — вниманием президента мы уже владели безоговорочно.

Хоть тот и хмурился, и сохранял бесстрашие на лице, в глубоко посаженных (и до боли знакомых!) выцветших серых глазах читался неподдельный интерес! Я бы даже добавила определение «восторг», но мне кажется, к президенту оно не может быть применимо. Не по чину, что ли...

Юджин же, вопреки всему, крутил головой, хмурился, словно ожидал чего-то...

— Значит, вот какова цель вашего самоуправства, Тринадцатый Магистр? — обратился президент к Бенжамину и Юджину, наконец, перестал вертеться, выдохнул, и, казалось, весь превратился в слух. — Вы и в самом деле работали... В твоей гениальности Триум не сомневался. Но всё же следовало рассказать всё мне. Сразу.

— Прошу прощения, президент, — Бенжамин слегка склонил голову. — Но это идеи не мои. Я лишь помог воплотить их. Если бы не мои студенты, которых я вынужден был избавить от слишком пристального внимания Магистра Нгеллера, а также остального Магистрата Двенадцати, у нас ничего бы не вышло.

Президент поморщился. Выстрел, что называется, пришёлся в яблочко.

— И это не единственные таланты Аусвер, уверяю вас, — продолжал метко наносить удары в цель Бенжамин. — Я выслал вам и результаты других исследований и работ. Чтобы представить их все, нам просто не хватило бы времени до утра. Но, уверяю вас, Аусвер нуждается в серьёзных реформах. Каждый из подведомственных мне, как куратору академии студентов, заслуживает особого внимания. Не говоря уже об их искреннем желании служить Триуму.

— И чего же вы хотите, Бенжамин? — спросил президент. — Патентов? Насколько я знаю, вы уже получили их, — он усмехнулся, показывая тем самым что ничто в Преториуме не происходит без его внимания и дозволения. — Государственной помощи в налаживании производства? Финансирования вашего личного исследовательского фонда? Перевода тех студентов, что подают надежды для Триума, в «Преторий»?

— Нам нужна академия Аусвер, — спокойно и уверенно ответил Бенжамин. — Нам дорог каждый студент. Мы ходатайствуем о выкупе Академии, полной смене руководства и преподавательского состава. Добиться со всеми остальными тех же результатов, что мне удалось с этими двумя возможно только в условиях их абсолютной безопасности и уверенности в завтрашнем дне. И это, в первую очередь, в интересах Триума. Вы знаете, Луций, что можете мне доверять, — добавил он тихо. — Я не в силах переступить клятву Магистра.

Президент смотрел на него и молчал. Бегло мазнул взглядом по лицу Юджина, по мне. Наконец, он сказал:

— Я знаю, что я могу доверять вам, Бенжамин. Но... вы просите слишком многого.

«Я не могу доверять вашим студентам. Магам», — говорил его взгляд.

— Каждый из моих студентов готов присягнуть Триуму, — уверенно произнёс Бенжамин.

Президент вдруг посмотрел на меня.

— Теперь я понимаю, почему Нгеллер так хотел получить тебя, — сказал он. — А Рэйб вцепился обеими руками и не хотел отпускать, — он махнул рукой Бенжамину. — Позвольте нам пообщаться с юной леди, которая произвела настоящий переворот в моём Магистрате Двенадцати, наедине.

Каждое слово Тода отдавалось набатом в висках. Бенжамин вынужден был положить руку на плечо Юджину и подтолкнуть того к лестнице. Я бросила взгляд на друга и обомлела: серые глаза Юджина полыхали безумием, лоб покрылся испариной.

— Успокойся, — одними губами прошептала я. — Всё будет хорошо.

— Не дури, парень, — так же тихо, но настоятельно порекомендовал Бенжамин, сжимая его плечо. — Не сорви нам всю операцию.

Юджин нервно дёрнул плечом, сбрасывая руку Бенжамина, но всё же дал себя увести. По лестнице

он спускался последним, всё оглядывался на меня. На нас с Тодом.

— Значит, самый сильный дар за всю историю Триума... — задумчиво проговорил президент, делая вид, что не замечает, как у студента Аусвер «сдают нервы». — Мне говорили, ты альбинос.

— Как видите, — пожалала я плечами. — Я и вправду была альбиносом. Но с попаданием в Аусвер и развитием магического дара что-то пошло не так.

— Двадцать восемь маг-кубов по Муррею, — президент, казалось, говорил сам с собой. Взгляд же у него оставался цепким, вёдливym. И очень умным.

— Какие у тебя планы на жизнь, Аврора? — неожиданно спросил он.

Я посмотрела на него серьёзно.

— Учиться, учиться и ещё раз учиться, как завещал кто-то из великих, простите моё невежество. Я хочу приносить пользу. Работать, — перечисляла я. — И освободить магов.

Президент дёрнул уголком рта, показывая, что оценил мою дерзость.

— А на что ты пойдёшь ради исполнения своих желаний? — спросил он. — Ты согласна присягнуть Триуму?

И я... в общем, я не смогла соврать.

— Я согласна присягнуть всему человечеству.

Президент нахмурился.

Я почувствовала, прямо кожей ощутила, что вот-вот произойдёт что-то страшное. Словно в этот самый момент невидимый палец нажал на спусковой крючок...

И не ошиблась.

Пространство вдруг рассекли молнии!

Больно ударили по глазам вспышки острого, колючего света!

Грянул гром! Его раскаты отразились от стен, потолка. Взрывной волной откинуло назад волосы, я пошатнулась и вцепилась за край трибуны. Следом раздались хлопки. Я не сразу сообразила, что это выстрелы.

В гигантскую дыру в потолке, прямо над нашими головами, на магических цепях спускались люди. Каждый из них держался за цепь коленями, в обеих руках — по револьверу. Магическому револьверу... Они и стреляли.

Над головой грянуло:

— Час Сокрушителей Оков пришёл! Смерть Магистрату! Смерть Тоду! Смерть — Преториуму!

И раздался адский, раздирающий душу хохот...

Магистры — даже в толпе они стояли обособленно — падали один за другим, как подкошенные. На парадных камзолах расплывались тёмные пятна.

Время словно остановилось, застыло.

Мелькнуло бледное, перекошенное лицо Бенжамина. Словно сквозь толщу воды донёсся его крик:

— Ложись!!!

Я опоздала на какую-то долю секунды.

Меня обхватили за плечи, вдавливая плечом в грудь президента.

Я подняла взгляд: лица Юджина и Тода были так близко, что возникало ощущение, что один и тот же человек смотрит в зеркало. Старящее, или наоборот, возвращающее молодость.

Мир ушёл из-под ног, потонул в звуках хаоса!

Юджин сбил с ног нас обоих, закрывая спиной.

Друг несколько раз дёрнулся и я поняла, что он, прикрыв меня собой, взял на себя выстрелы,

предназначавшиеся мне. Или президенту. Но... вряд ли он кинулся спасать Тода.

Больше я не рассуждала. Некий внутренний импульс заставил вжать ладони в его грудь и выдохнуть. Взгляд друга, на миг остекленевший, стал осмысленным.

Рядом шумно выдохнул Тод. Такое ощущение, что он не успел понять, что произошло. И в этом нельзя его винить: скорость реакции мага в разы превышает скорость реакции обычного человека.

Лица президента и Юджина были совсем близко.

Интересно, это только я вижу, что Юджин — копия Тода?! — циклилась в голове шальная мысль и я поняла, что разум хватается за неё, как утопающий за соломинку. Потому что было страшно! Смерть — это всегда страшно!

Пространство взрывалось грохотом и белым светом. Раздавались крики, звучали выстрелы. Президентская охрана-таки показала отличную подготовку. Правда, если бы не Юджин, охранять им сейчас было бы уже некого.

Над нами, наконец, замерцал защитный купол.

Маги извлекали смертельные чары и металы их в тех, на цепях. Кажется, они назвались Сокрушителями Оков...

Сквозь магический полог, я видела, как тела напавших повисают сломанными куклами. Марионетками, которые возомнили себя вышедшими за пределы пьесы.

— Бенжамин!!! — рванулась я к лестнице, но Юджин удержал меня.

Я кричала и билась под его руками, пока не услышала голос любимого.

Тринадцатый Магистр проник под защитный купол и, встретившись со мной взглядом, осел рядом. На плече его расплывалось кровавое пятно, но я видела, что выстрел прошёл вскользь. Видеть кровь Бенжамина... это оказалось почему-то невыносимым. Я сжала виски ладонями, изо всех сил сдерживая крик, и, должно быть, всё же не выдержала. Потеряла сознание. Ненадолго.

...Поднимаясь, президент помог подняться мне. Затем протянул руку Юджину, и я снова подивилась их удивительному внешнему сходству.

— Вы доказали свою верность Триуму, — в наступившей тишине голос Тода отразился от остатков потолка, стен, парящих вокруг, покрытых копотью, магических кристаллов. — Я даю разрешение на все ваши проекты. Академия Аусвер переходит под абсолютное руководство её куратора, Бенжамина Сенеки.

Глава 48. Аврора

Возвращение в Аусвер было триумфальным. И выматывающим.

К нашему возвращению, благодаря новым магическим напульсникам, в академии не осталось ни одного студента, кто не почувствовал бы себя лучше и не понял, что что-то пошло не по плану. Не по веками установленному порядку.

Ходили слухи, что это какой-то новый хитрый ход Магистрата, что наверняка за «новшество» придётся заплатить куда большую цену... Волнения среди студентов чуть было не привели к бунту. Но я знала, кому мы были обязаны его отсутствием. Прочла в глазах Касьяна, Ветлы, Таси, Ари, Жас. Веру в нас. И надежду.

Бенжамин был максимально честен со студентами.

Его слова о полной смене руководства и преподавательского состава были встречены с недоверием. Куда больше внимания (и первых проблесков радости в глазах парней и девушек) была удостоена новость об извлечении и уничтожении — за ненадобностью — магических фистул.

Введение новой терапии по восстановлению магического резерва (теперь нам не от кого было прятаться), новых предметов, — составление и утверждение нового учебного плана, конечно, займёт много сил и времени, но оно того стоит!

Каждый студент вскоре предстанет перед выбором: навсегда покинуть Аусвер и Преториум, и, не закончив обучения, вернуться домой, с вживлённым магическим ограничителем. Или вернуться домой (а может, остаться в столице) после обучения и магической присяги Триуму, — без каких-либо ограничителей. В последнем случае следовали несколько лет обязательной практики по своей специальности.

Но пока об этом было рано думать — сперва следовало найти этих самых Сокрушителей Оков, убедить в искренности наших намерений, переманить на свою сторону. Прежде чем их найдут миротворцы. Потому что в том, что касается «обезвредить» наши с президентом мнения, мягко говоря, отличались.

Я подозревала, что Юджин может нам помочь в их поисках, но друг упорно отрицал, что что-либо знает о них и о покушении на президента.

Хорошенько расспросить Юджина об этих самых Сокрушителях мешало ещё и то, что с нами в Аусвер он не вернулся. Пока. Остался во дворце Тода. Всё же я оказалась не единственной, кто заметил их внешнее сходство. У президента, помимо искренней благодарности к Юджину за спасение жизни, было много вопросов. О матери, о семье, о жизни до того, как прибыл в Аусвер.

Игрит осталась с Юджином. «Присмотреть», — так она сказала. Кроме того, призраку понравился президентский дворец, и она заявила, что прежде, чем возвращаться на работу в Аусвер, она заслуживает отпуска «за вредность». Насчёт «вредности» Юджин был с ней согласен.

...Бенжамин отдавал последние распоряжения, за окном темнело, на сгустившемся куполе неба за окном проступил прозрачный молодой месяц. Бледный, как будто заплаканный.

Я ожидала Тринадцатого Магистра в его кабинете, пила крепкий кофе со сливками в компании Молчаливой Леди (вот какой дурак прозвал её молчаливой?!) и листала свежие газеты под мерную трескотню призрака.

Первые полосы пестрели нашими фотографиями (в основном — фото Юджина и обнимающего его за плечи Луция Тода) и громкими заголовками.

«Студент Аусвер спас жизнь нашему президенту!»

«Героический поступок студента Аусвер!»

«Юджин Валкони — запомните имя героя!»

«Студент Аусвер готов был отдать жизнь за президента и чудом остался жив!»

«Слава тебе, Юджин!»

И так далее в том же духе.

Дальше шли менее значимые новости. Фотографии разрушенного дворца, неподвижно лежащих тел, осыпавшихся стен, обломков...

«Магистрата Двенадцати больше нет!»

«Зверское убийство Магистров прямо во дворце!»

«Бал в честь Независимости Триума превратился в бойню!»

И лишь затем, наконец, шли новости, самым красноречивым образом доказывающие, что глава Триума держит своё слово.

«Студенты Аусвер совершили открытие, которое перевернёт Триум с ног на голову!»

«Грядут новые, светлые времена!»

«Вторая эпоха Магического Возрождения!»

А также:

«Реформа в магической академии»

«Новый состав администрации Аусвер»...

— Значит, Юджин — герой, Сенека — ректор, а Аусвер теперь земля обетованная для всех дистрикских магов? — подвела итог леди Морвейн.

— Похоже на то, — кивнула я.

— Ты же не против, если я покажу всё это нашим? Мы, конечно, всё слышали, всё знаем, но как же приятно прошуршать страницами...

— Нет, конечно! Разве я могу быть против?

— Тогда пойду, соберу всех! — с этими словами призрак скрылся в стене.

Не успела исчезнуть светящаяся в сгустившемся вечернем воздухе кромка платья, как дверь открылась и в кабинет вошёл Бенжамин.

Вид у него был усталый и счастливый. Но усталый, пожалуй, больше. Среди убитых Магистров был также его отец, префект Люпус Сенека. И, хоть я знала уже, что особой теплоты между отцом и сыном никогда не было, всё же смерть родного человека — это утрата. А если ещё и в свете водоворота всего случившегося... нет, ну я знаю, что Бенжамин сильный, но это всё как-то чересчур даже для него!

Я ахнула — ну вот откуда только у него силы взялись? — когда Бенжамин подхватил меня на руки, закружил, впился поцелуем в губы. Поцелуй был жадным, настойчивым, полным властной нежности и какого-то трепета, что ли.

Долгим... и в то же время пролетевшим в один миг.

Бенжамин отстранился, и я разочарованно всхлипнула, принякая к его груди. Мне было мало, чертовски мало, но увидев в глазах любимого те же сомнения, что заметила ещё накануне бала, я не стала настаивать на продолжении.

Он опустил в кресло и я, недолго думая, уселась к нему на колени и обвила руками шею. Он прижал меня к себе, провёл подушечками пальцев по щеке и губам, зарылся носом в распущенные волосы и вдохнул.

— Ты как? — спросил он, чуть отстранившись.

Я хмыкнула и ответила вопросом на вопрос.

— Напавшие на Тода маги... Им можно помочь?

Бенжамин тяжело вздохнул и покачал головой.

— Двенадцать убиты на месте, троим удалось уйти, двое задержаны. Впрочем, задержаны — это мягко сказано. Один в критическом состоянии, вряд ли он придёт в себя. Второй... Похоже, сошёл с ума. Смеётся и говорит, что оно того стоило. А ещё повторяет, что их предали и он обязательно доберётся до предателя. Увы, даже я не смогу их вытащить. Его держат в изоляционной камере. Дважды он пытался покончить с собой. Остаётся надеяться, что мои люди найдут остальных «революционеров» раньше президентских спецслужб.

Я вздохнула. Какое-то время сидела молча, склонив голову ему на плечо, вдыхала такой родной, такой необходимый запах.

А потом спросила:

— А у нас есть выходной?

— Пожалуй, выходночь точно есть — пошутил Бенжамин.

— Тогда я хочу домой.

— Ты уверена, что не хочешь остаться с подругами?

Я тихо рассмеялась.

— Совершенно уверена.

Я прильнула к нему снова и поцеловала.

А спустя два часа, выйдя из душа в одном халате, решительно направилась в его спальню.

Бенжамин ожидаемо листал наспех сшитые страницы, испещрённые символами и графиками. Вот кто бы сомневался!

Я хмыкнула, и, потянув в стороны борта халата, сбросила его с плеч.

Тринадцатый Магистр сглотнул, глядя на меня, а затем помотал головой, словно только что очнулся ото сна.

— Что-то не так? — невинно спросила я, делая шаг к кровати.

— Рори... Что ты делаешь?

— Я ещё не начала. Ничего делать. Если честно, я даже не знаю, что именно делать. Думала, ты подскажешь...

— Ро, — хрипло выдохнул он. — Я... я не могу, — он рванул ворот рубашки.

— А смотришь так, как будто вполне можешь, — заверила я его.

Он вытянул руку перед собой, ладонью вперёд, словно загораживаясь от бьющего в глаза света.

— Но ты... ты ведь по сути — живая Богиня, — прошептал он.

Вместо ответа я забралась к нему на кровать, отбросила в сторону исписанные мелким почерком листки и опустилась рядом на пятки. Медленно расправила плечи, потрянула волосами... И мужские горячие ладони обожгли кожу, выбивая из груди стон удовольствия.

— И что, что Богиня? — спросила я, видя, что он всё ещё медлит. Изо всех сил сдерживает себя, но медлит. — Хочешь покаяться в грехах, дитя моё?

— Хочу.

— Кайся, — милостиво разрешила я, запрокидывая голову и подставляя шею для поцелуя. — Я подумаю, отпустить их тебе, или нет...

— А я ещё не согрешил, — ответили мне.

Глава 49. Аврора

— Ты уверена, что не хочешь поехать со мной, осмотреть помещения для производства? — спросил Бенжамин и легонько сжал мои пальцы. Тело тут же нежно прошило магическими разрядами, внизу живота сладко ёкнуло.

Я отвернулась от окна, в котором мелькали дома, здания, деревья, улицы — таким ранним утром они были ещё пусты и обернулась к Бенжамину.

— Я очень хотела бы, но, думаю, мне лучше быть сегодня в академии. У девочек, должно быть, много вопросов. Хотелось бы хоть немного их успокоить.

— Им пришлось многое пережить, — кивнул Бенжамин. — Но главное то, что всё страшное — позади.

Я кивнула.

— Тогда постарайся не перенапрягаться, — попросил он. — Ты и трёх часов не проспала, — я покраснела под его взглядом. Как будто он сам спал! — Я приеду вечером. На днях Аусвер посетит президент, — сообщил он со вздохом. — Мало нам своих реформ, надо ещё подготовиться к его визиту.

С этим я была целиком и полностью согласна. Нам ещё президента в академии не хватало!

— Я буду скучать, Рори, — тихо сказал Бенжамин.

— И я не хочу расставаться. Даже на день. Только ты видишь меня такой, какая я есть. Настоящей. Всегда видел.

— Я был как все. Ло встречи с тобой.

— Не правда, — я польщённо улыбнулась.

— Не спорь. Ты — мой свет, Рори.

— А ты мой...

Какое-то время мы молчали. Мысль о том, что нам вскоре предстоит расстаться, была мучительна. Но, увы, дел было много. И сами себя они не переделают.

Я вздохнула, возвращаясь к насущным вопросам.

— Я не хочу, чтобы ещё хоть один из студентов Аусвер пошёл этой дорогой, — пробормотала я. — Не хочу. И не потому, что революция — это всегда кровь, боль и страдания. По больше части невинных. Просто им всем надо знать, к чему может привести война в Триуме. Мы же расскажем о Красном Кристалле?

Бенжамин бросил на меня взгляд.

— Обязательно расскажем, — пообещал он. И добавил, глядя на дорогу: — Но прежде, чем с головой погрузиться в рутину, предлагаю выделить полчаса для небольшого приключения.

— Какого приключения?

— У меня для тебя небольшой сюрприз, — Бенжамин тепло улыбнулся.

Я обернулась к окну. Очень странно. Дома встречались всё реже и были не такие роскошные, как принято в Преториуме. Зато деревьев стало больше. Впереди виднелось зеркало воды.

— Озеро?! — восторженно воскликнула я. — Или речка? Подожди, мы ведь всё ещё в Преториуме?

— К сожалению, да, — усмехнулся Бенжамин. — Мы подъедем к академии с другой стороны. Я хотел показать тебе окрестности. Знаю, ты хотела бы выбраться в дистрикт...

— И не на одну ночь! — подтвердила я, свосторгом глядя, как водоём приближается.

Вот чего мне не хватало — девушке, выросшей на берегу реки, в далёком приморском дистрикте. Вода... Но как Бенжамин это понял?

— Сейчас это невозможно, к сожалению. Пока невозможно. Но обещаю сделать всё, что в моих силах. Мы обязательно выберемся и проедемся по самым красивым местам Триума. Как только запустим производство и согласуем новую учебную программу Аусвер. Преподавательский состав

сформирован из бывших выпускников и магов Преториума. Тех, кто прежде не допускался к преподавательской деятельности из-за подозрений с несогласием с системой. Таких много среди преторианцев. Ты меня не слушаешь? — усмехнулся он.

Я с трудом отлипла от окна, за которым простиралась водная гладь.

— Слушаю, но не очень внимательно, — призналась я. — Бенжамин! Это великолепно! Это утро я не забуду никогда!

Спустя минуту я, скинув туфли и стянув чулки, тянула за собой Бенжамина к тихой кромке воды.

Мокрый песок приятно охлаждал ступни, небо над макушками деревьев на другом берегу розовело. Мир замер в ожидании нового дня. Воздух был утренний, свежий, кристально-чистый. Пахло спокойствием и немного тиной.

Я таки уговорила Тринадцатого (или теперь правильной говорить — Единственного?) Магистра разуться, и, закатав брюки, зайти со мной в воду.

Ощущение от ласкающей ступни воды было волшебным, непередаваемым! Бенжамин обнял меня за плечи, нежно поцеловал в макушку.

— Рори, — немного смущённо проговорил он. — Я должен был сказать это раньше. Ну, вроде, девушкам это важно. Но я люблю тебя, очень люблю. Вот.

Щёки так и запылали!

— Глупости, — фыркнула я и потёрлась щекой об его плечо. — Сам же говорил, что я не такая, как другие, что я единственная в своём роде, — поддела я Магистра, но не могла не признать, это было приятно, чертовски приятно!

— Значит, моё признание для тебя ничего не значит? — притворно возмущился Бенжамин.

— Я тоже тебя люблю, — просто сказала я. — И, такое ощущение, что нашла после долгих поисков. Знаю, это звучит глупо, но... Что с тобой?

Бенжамин медленно вертел головой с вытаращенными глазами и открытым ртом.

Я проследила направление его взгляда и ахнула: прямо над нами кружили бесплотные, но уже знакомые мне существа: крохотные крылатые человечки с крыльями, как у бабочек, с капельками-шапочками над забавными лицами. Духи воды! Фэйри! И не только! Существ было много! Одни были похожи на бабочек, другие — на стрекоз, на птиц, на людей... а также похожие на что угодно, только не на людей! Они кружили вокруг радужными сполохами, пели, щебетали, переговаривались тонкими мелодичными голосами, похожими на птичий щебет. Они радовались! Я точно знала, они радовались! Им было хорошо!

В этот самый момент я окончательно поняла, что мы всё делаем правильно!

— Рори, — хрипло выдохнул Магистр. — Ты... тоже это видишь?!

— И не первый раз, — призналась я. — Разреши представить: Госпожа Магия этого мира. Мира, имя которому — Юнона. Волшебство, как оно есть, в чистом виде. И, что-то мне подсказывает, это только начало!

— Но почему... Почему я раньше этого не замечал...

Пока я думала над ответом, которого у меня, к слову, не было, несколько крылатых существ надели (ладно-ладно, бухнули с размаху) мне на голову венок из лилий! По лицу, волосам, мантии побежали мокрые дорожки, а из груди вырвался радостный смех.

— Кажется, я знаю. Это она... Ну, — я смутилась, — та, кого мы зовём Богиней. Она долго говорила с Юноной. Она уговорила этот мир открыться нам! Я жизнь готова отдать за то, чтобы и другие увидели. Почувствовали. Ощутили эту красоту. Узнали её! Ведь она совсем рядом. Ближе, чем дыхание...

— Рори, — совершенно ошалевший Бенжамин привлёк меня к себе, заглянул в глаза. Тыльной стороной ладони вытер влажную дорожку со щеки. — Не нужно больше говорить о жертвах, слышишь? Раз я смог увидеть, и другие смогут. Хорошо?

— Хорошо, — пообещала я. — Поцелуй меня, Бенжамин.

...Спустя какое-то время мы, обнявшись, босиком (обувь осталась у автомобиля) пошли обратно.

Впереди нас ждал долгий, и, скорее всего, трудный, но (теперь — несомненно!) счастливый день.

Который, правда с самого начала пошёл не так, как планировалось...

Стоило нам приблизиться к автомобилю, как из-за него вышли двое. Их лица показались мне знакомыми. Высокий парень с синими волосами и девушка, с зелёными. В руках они держали револьверы. Я сходу распознала магическое оружие. Такое стреляет разрывными капсулами с кислотой.

Дула обоих револьверов смотрели прямо на нас.

Я оглянулась — за спиной стояло ещё несколько человек, и все с оружием!

— Приехали, Сенека, — зло улыбнулся парень с синим ирокезом. — А теперь поговорим.

Глава 50. Юджин

Каменный коридор вильнул в сторону. В ноздри врезался запах гнили и сырого камня. Воздух был спёртый, было душно и влажно, каким и положено ему быть в подземелье. Кто бы мог подумать, что под Преториумом самые настоящие катакомбы! И, что немаловажно — заброшенные катакомбы. В большинстве своём обрушившиеся, давно забытые, но кое-что, оказывается, удалось отрыть. А кое-что даже и построить.

Становилось понятно, каким образом Сокрушителям Оков удавалось прятаться столько времени.

Коридор расширился: они вышли в хорошо освещённую пещеру с высоким сводом. С грохотом по потрескивающим рельсам приблизилась вагонетка.

На место водителя ловко вскочила Юла, Ромус устроился вместе с Юджином на заднем сиденье. Они тронулись навстречу чёрной пасти тоннеля.

Юджин поморщился: вагонетки в подземелье работали на электричестве. И не только. Как и охранный система «нижнего Преториума».

В средствах Сокрушители Оков были не слишком щепетильны: бывшие студенты Аусвер, беглецы из колоний, маги, они умудрились наладить «питание» от городских систем.

Юджин подумал, что это, должно быть, одна из причин (не единственная, конечно, но всё же), почему магическое оборудование Преториума так часто выходило из строя в последнее время.

Мог ли он осуждать Сокрушителей Оков? Которые, естественно, были в курсе, откуда берётся магия в Преториуме. Это был очень спорный и очень сложный вопрос. На такие так просто не ответить.

— Ты и в самом деле бастард Тода? — вырвал его из размышлений голос Ромуса.

Глава Сокрушителей оков смотрел пристально, въедливо.

Юджин и не подумал отводить взгляд. Ему не в чем оправдываться. Пусть каются те, кому есть в чём.

— Бастард бастарда, быть может, — пожал он плечами. — Тоду хренова туча лет. И законных детей у него вроде как нет. Это что-то меняет?

Юла, прислушивавшаяся к их разговору сквозь грохот вагонетки, дёрнула плечами.

— В любом случае честь его убить принадлежит тебе, — сказал Ромус.

— Благодарю.

— Но сперва ты станешь одним из нас! — Юла порывисто обернулась и обожгла его взглядом. Смотрела она зло. Ещё бы! Убить президента на балу, вместе с тварями-Магистрами, не удалось. По его, Юджина, вине. И тот факт, что Юджин спасал Аврору для Сокрушителей Оков не был аргументом.

— А разве я не один из вас?

— Шутишь? — Ромус вздёрнул брови. — А кто спас Тода и сорвал план? Кто виноват в смерти наших братьев?!

— Так почему вы меня не убили?

— Много знаешь, — фыркнула с переднего сиденья Юла.

Ромус усмехнулся. Но взгляд его оставался холодным, цепким.

— Обычно за лишние знания платят жизнями. Но тебя они спасли. Считаю, это твой последний шанс. Ты научишь нас восстанавливать магию. Ты нужен жителям Нового Триума.

— Вы знаете, я спасал ту единственную, кто может нам в этом помочь!

Ромус покачал головой.

— Она нам не нужна, она на стороне Магистрата. А ты — наш. Если ты вступишь в наши ряды.

— Я уже вступил в ваши ряды! Я здесь, с вами. Это ли не доказательство!

— Если ты настаиваешь на доказательствах, докажи свою верность.

Юджин цыкнул зубом. Он понимал, что ему угрожают. Даже ожидал чего-то подобного. Но не боялся. Аусвер умеет навсегда излечить от страха.

— И что нужно сделать? — криво усмехнулся он. — Побрить тебе задницу?

— Не настолько серьёзное доказательство верности, — снова усмехнулся одними губами Ромус. — Сейчас ты всё узнаешь.

Сумрак тоннеля вдруг рассекла светящаяся молния.

Юла дёрнулась, выхватывая оружие, но, опознав в сияющем силуэте призрака, выругалась.

Над вагонеткой, раскинув руки в стороны и полоща на ветру развевающимся одеянием Оракула, неслась Игрит.

Увидев, что Юджин её заметил, призрак подмигнул и помахал рукой. А потом ожидаемо запел:

— Сражались мы неоднократно

С неправдой ненавистною,

Но часто нам мешала правда,

Земная маленькая правда,

Правда, да не истина...* (* «Песня о правде и об истине» к/ф «Не покидай» прим. авт.)

— Да сгинь ты! — в сердцах воскликнула Юла и нервно оглянулась. — Упокойте её уже кто-нибудь!

— Не выйдет, — тонким голосом ответил призрак и показал язык. — Богиня даровала мне бессмертие.

— Остынь, Юла, — сказал Ромус. — Тем более мы уже приехали.

— Куда? — спросил Юджин.

— Увидишь.

Прежде, чем отомкнуть магический замок, Юла обернулась и впилась взглядом в Юджина.

— Готов? — спросила она. — К вступлению в ряды Сокрушителей Оков?

Юджин был готов. Но только не к тому, что увидел, стоило двери распахнуть перед ним свою пасть.

Прямо на каменном полу с раскинутыми в стороны руками в светящихся, поглощающих магию кандалах, сидел Сенека. Рядом — в той же позе Аврора.

Видеть её в цепях, такую маленькую, хрупкую, было выше его сил!

Но, что хуже, — они даже голов к ним не повернули. Смотрели друг на друга. И улыбались с такой нежностью и теплотой, что внутрь словно забрался кошка и принялся точить когти о сердце. Глаза предательски защищало.

Аврора, наконец, повернула к нему голову. И улыбнулась. Чистой, светлой улыбкой. Как только она одна умела.

Ромус хлопнул его по плечу. Юла вложила в руку револьвер. Тот самый, с разрывными капсулами.

— Казни преступников своей рукой! — приказал Ромус. — И мы тебе поверим.

— Ты станешь одним из нас! — криво усмехнувшись, подтвердила Юла.

Сенека, наконец, тоже удостоил его взглядом. Никогда ещё не видел Юджин в глазах Магистра такой безмятежности.

— Привет, Валкони, — сказал он. — Последняя часть мозаики. Значит, пропуск в шайку головорезов, гордо именующих себя революционерами — жизнь последнего Магистра и его невесты. Как банально...

Глава 51. Аврора

— Невеста, — повторил побледневшими губами Юджин. — Как это... невеста?!

В голосе друга было столько горечи, а в глазах столько боли, что и мне невольно защемило сердце. Как я могла не замечать, что он влюблён в меня? И, что самое стыдное, кажется, я последняя, кто это понял... Ну конечно, у меня голова только магией и наукой забита... А сердце... В сердце царил Бенжамин. С самого начала. Правда, на то, чтобы понять это, потребовалось время.

Игрит — вот кто бы сомневался, что она пропустит такое событие! — виновато развела руками.

— Я думала ты знаешь о нас с Бенжамином, Юджин, — сказала я. — Да, я его невеста. И ни одна сила в мире не разлучит нас.

— Это что-то меняет? — ухмыльнулся Ромус.

Юджин сглотнул.

— Уведите её, — сказал друг, по-прежнему глядя мне в глаза. — Уведите её отсюда! Говорю же, она с нами.

— С вами, — подтвердила я. — И не только с вами.

— Слышал?! Давай же! — воскликнул Ромус. — Стреляй!

Юджин по-прежнему смотрел на меня.

— Вы с ума сошли, — покачал головой он. — Я не буду её убивать. Это Богиня!

— Ты совсем двинулся. Дайте я! — Юла выхватила из кобуры на поясе револьвер и направила дуло мне в лоб. Я обернулась к Бенжамину.

Магистр был спокоен, словно это было чаепитие. Он знал, что сейчас произойдёт.

Грянул выстрел. Юджин метнулся вперёд, желая заслонить меня собой.

Не успел.

Но это и не требовалось.

Кандалы на моих руках заискрились и осыпались на каменный пол трухой. То же самое произошло с кандалами Бенжамина.

Я поднялась стремительно, рывком.

Это не заняло больше доли мгновения.

В следующий миг Юджин с Юлой покатались по полу.

— Юла! — крикнул Ромус, в свою очередь, выхватывая оружие из кобуры.

Щелчок — и пальцы его разжались, револьвер брякнул о камень.

Ещё один — и Юджина с Юлой разбросало по сторонам.

Оба обернулись на меня.

Прямо у моей груди, прямо в воздухе, застыла капсула.

— Рори! — голос Бенжамина был сердит. — Ты обещала, что не будешь рисковать!

— А я и не рисковала, — покачала я головой.

— Что, сфинксы меня дери, происходит?! — прорычал Ромус, шаря рукой по полу.

Бенжамин шагнул к нему и ударом ноги отбросил револьвер, который выронил Глава Сокрушителей Оков, к стене.

— Приглядиись внимательнее, — сказала я Ромусу.

— Чтоб я сдох, — вырвалось у него ошарашенное.

Капсулу, которая якобы зависла в воздухе, держали в крохотных ручках сразу два духа воды. В

капельках-шапочках на головах, с прозрачными крыльями за спиной. Лица у духов, чего уж там, были сердитыми.

Сумрак подземелья заискрился, замерцал всеми цветами радуги. Игрит тихонько рассмеялась и потёрла ладоши.

Юджин, Юла, Ромус... Все застыли с открытыми ртами.

Пространство ожило, наполнилось самыми невероятными существами. Они роились вокруг, летали кругами вокруг Сокрушителей Оков, грозили крохотными кулачками, сердито пищали и строили рожицы.

Я взмахнула руками — и тотчас по стенам заструились мерцающие потоки, наполняя подземелье светом. В полу закрутилось два крохотных водоворота, в которых, булькнув, исчезли оба выроненных револьвера. Третий, тот что Юла по-прежнему держала в руках, с укориженным вздохом, выхватил из пальцев девушки один из духов и брезгливо бросил в водную воронку, которая с чавканьем поглотила его, прежде, чем высохнуть.

— Как... как ты это сделала?! — Ромус с Юлой недоумённо переглянулись.

Бенжамин обнял меня за плечи, прижимая к себе. Пальцы Магистра дрожали. Я накрыла их своей ладонью и ответила, покачивая головой:

— Это не я. Это истинная магия нашего мира. Она пробуждается. И она говорит нам: довольно смертей!

— Так это правда? Ты и есть — Богиня?!

Я покачала головой.

— Очень сомневаюсь.

— Ты знала, что будет так? — воскликнула Юла. — Знала с самого начала?! Вы оба знали! И потому вы были такие спокойные!

— Тебе не откажешь в наблюдательности, — вместо меня ответил Бенжамин.

— Так чего же ты ждала? Почему нельзя было... сразу, — Ромус выглядел смущённым и обескураженным.

— Не чего, а кого, — ответила я. — Конечно, мы ждали Юджина. И Игрит.

— Гранд мерси, — довольно пискнул призрак. — Я бы вам не простила, если бы пропустила такое.

— Сфинксы, — Ромус, который поднялся, опираясь о стену, закрутил головой по сторонам. — Куда всё делось?!

По лицам Юджина и Юлы я поняла, что и они больше не видят.

— Никуда не делось, — ответила я. — Всё на месте. Думаю, вы ещё увидите. Но не сразу.

— А когда? — пробормотала Юла.

Черты лица девушки смягчились, взгляд оставался настороженным. Но и виноватым.

Мы с Бенжамином переглянулись.

— Я знаю только одно, — ответила я Юле. — Больше не будет смертей. С нас со всех довольно!

— Грядут перемены, — сказал Бенжамин. — Те самые, о которых вы мечтали, за которые боролись. Доступными вам методами. Я обещаю вам защиту. Если, конечно, не будете дурить.

— Взамен на что?

Магистр пожал плечами.

— Нам понадобится любая помощь. Предстоит хорошо поработать, прежде чем навсегда покончить с этой магией на крови.

— И уничтожить Гнев Богини?

— Вы и об этом осведомлены? — вскинул брови Бенжамин. — Впрочем, не могу сказать, что я удивлён.

— Мы обязательно и до него доберёмся, — уверенно сказала я. — Оружью, способному уничтожить всё живое не место в нашем общем мире.

— Вы хотите, чтобы мы пресмыкались перед Тодом?!

Бенжамин вздохнул.

— Да кому оно нужно, ваше пресмыкание... А вот лишние руки нам не помешают.

— Но неужели все эти... маги, докторусы и другие кровопийцы останутся живы?

— Давайте посмотрим правде в глаза, — вздохнул Бенжамин и махнул рукой в сторону двери, оснащённой магическим замком. — Ваши чудесные разработки также работают на магических кристаллах.

— Но мы боролись за правое дело!

— Так давайте бороться вместе? И решать проблемы по мере их значимости?

Ромус молчал долго. Юла не сводила с него глаз.

— Что нужно делать? — наконец спросил бывший Сокрушитель Оков.

Эпилог. Юджин

— Кто бы мог подумать, — Юджин положил ладонь на плечо Касьяна, окинул довольным взглядом новый мундир друга. — Ты — и препод в Аусвер!

— Кто бы говорил, — усмехнулся друг. — Господин эмиссар.

— Какое там! — хохотнул Юджин. — Я только на практику, ты же знаешь. Повидаюсь со своими. С мамой, с братьями. Заодно оценю масштабы разрушения. То есть просвещения. Наш прошлогодний выпуск, говорят, такого там наворотил... Весь дистрикт до сих пор на ушах стоит.

— Что ж, — Касьян тепло улыбнулся. — Желаю удачной жатвы. Захвати с собой всех магов, которых встретишь. Здесь всем места хватит.

— Обязательно.

Они шли по коридорам Аусвер. Мужчины и женщины на живых картинах приветливо махали руками, статуи переговаривались за их спинами скрипучими голосами. Мимо открытого окна пролетела, хлопая каменными крыльями, горгулья. Наверняка нашла что-то блестящее и тащит в свой тайник в дальней части парка.

Мимо пронеслась стайка девчонок в мантиях с красной отделкой. Новенькие. У каждой в руках по корню мандрагоры. Понятно, факультет магической биологии. Мандрагора извивалась в цепких пальчиках, недовольно пищала и даже пыталась кусаться: характер у магического корня — ещё тот. Но девчачий щебет и смех заглушал даже этот противный писк. Юджин шутливо нахмурился, провожая их взглядом.

— Дисциплинка у вас, я посмотрю, — нарочито строго сказал он.

Касьян рассмеялся и похлопал друга по плечу. В распахнутое окно влетела стайка фэйри с разноцветными крылышками и с писком скрылась за поворотом.

Одна из статуй, та, что стояла обособленно, приветливо помахала им. На голове статуи был венок из водяных лилий. Увидев, что её заметили, она тут же сделала вид, что потеряла к проходящим мимо друзьям интерес, повернулась точёным профилем и с упоением уставилась в зеркало на тонкой ручке. Новое, украшенное кристаллами. Этого добра теперь — хоть отбавляй.

— А с Авророй ты попрощался? — спросил Касьян.

Юджин поморщился и нехотя помотал головой.

— Они с Сенекой на конференцию поехали. Представлять новую модель магофона. Со встроенным порталом на этот раз. Перебрасывает на двадцать километров. Так что, — он усмехнулся, — зная энтузиазм Ро, она может быть сейчас где угодно.

— Ну, как знаешь, — Касьян кивнул, взгляд друга был понимающим. Как и всегда. — Юла, кстати, тебе привет передавала.

— Знаю я её приветы, — усмехнулся Юджин. — Она не оставляет надежды меня уговорить.

— На секс?

— Да щас, — хмыкнул Юджин. — Если бы. Говорит, что мне в Багровый Каньон по пути. Просит добыть яйца грифонов.

Юджин развёл руками и закатил глаза.

— Экологически чистый вид воздушного транспорта, как я мог забыть, — Касьян фальшиво хлопнул себя по лбу ладонью.

— Чистый, ага, — осклабился Юджин. — Представляешь, какую кучу хм, удобрения, эдакая махина выбрасывает на лету?

— Не хочу представлять, — рассмеялся Касьян. — Но вроде их дрессировать можно. Тася, кстати, в восторге от идеи грифоньей фермы.

— Я же говорю, это заговор! — деланно закивал Юджин. — Как тебе это удаётся? Ну, что твоя девушка и твоя бывшая подружились?

— Я тут ни при чём. Это всё легендарная женская дружба, которой вроде как быть не должно. И, кстати, Тася мне уже не девушка.

— Это как?

— А вот так! — Касьян развёл руками. — Меня повысили.

Усмехнувшись на замешательство Юджина, он подмигнул:

— Они вчера с Юлой весь Преториум перевернули. Платье искали.

— Да ладно! Ты ей предложение сделал?

— Скажем так, мне некуда было отступить, — смутился Касьян.

— Ну конечно! Ещё скажи, что тебя заставили!

— Скажу, что свадьбы без тебя не будет, — улыбнулся Касьян. — Так что возвращайтесь скорее, господин эмиссар. И яйца грифона, да, захватите.

Они обнялись на прощание, похлопали друг друга по спине.

Юджин вышел из здания Аусвер, спустился по лестнице.

— Па-а-берегись! — раздалось сверху зычное и Юджин инстинктивно отпрыгнул в сторону.

Мимо него пронеслась фигурка с облегающим комбинезоном и плотно прилегающих к лицу очках. За спиной девушки были складные крылья, правда, одно повисло — видимо, не выдержало.

— Жас, ты когда-нибудь шею свернёшь, — беззлобно проворчал Юджин, поднимаясь и стряхивая травинки с рукава.

Смуглянка хмыкнула.

— Вот будет у меня грифон — буду летать на грифоне, — фыркнула она.

— И ты туда же!

— А что? Юле, ты, значит, привезёшь грифона, и Тасе тоже, а я что, лысая?

— Хм, — только и вымолвил Юджин. К слову, Жася подстриглась. Коротко. Очень коротко. К тому же виски выбрила. — Это кто тебе сказал, что я за грифонами еду?

— Все знают, — передёрнула плечами Жас и, оглядев сломанное крыло, выругалась. Юджин шумно выдохнул и деликатно промолчал.

У самых ворот его окликнули.

— Юджин! — он вздрогнул. Этот голос он узнал бы из тысячи. Да хоть бы и из миллиона... — Ты хотел уехать, не попрощавшись? — подруга укоризненно покачала головой.

На Авроре было платье цвета палевой розы, пепельные волосы рассыпаны по плечам.

— Я думал, ты на конференции.

— Была, — кивнула подруга. — И вот, сбежала пораньше. Чтобы тебя застать.

— Правда? Бросила Сенеку ради меня?

— Юджин! — укоризненно покачала головой Аврора.

С тихим смехом она привстала на цыпочки, обвила его шею руками и поцеловала в щёку.

— Я не прощаюсь, Южин, — сказала она.

Юджин ощутил, как щёки предательски запылали.

— Компас у тебя с собой? — спросила она.

Юджин кивнул.

Одно из новейших достижений магтехники. Точный магический прибор, реагирующий на колебания магического фона, который неизбежно создаёт вокруг себя Свиток ждал его в комнате, в чемодане.

Аврора и сама хотела бы отправиться на поиски, да и Сенека не раз обещал бросить всё к сфинксовой матери и сбежать с женой из этого дурдома, имя которому «Новый Триум». Но... дела,

производство, реформа на реформе, бесконечные исследования и конференции... Ожидание, опять же: со дня на день станет известно, удалось ли молодой чете учёных получить Премию Муррея... Магистру снова приходилось положиться на эмиссара. Правда, на этот раз он подстраховались. Не без помощи молодой жены.

И если в радиусе двадцати километров от Юджина будет находиться Свиток, компас непременно на него укажет.

— Удачи, Юджин, — сказала Аврора. — Мы все будем тебя ждать.

— Уж не знаю, меня ли, — улыбнулся он. — Тася с Юлой, вон, яйца грифона уже ждут. И Жас туда же.

Аврора рассмеялась.

— Их Ромус надоумил. Только не говори ему, что я его выдала.

— Вот его бы и отправляли, — проворчал он. А потом спросил неожиданно для себя: — А ты, Ро, хочешь встретить, ну, таких же как ты? Свитков?

— Это сложный вопрос, — Аврора лукаво улыбнулась и склонила голову набок. — Вот ты любил когда-нибудь?

— Да уж побольше, чем Сенека, — проворчал он.

— Ну вот видишь. И всё же это другое. Это, — она закусил губу, нахмурилась, покачала головой. — Это как ожидать встречи с самой собой, скучать по себе. Их надо найти. А то вдруг живут, как я, где-то в глубинке, в такой глуши, куда даже миротворцы не заглядывают... И знать не знают, как мы тоскуем друг без друга. Магический фон там пока слабо проявлен, развиваться быстро и вспомнить, кто ты — сложно. Так что надо искать.

Она широко улыбнулась.

Юджин немного грустно улыбнулся в ответ.

Выйдя за ворота, он направился по широкой аллее.

Раздался тихий свист. Он обернулся.

— А, это ты...

— А то кто же, — подтвердила Игрит. — Мы на дирижабле полетим или по магистрали? А давай с пересадками, чтоб на теплоходе тоже прокатиться?

— Мы?!

— Здравствуйте, приехали, — деланно всплеснул ладошками призрак. — Я в жизни не была в Багровом Каньоне. И грифонов живых не видела.

— И ты туда же!

— К тому же без меня ты обязательно во что-то вляпаешься, — продолжала Игрит. — И грифона без меня тебе не поймать!

— С ума сошла, — Юджина передёрнуло от этого дикого предположения. — Не собираюсь я их ловить! Максимум, пару яиц добуду...

Игрит довольно улыбнулась и потёрла призрачные ладошки. В Аусвер, конечно, весело, но неплохо бы и мир посмотреть!

Она летела рядом, и, как всегда, тихонько напевала:

— Сыграть мы пьесу были рады, И все старались искренне, И все что видели вы, — правда, И все что слышали вы, — правда, Правда, да не истина...*